

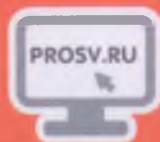
В. Я. Коровина В. П. Журавлев В. И. Коровин

ЛИТЕРАТУРА

Часть 1

7

ПРОСВЕЩЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

И. И. Шишкин. «Цветы на опушке»

* * *

Смотри, как роща зеленеет,
Палящим солнцем облита,
А в ней какую негой веет
От каждой ветки и листа!

Войдём и сядем над корнями
Дерев, поимых родником, —
Там, где, обвеянный их мглами,
Он шепчет в сумраке немом.

Над нами бредят их вершины,
В полдневный зной погружены,
И лишь порою крик орлиный
До нас доходит с вышины...

Ф. И. Тютчев

В.Я. Коровина В.П. Журавлев В.И. Коровин

ЛИТЕРАТУРА

7 КЛАСС

Учебник

для общеобразовательных организаций

В двух частях

Часть 1

Рекомендовано
Министерством образования и науки
Российской Федерации

5-е издание

Москва «Просвещение» 2016

УДК 373.167.1:82.0
ББК 83я72
К68

На переплёте — фрагменты репродукций картин
Б. М. Кустодиева

На учебник получены положительные экспертные заключения по результатам научной (заключение РАН № 10106-5215/649 от 14.10.2011 г.), педагогической (заключения РАО № 162 от 29.01.2014 г., № 168 от 05.02.2015 г.) и общественной (заключения РКС № 181 от 07.02.2014 г., № 838 от 01.04.2015 г.) экспертиз.

Коровина В. Я.

К68 Литература. 7 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 2 ч. Ч. 1 / В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин. — 5-е изд. — М. : Просвещение, 2016. — 358 с. : ил. — ISBN 978-5-09-037554-2.

Учебник соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту основного общего образования, «Примерным программам по учебным предметам. Литература. 5—9 классы» и «Рабочим программам. Литература. Предметная линия учебников под редакцией В. Я. Коровиной. 5—9 классы».

УДК 373.167.1:82.0
ББК 83я72

ISBN 978-5-09-037554-2(1)
ISBN 978-5-09-037555-9(общ.)

© Издательство «Просвещение», 2013
© Художественное оформление.
Издательство «Просвещение», 2013
Все права защищены

В этом году вам предстоит познакомиться с новыми произведениями устного народного творчества, сочинениями русских писателей XIX и XX веков, с переведённой на русский язык литературой зарубежных стран.

С. Я. Маршак писал, что «литературе так же нужны талантливые читатели, как и талантливые писатели. Именно на них, на этих талантливых, чутких, обладающих творческим воображением читателей, и рассчитывает автор, когда напрягает все свои душевные силы в поисках верного образа, верного поворота действия, верного слова». Что это значит? На что надеется каждый автор? Писатели и учёные советуют читать внимательно, вдумчиво. Прислушаемся к их советам и рассуждениям...

* * *

...Книги говорили мне о том, как велик и прекрасен человек в стремлении к лучшему, как много сделал он на земле и каких невероятных страданий стоило это ему.

И в душе моей росло внимание к человеку — ко всякому, кто бы он ни был, скоплялось уважение к его труду, любовь к его беспокойному духу. Жить становилось легче, радостнее — жизнь наполнялась великим смыслом...

И с глубокой верою в истину моего убеждения я говорю всем: любите книгу, она облегчит вам жизнь, дружески поможет разобраться в пёстрой и бурной путанице мыслей, чувств, событий, она научит вас уважать человека и самих себя, она окрыляет ум и сердце чувством любви к миру, к человеку...

М. Горький

Читайте, читайте и читайте! Читайте не торопясь, чтобы не терять ни одной капли драгоценного содержания книг. Человек, «глотающий» книги, похож на путешественника, знакомящегося со страной из окна вагона. Заставляйте себя читать медленно, запоминая, обдумывая, представляя самого себя в гуще тех событий и той обстановки, какими наполнена книга, делая себя как бы их непосредственным свидетелем и даже участником. Только тогда перед вами до конца откроется созданный писателем большой и прекрасный мир...

Мощь, мудрость и красота литературы открываются во всей своей широте только перед человеком просвещённым и знающим.

К. Г. Паустовский

У человека должны быть любимые произведения, к которым он обращается неоднократно, которые знает в деталях, о которых может напомнить в подходящей обстановке окружающим и этим то поднять настроение, то разрядить обстановку... то посмешить, то просто выразить своё отношение к происходящему с вами или с кем-либо другим...

Д. С. Лихачёв

Если взять отзывы Пушкина о его современниках, то у вас создаётся впечатление, что он их переоценивает. Он хвалит не только Вяземского и Гоголя, которого сразу заметил. Но наряду с ними хвалит Туманского и Бегичева. Восхищается Дельвигом и Кюхельбекером. Почему? Они ему больше давали, чем нам. Способность усваивать, его внимательность к книге больше, чем у нас. И он умел от всякого взять полезное.

Мне часто приходилось видеть книги Льва Николаевича Толстого. Он не закончил среднего учебного заведения. Но знал немецкий язык, как немец. Хорошо знал французский язык. Немножко говорил даже по-цыгански. Он относился к книгам своим как к людям, которые будут ему нужны всю жизнь.

Я помню библиотеки Маяковского, Хлебникова, Блока.

Все они читали по-разному. Блок знал много. И всё время совершенствовал своё знание. Он знал античность. Он умел готовиться к поездке. Перед тем, как куда-нибудь поехать, скажем в Италию, в Равенну, он читал, что же он там увидит.

Маяковский читал неожиданных для себя писателей, например, он знал Сумарокова. И читал из него строки. Я даже запомнил: «Стихотворенья дух, высокий дух...». Здесь стихотворение — не в смысле написанное в стихах, а сотворение стиха. И Маяковский, открывший книгу у меня в библиотеке, узнал строку Сумарокова и начал читать. Для него это было интересно. Конечно, он знал многих писателей и поэтов, он знал почти всех.

Иногда думают, что Сергей Есенин мало знал. Это неверно. Он знал много. Когда я с ним познакомился, ему было

что-то около девятнадцати лет. Такой красавец из деревни. Он знал не только русских писателей, он знал французскую поэзию.

Виктор Шкловский

Поэзия всегда стремилась открыть в мире прекрасное, муками доказали поэты, как долг и тяжёлый путь к красоте, постижению смысла жизни.

Поклонимся же низко за эту благородную работу стихотворцу и пожелаем ему того, что желали странники Востока друг другу: «Торопись обрадовать добрым словом встречного, может быть, в жизни не придётся больше повстречаться».

Виктор Астафьев

Проверьте себя

1. Какие советы М. Горького, К. Паустовского, Д. Лихачёва кажутся вам важными и каким из них вы следовали при чтении?
2. Прочитайте пословицы, объясните их смысл. Подумайте, как отражается в них отношение народа к чтению и книге: русская — «Не на пользу читать, коли только вершки хватать», немецкая — «В хороших книгах охотно роются», английская — «Выбирай писателей так, как выбираешь друга».

Известны ли вам другие пословицы на эту тему? Какие? Назовите и объясните их.

Знакомимся с новым учебником

Рассмотрите внимательно учебник. Расскажите, с какими писателями и произведениями предстоит познакомиться впервые, какие справочные и изобразительные материалы помогут в этом.

Обратите внимание, что литературоведческие термины объясняются в кратком словаре терминов и в справочном разделе теории литературы. Сведения о писателях, художниках, литературоведах можно найти в справочнике имён¹. Дополнительные сведения о них вы можете найти в Интернете.

В конце обеих частей учебника — материалы о том, как читали свои произведения и на что обращали внимание при чтении

¹ Словарь имён и краткий словарь литературоведческих терминов размещены в конце второй части учебника.

авторы художественных произведений, включённых в учебник. Там же — рекомендации по внеклассному, самостоятельному чтению, статьи о литературных местах России, связанных с жизнью и творчеством писателей.

Мы желаем радостных встреч с новыми писателями и новыми произведениями знакомых авторов. Пусть помогут они вам стать умными и любознательными читателями, добрыми и интересными собеседниками, справедливыми и отзывчивыми людьми. Пусть растёт в ваших сердцах «внимание к человеку», «уважение к его труду», «любовь к его беспокойному духу»!

Обогащаем свою речь

Объясните значение слов и словосочетаний, подберите к ним синонимы, приведите примеры их употребления в речи:

- талантливый писатель —
- талантливый читатель —
- творческое воображение —
- читать вдумчиво —
- найти точные слова —
- стремление к лучшему —

Творческое задание

Напишите для школьной газеты статью на тему «Советы читателю».

Предания

Предания — поэтическая автобиография народа. Предание — жанр фольклора. Это устный рассказ, который содержит сведения об исторических лицах, событиях, передающихся из поколения в поколение. Возникают предания часто из рассказа очевидцев. На фоне больших и малых исторических событий, народных движений вырисовываются монументальные фигуры государственных деятелей Древней Руси. Первый из них — Рюрик, родоначальник первой княжеской династии. Цикл сказаний посвящён Ивану Грозному. Последующие страницы устной летописи надолго останавливаются на деяниях Петра Первого. Иван Грозный изображён в архаической традиции — в качестве жреца, мага, всесильного царя («Наказание реки Волги»). Веяние времени отражает тему его борьбы с колдовством («Сороки-ведьмы»).

Ранние предания о Петре Первом связаны с походами на Азов. Готовясь ко второму из них и взятию Азовской крепости, монарх отдаёт приказ о строительстве флота в Воронеже, а потом и сам работает на верфи («Пётр и плотник», «Царь Пётр и солдат»). В народной памяти запечатлены приезд Петра на Север в 1702 году, победа над шведами, Полтавская баталия («Пётр Первый в Троицко-Сергиевском монастыре»). В каждом из преданий сказался настрой Петровской эпохи: раскованность в поведении героев, юмор в повествовании, изображение исторических событий на бытовом, а то и будничном фоне.

Там, где прошёл Пётр, навсегда осталась память о деятельном, нетерпеливом «осударе». Рядом с Петром встают те, чьими трудами мужала Россия, — землепашцы, рыбаки, мастеровые, солдаты.

По Н. Криничной

Проверьте себя

1. Вспомните, какие былички и предания были прочитаны вами в предыдущих классах.
2. Какие качества Петра I навсегда сохранились в народных преданиях? Как вы думаете, почему?

Обогащаем свою речь

Как вы понимаете словосочетания: *содержит сведения, родоначальник первой княжеской династии, цикл сказаний, Петровская эпоха, раскованность в поведении героев, землепашцы, мастеровые*? Перескажите статью Н. Криничной, употребив перечисленные словосочетания.

Воцарение Ивана Грозного

Прежде как на Руси царей выбирали: умрёт царь — сейчас весь народ на реку идёт и свечи на руках держит. Опустят эти свечи в воду, потом вынут, у кого загорится — тот и царь.

У одного барина был крепостной человек — Иван. Подходит время царя выбирать, барин и говорит ему:

— Иван, пойдём на реку. Когда я царём стану, так тебе вольную дам, куда хочешь, туда и иди!

А Иван ему на это:

— Коли я, барин, в цари угожу, так тебе беспременно голову срублю!

Пошли через реку, опустили свечи — у Ивана свеча и загорись. Стал Иван царём, вспомнил своё обещанье: барину голову срубил. Вот с этой поры за это его Грозным и прозвали.

Сороки-ведьмы

Когда царём в Москве был Иван Васильевич Грозный, то на Русской земле расплодилось всякой нечисти и безбожия многое множество. Долго горевал благочестивый царь о гибели народа христианского и задумал наконец извести нечистых людей на этом свете, чтобы меньше было зла, уничтожить колдуний и ведьм. Разослал он гонцов по царству с грамотами, чтобы не таили православные и высылали спешно к Москве, где есть ведьмы и переметчицы. По этому царскому наказу навезли со всех сторон старых баб и рассадили их по крепостям, с строгим караулом, чтобы не ушли. Тогда царь отдал приказ, чтобы всех привели на площадь. Собрались они в большом числе, стали в кучку, друг на дружку переглядываются и улыбаются. Вышел сам царь на площадь и велел обложить всех ведьм соломой. Когда навезли соломы и обложили кругом, он приказал запалить со всех сторон, чтобы уничтожить всякое колдовство на Руси, на своих глазах.

Охватило полымя ведьм — и они подняли визг, крик и мяуканье. Поднялся густой чёрный столб дыма, и полетели из него сороки, одна за другою — видимо-невидимо. Значит, все ведьмы-перемётчицы обернулись в сороки и улетели и обманули царя в глаза.

Разгневался тогда Грозный-царь и послал им вслед проклятие:

— Чтобы вам, — говорит, — отныне и до веку оставаться сороками!

Так все они и теперь летают сороками, питаются мясом и сырыми яйцами. До сих пор боятся они царского проклятия пуще острого ножа. Поэтому ни одна сорока никогда не долетает до Москвы ближе шестидесяти вёрст в округе.

Пётр и плотник

Царь приезжал в Воронеж корабли строить, за то ему и памятник в Воронеже поставлен. Сказывали, что он иногда вроде как рабочим был: сам рубил и пилил.

Созвали в Воронеже лучших плотников и всех к работе приставили. И был среди них лучший из лучших мастер. Вот начали работать, работает с ними и Пётр.

А мастеру и невдомёк, что с ним работает сам царь, думал: какой-нибудь новичок из приезжих. Посмотрел он, как Пётр плотничает, и выругал его крепким словом: то не так, другое не эдак. Стал ему показывать, и Пётр быстро всё перенял. А когда стали шабашить, он и говорит мастеру:

— Хотя ты меня и крепко ругал, но я зла на тебя не имею, спасибо за науку.

Снял со своей руки кольцо и отдал мастеру.

— Носи, — говорит, — да вспоминай, что науку царю преподавал.

Размышляем о прочитанном

Вы прочитали предания об Иване Грозном и Петре Первом. Какими предстают в «устной летописи» Иван Грозный и Пётр Первый? На что обращает внимание народный сказитель?

Будьте внимательны к слову

1. Как можно объяснить слова *предание*, *летопись*, *быличка*? Вспомните названия преданий, с которыми вы познакомились в 5—7 классах.
2. Подготовьтесь к пересказу одного из преданий, сохранив особенности языка повествования.
3. Объясните смысл слов и причину их появления в тексте преданий: *грозный*, *горевать*, *благодетельный*, *колдуны*, *разгневался*.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Предание. «Пётр и плотник»

1. Послушайте народное предание о царе Петре и плотнике. Подумайте, чем пересказ предания отличается от сказывания волшебной сказки. Почему?
2. Какие чувства молодого царя сумел выразить актёр в словах Петра, обращённых к плотнику?
3. Какие черты характера царя запечатлелись в народной памяти?
4. Подготовьте выразительное чтение предания. Постарайтесь в своём чтении передать отношение народа к легендарному образу царя.

Былины

Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества...

М. Горький

Уже тысячу лет назад никто на Руси не мог засвидетельствовать, с каких пор повелось петь былины и сказывать сказки. Они передавались от предков вместе с обычаями и обрядами, с теми навыками, без которых не срубишь избы, не добудешь мёда, не вырежешь ложки. Это были своего рода духовные заповеди, заветы, которые народ чтит.

Строитель возводил храм — получалась просторная палата, под куполом которой из узких проёмов в стене лился и играл солнечный луч, словно было возведено жилище для сказочных и былинных героев.

...Такова была сила поэтического сказания, сила сказочной выдумки. Где тайна этого всевластия? Она в самой тесной и прямой связи со всем укладом жизни русского человека. По этой же причине мир и быт русской крестьянской жизни составил основу былинного и сказочного творчества.

Былины (от слова «быль») — произведения устной поэзии о русских богатырях и народных героях.

Действие былин происходит в Киеве, в просторных каменных палатах — гридницах, на киевских улицах, у днепровских причалов, в соборной церкви, на широком княжеском дворе, на торговых площадях Новгорода, на мосту через Волхов, в разных концах Новгородской земли, в других городах: Чернигове, Ростове, Муроме, Галиче.

Русь и тогда, в далёкую от нас эпоху, вела оживлённую торговлю с соседями. Поэтому в былинах упоминается знаменитый путь «из варяг в греки»: из Варяжского (Балтийского) моря в Неву-реку по Ладожскому озеру, по Волхову и Днепру.

Певцы воспевали широту Русской земли, раскинувшейся под высоким небом, и глубину днепровских омутов:

Высота ли, высота поднебесная,
Глуботá, глуботá океан-море,
Широко раздолье по всей земле,
Глубоки омуты Днепровские.

Сказители знали и о далёких землях: о земле Веденецкой (скорее всего, Венеции), о богатом Индийском царстве, Царь-граде, разных городах Ближнего Востока.

Множество достоверных черт древнего быта и жизни придаёт былинам документальную ценность. В них рассказывается об устройстве первых городов. За городскими стенами, которые защищали селение, сразу начиналось раздолье чистого поля: богатыри на сильных конях не дожидаются, пока отворят ворота, а скачут через башню наугольную и сразу оказываются на просторе. Лишь позднее города обстроились незащищёнными «пригородками».

Хороший конь был в большом почёте на Руси. Заботливый владелец холил его, знал ему цену. Один из былинных героев, Иван — гостиный сын, бьётся о «велик заклад», что на своём трёхлетнем Бурочке-косматочке обскачет всех княжеских жеребцов, а Микулина кобылка обошла княжеского коня вопреки пословице «Лошадь пашет, конь под седлом». Верный конь предупреждает своего хозяина об опасности — ржёт «во всю голову», бьёт копытами, чтобы разбудить богатыря.

Сказители поведали нам о настенных украшениях в парадных жилищах. Нарядна одежда героев. Даже на оратае Микуле нерабочая одежда — рубаха и порты, как бывало в действительности:

У оратая шляпа пуховая,
А кафтанчик у него чёрна бархата.

Это не выдумка, а реальность древнерусского праздничного быта. Подробно говорится о конской упряжи и ладьях-ко-раблях. Певцы стараются не упустить ни одной мелочи...

Сколь ни ценны эти черты древнего быта, ещё более ценны воплощённые в былинах думы и чувства народа. Людям XXI века важно понять, ради чего народ пел о богатырях и об их славных делах. Кто они, русские богатыри, во имя чего совершают подвиги и что защищают?

Илья Муромец едет через непроходимые, непроезжие леса ближней, прямой, а не окольной, долгой дорогой. Ему неведом страх перед загородившим проезд Соловьем-разбойником. Это не выдуманная опасность и не выдуманная дорога. Северо-Восточную Русь с городами Владимиром, Суздалем, Рязанью, Муромом некогда отделяли от Приднепровья со стольным Киевом и прилегающими землями дремучие леса. Лишь в середине XII столетия через лесные дебри проложили дорогу — с Оки к Днепру. До этого приходилось объезжать леса, направляясь в верховья Волги, а оттуда — к Днепру и по нему — к Киеву. Однако и после того, как прямоезжая дорога была проложена, многие предпочитали ей прежнюю: новая дорога была беспокойной — на ней грабили, убивали... Илья сделал дорогу свободной, и его подвиг был высоко оценён современниками. В былине развита мысль о едином сильном государстве, способном навести порядок внутри страны и отразить нашествия врагов.

Пример верности воинскому долгу являет и другой воин-богатырь, прославленный в былинах под именем Добрыни Никитича. В схватках с огненным Змеем он дважды одерживает победу. Богатыри сражаются с врагами во имя покоя и благополучия Руси, они защищают родную землю от всех, кто посягает на её свободу.

Как творения крестьянской Руси, былины охотно делали предметом изображения не только события героической обороны страны, но дела и события повседневной жизни: рассказывали о работе на пашне, сватовстве и соперничестве, конных состязаниях, торговле и далёких путешествиях, о случаях из городского быта, о споре и кулачных боях, об увеселениях и скоморошьей игре. Но и такие былины не просто развлекали: певец учил и наставлял, делился со слушателями сокровенными думами о том, как жить. В былине о землепашце Микуле и князе Вольге крестьянская идея выражена со всей ясностью. Будничный труд крестьянина поставлен выше воинского. Неоглядна пашня Микулы, тяжела его соха, но он легко управляется с нею, а дружина князя не знает, как и подступиться к ней — не умеет выдернуть её из земли. Симпатии певцов всецело на стороне Микулы.

Время Древней Руси сказалось и на самом художественном строе, ритмах, строении стиха былин. От поздних песен русского народа они отличаются грандиозностью образов, важно-

Гусляры. Художник В. Васнецов

стью действия, торжественностью тона. Былины возникли во времена, когда пение и рассказывание ещё не отошли друг от друга. Пение придавало рассказу торжественность.

Былинный стих особенный, он приспособлен для передачи живых разговорных интонаций:

Из того ли то из города из Мурома,
Из того села да Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый молодец.

Песенные строки легки и естественны: повторения отдельных слов и предлогов не мешают передаче смысла. В былинах, как и в сказках, есть зачины (в них рассказывается о времени и месте действия), концовки, повторы, преувеличения (гиперболы), постоянные эпитеты («поле чистое», «добрый молодец»).

Рифмы в былинах нет: она затрудняла бы естественное течение речи, но всё же певцы не отказались совсем от созвучий. В стихах созвучны однородные окончания слов:

Так все травушки-муравы уплетались
Да й лазоревы цветочки осыпалися...

Пение былин в древности сопровождалось игрой на гусях. Музыканты считают, что гусли — самый подходящий инструмент

для подыгрывания словам: мерные звуки гуслей не заглушали пения и располагали к восприятию былины. Красоту былинных напевов ценили композиторы. М. П. Мусоргский, Н. А. Римский-Корсаков использовали их в операх и симфонических произведениях.

В искусстве былины как бы осуществилась связь времён Древней Руси и нашей эпохи. Искусство прошедших веков не стало музейным, интересным только немногим специалистам, оно влилось в поток переживаний и мыслей современного человека.

В. П. Аникин

?! Проверьте себя

В чём «тайна всевластия» былин? Подготовьте сообщение о былинах, используя высказывание М. Горького об устном народном творчестве и статью учёного-фольклориста Владимира Прокопьевича Аникина.

О СОБИРАНИИ, ИСПОЛНЕНИИ, ЗНАЧЕНИИ БЫЛИН

Наиболее ранние записи былин были сделаны в XVII веке, а первые публикации текстов в XVIII веке принадлежат писателям М. Чулкову, Н. Новикову, И. Дмитриеву. Важным событием стало издание в 1804 году сборника «Древние российские стихотворения», составленного Киршей Даниловым. В 30-е годы XIX века произведения устного народного творчества стал собирать П. Киреевский, который обратился к литераторам с призывом записывать и собирать фольклор. На призыв откликнулись многие: А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, А. В. Кольцов, В. И. Даль. В 1861—1867 годах изданы четыре тома «Песен, собранных П. Рыбниковым», куда вошло 165 былин. В 1871 году по следам Рыбникова отправился А. Гильфердинг. Он записал 270 былин от 70 сказителей — так родились три тома «Онежских былин». За ними последовало издание «Русских былин старой и новой записи», а также печорских, беломорских, онежских, донских былин. Ф. Буслаев, О. Миллер, А. Веселовский и многие другие учёные-фольклористы активно изучали эти памятники словесности.

В. Аникин делит былины на древнейшие (докиевские): это былины о Волхе, Дунае, Потыке; киевские — о Добрыне, Сухмане, Даниле Ловчанине, Чуриле, Соловье Будимировиче; владимиро-суздальские — об Илье Муромце, Алёше Поповиче; галицко-волынские — о Дюке; псковско-новгородские — о Вольге и Микуле, Садко, Василии Буслаеве; черниговские — об Иване — гостиним сыне; брянские — о князе Романе и братьях Ливиках...

Два основных цикла былин — киевский и новгородский — сложились во время расцвета Киева и Новгорода. Киевский цикл обладает рядом признаков: действие происходит в Киеве или около него; в центре повествования стоит князь Владимир; основная тема — защита Русской земли от кочевников; исторические обстоятельства и быт характерны для Киевской Руси. Ещё одной особенностью киевского цикла стали образы трёх богатырей — Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алёши Поповича, герои социально-бытовых былин — Вольга и Микула, Дюк и др.

К новгородским относятся сказания о Садко, Василии Буслаеве и др. В них затронуты социальные темы, и это обусловлено своеобразием жизни Новгорода, который вёл торговлю со многими странами. Слушатель или читатель воочию представит себе обе части города и соединяющий их мост через Волхов, торговые ряды, быт купечества, влияние Церкви, крепкие семейные порядки, поездки в другие страны.

Почти все былины в XIX и XX веках записаны от крестьян. В крестьянской среде их пели не только мастера-сказители, но и рядовые крестьяне — Т. Рябинин, В. Щеголёнок и др. Это искусство передавалось из поколения в поколение — так, Трофим Григорьевич Рябинин обучил этому сына Ивана, от того пение былин перенял и его пасынок, а от него его сын — Пётр.

Обладая высокими художественными достоинствами, богатым жизненным содержанием, былины сыграли видную роль в развитии русского искусства — литературы, музыки, живописи. Пушкин, Некрасов, Толстой, Горький обращались к их сюжетам. Римский-Корсаков в опере «Садко», Гречанинов в опере «Добрыня Никитич», Васнецов в картинах «Богатыри», «Витязь на распутье», Репин в «Садко» вдохновлялись сюжетами и образами былин, обогащая русскую литературу опытом народного творчества. Русские былины широко переводятся на многие языки мира.

*По кн. Н. И. Кравцова, С. Г. Лазутина
«Русское устное народное творчество»*

1. Какими музыкальными инструментами сопровождалось исполнение былин?
2. В каком веке появились ранние записи былин? Кому принадлежат эти записи?
3. Назовите наиболее известных исполнителей былин? Кто из великих русских писателей откликнулся на призыв собирать и записывать фольклор?
- 4★.¹ Кто из художников иллюстрировал былины, сказки? Подготовьте устное сообщение об одном из художников-иллюстраторов.

Вольга и Микула Селянинович

Когда воссияло солнце красное
На тое ли на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольга,
Молодой Вольга Святославович.

Как стал тут Вольга растеть-матереть,
Похотелоя Вольге много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему в глубоких морях,
Птицей-соколом летать ему под оболока,
Серым волком рыскать да по чистым полям.
Уходили все рыбы во синии моря,
Улетали все птицы за оболока,
Ускакали все звери во темны леса.

Как стал тут Вольга растеть-матереть,
Собирал себе дружиниушку хоробрую:
Тридцать молодцев да без единого,
А сам-то был Вольга во тридцатых.
Собирал себе жеребчиков тёмно-кариих,
Тёмно-кариих жеребчиков нелегчёных.
Вот посели на добрых коней, поехали,
Поехали к городам да за получкою.

Повыехали в раздольице чисто поле,
Услышали во чистом поле оратая²,

¹ Звёздочкой отмечены вопросы и задания повышенной сложности.

² Оратай — пахарь.

Как орет¹ в поле оратай посвистывает,
Сошка у оратая поскрипывает,
Омешики² по камешкам почиркивают.
Ехали-то день ведь с утра до вечера,
Не могли до оратая доехати.
Они ехали да ведь и другой день,
Другой день ведь с утра до вечера,
Не могли до оратая доехати.
Как орет в поле оратай посвистывает,
Сошка у оратая поскрипывает,
А омешики по камешкам почиркивают.
Тут ехали они третий день,
А третий день ещё до пабедья³.
А наехали в чистом поле оратая.

Как орет в поле оратай посвистывает,
А бороздки он да помётывает,
А пенья-коренья вывёртывает,
А большие-то каменя в борозду валит.
У оратая кобыла соловая,
Гужики у неё да шелковые,
Сошка у оратая кленовая,
Омешики на сошке булатные,
Присошечек⁴ у сошки серебряный,
А рогачик-то у сошки красна золота.

А у оратая кудри качаются,
Что не скачен ли жемчуг рассыпаются;
У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да чёрна соболя.
У оратая сапожки зелен сафьян:
Вот шилом пяты, носы востры,
Вот под пяту-пяту воробей пролетит,
Около носа хоть яйцо прокати.
У оратая шляпа пуховая,
А кафтанчик у него чёрна бархата.

¹ Орет — пашет.

² Омешики — сошник у плуга, подрезывает и вздымает пласт.

³ Пабедья, до пабедья — до полудня.

⁴ Присошечек — лопатка для отворота земли.

«Вольга и Микула Селянинович».
Художник И. Билибин

Говорит-то Вольга таковы слова:
— Божья помочь тебе, оратай-оратаюшко!
Орать, да пахать, да крестьяновати,
А бороздки тебе да помётывати,
А пенья-коренья вывёртывати,
А большие-то каменя в борозду валить!

Говорит оратай таковы слова:
— Поди-ка ты, Вольга Святославович!
Мне-ка надобна Божья помочь крестьяновати.
А куда ты, Вольга, едешь, куда путь держишь?

Тут проговорил Вольга Святославович:
— Как пожаловал меня да рѳдной дядюшка,
Рѳдной дядюшка да крѳстный батюшка,
Ласковый Владимир стольно-киевский,
Тремя ли городами со крестьянами:
Первым городом Курцѳвцем,
Другим городом Орѳховцем,
Третьим городом Крестьянѳвцем.
Теперь еду к городам да за получкою.

Тут проговорил оратай-оратаюшко:
— Ай же ты, Вольга Святославович!
Там живут-то мужички да все разбойнички,
Они подрубят-то сляги¹ калиновы,
Да потопят тебя в речке да во Смородине!
Я недавно там был в городе, третьѳго дни,
Закупил я соли цело три меха²,
Каждый мех-то был ведь по сто пуд...
А тут стали мужички с меня грошей просить.
Я им стал-то ведь грошей делить,
А грошей-то стало мало ставиться,
Мужичков-то ведь больше ставится.
Потом стал-то я их ведь отталкивать,
Стал отталкивать да кулаком грозить,
Положил тут их я ведь до тысячи:
Который стоя стоит, тот сѳдя сидѳт,
Который сѳдя сидит, тот и лѳжа лежѳт.

Тут проговорил ведь Вольга Святославович:
— Ай же ты, оратай-оратаюшко.
Ты поедем-ко со мною во товарищах.

А тут ли оратай-оратаюшко
Гужики шелковые повыстегнул,
Кобылу из сошки повывернул.
Они сели на добрых коней, поехали.
Как хвост-то у ней расстиляется,
А грива-то у неё да завивается.

¹ Сляга, сляга — жердь, тонкое бревно.

² Мех — мешок.

У оратая кобыла ступью пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла грудью пошла,
А Вольгин конь да остается.

Говорит оратай таковы слова:
— Я оставил сошку во бороздочке
Не для-ради прохожего-проезжего:
Маломощный-то наедет — взять нечего,
А богатый-то наедет — не позарится, —
А для-ради мужичка да деревенщины.
Как бы сошку из земельки повывернути,
Из омешиков бы земельку повытряхнути
Да бросить сошку за ракитов куст.

Тут ведь Вольга Святославович
Посылает он дружинушку хоробрую,
Пять молодцов да ведь могучиих,
Как бы сошку из земли да повыдернули,
Из омешиков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Приезжает дружинушка хоробрая,
Пять молодцов да ведь могучиих,
Ко той ли ко сошке кленовенькой.
Они сошку за обжи¹ вокруг вертят,
А не могут сошки из земли повыдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошку за ракитов куст.

Тут молодой Вольга Святославович
Посылает он дружинушку хоробрую,
Целым он ведь десяточком.
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли выдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошку за ракитов куст.

И тут ведь Вольга Святославович
Посылает всю свою дружинушку хоробрую,
Чтобы сошку из земли повыдернули,

¹ Обжи — оглобли сохи.

Из омешиков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли повыдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошку за ракитов куст.

Тут оратай-оратаюшко
На своей ли кобыле соловенькой
Приехал ко сошке кленовенькой.
Он брал-то ведь сошку одной рукой,
Сошку из земли он повыдернул,
Из омешиков земельку повытряхнул.
Бросил сошку за ракитов куст.

А тут сели на добрых коней, поехали.
Как хвост-то у ней расстилается,
А грива-то у ней да завивается.
У оратая кобыла ступью пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла грудью пошла,
А Вольгин конь да остается.

Тут Вольга стал да он покрикивать,
Колпаком он стал да ведь помахивать:
— Ты постой-ко ведь, оратай-оратаюшко!
Кабы этая кобыла коньком бы была,
За эту кобылу пятьсот бы дали.

Тут проговорил оратай-оратаюшко:
— Ай же глупый ты, Вольга Святославович!
Я купил эту кобылу жеребёночком,
Жеребёночком да из-под матушки,
Заплатил за кобылу пятьсот рублей.
Кабы этая кобыла коньком бы была,
За эту кобылу цены не было бы!

Тут проговорит Вольга Святославович:
— Ай же ты, оратай-оратаюшко!
Как-то тебя да именем зовут,
Нарекают тебя да по отчеству?

Тут проговорил оратай-оратаюшко:
— Ай же ты, Вольга Святославович!
Я как ржи-то напашу да во скирды сложу,
Я во скирды сложу да домой выволочу,
Домой выволочу да дома вымолочу,
А я пива наварю да мужичков напою,
А тут станут мужички меня похваливати:
«Молодой Микула Селянинович!»...

Размышляем о прочитанном

1. Какой теме посвящена былина и кого можно назвать её подлинным героем? Когда мужички начинают «похваливати» оратая и называть его «молодой Микула Селянинович»?
- 2★. Чем объяснить, что Вольга Святославович проникся уважением к Микуле Селяниновичу? Как вы понимаете смысл зачина былины, подробного описания внешнего облика, одежды и работы оратая? Какую роль играют в былине гиперболы и постоянные эпитеты?
3. Дайте характеристику Микуле или Вольге (на выбор).

Училися читать выразительно

Подготовьте выразительное чтение былины или инсценированное чтение, обратив внимание на напевность, торжественность, повторы, зачин, гиперболы, постоянные эпитеты, речь героев.

Проект

Если бы предложили поставить памятник одному из героев, кому бы вы его поставили — Вольге или Микуле? Как бы он выглядел? Подготовьтесь к устной защите своего проекта.

Совершенствуем свою речь

Попробуйте сделать небольшой словарь (на темы «Так говорили былинные герои» или «Незаслуженно забытые слова» — на выбор). Объясните слова *нарекать*, *пожаловать*, *раздольице*, *крёстный батюшка* и др.

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Былины. «Вольга и Микула Селянинович»

1. Былины — древние русские эпические песни о богатырях и героях.
Стих былины торжественный, напевный, со множеством повторов отдельных слов, строк, целых эпизодов. Повторы создают неторопливое, плавное движение сюжета.
Прослушайте былинку и постарайтесь ответить на вопрос: как актёр при чтении подчёркивает, выделяет особенности древнерусского былинного стиха?
2. Какие интонации преобладают в чтении народного артиста России Леонида Кулагина, когда он воспроизводит внешний вид Микулы Селяниновича?
Какое отношение народа к этому герою стремится выразить актёр?
3. Обратите внимание на то, как меняются интонации, тембр голоса актёра, когда он воспроизводит речь Микулы Селяниновича в различных эпизодах беседы (рассказ о мужиках-разбойниках, спор с князем о цене кобылы пахаря, рассказ о том, почему соседи величают Микулу по имени-отчеству). Почему это происходит?
4. Какие черты характера Микулы Селяниновича раскрываются в его разговоре с князем Вольгой? Помогло ли чтение актёра лучше представить былинного героя, его характер, отношение к князю, чувство собственного достоинства? Какими средствами это достигается?

Садко

В славном в Нове-граде
Как был Садко-купец, богатый гость.
А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гусельки яровчатые;
По пирам ходил-играл Садко.

Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир,
По том Садко соскучился.
Как пошёл Садко к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гусельки яровчатые.

Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Тут-то Садко перепался,
Пошёл прочь от озера во свой во Новгород.

Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир,
По том Садко соскучился.
Как пошёл Садко к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гусельки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Тут-то Садко перепался,
Пошёл прочь от озера во свой во Новгород.

Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир,
По том Садко соскучился.
Как пошёл Садко к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гусельки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Показался царь морской,
Вышел со Ильмени со озера,
Сам говорил таковы слова:
— Ай же ты, Садко новгородский!
Не знаю, чем буде тебя пожаловать
За твои за утехы за великие,
За твою-то игру нежную:
Аль бесщётной золотой казной?
А не то ступай во Новгород
И ударь о велик заклад,
Заложи свою буйну голову
И выражай с прочих купцов
Лавки товара красного
И спорь, что в Ильмень-озере
Есть рыба — золоты перья.

Как ударишь о велик заклад,
И поди свяжи шелковый невод

И приезжай ловить в Ильмень-озеро:
Дам три рыбины — золоты перья.
Тогда ты, Садко, счастлив будешь!

Пошёл Садко от Ильменя от озера,
Как приходил Садко во свой во Новгород,
Позвали Садка на почестен пир.
Как тут Садко новгородский
Стал играть в гусельки яровчаты;
Как тут стали Садка поपाивать,
Стали Садку поднашивать,
Как тут-то Садко стал похвастьявать:
— Ай же вы, купцы новгородские!
Как знаю чудо-чудное в Ильмень-озере:
А есть рыба — золоты перья в Ильмень-озере!

Как тут-то купцы новгородские
Говорят ему таковы слова:
— Не знаешь ты чуда-чудного,
Не может быть в Ильмень-озере рыбы —
золоты перья.

— Ай же вы, купцы новгородские!
О чём же бьёте со мной о велик заклад?
Ударим-ка о велик заклад:
Я заложу свою буйну голову,
А вы залагайте лавки товара красного.

Три купца повыкинулись,
Заложили по три лавки товара красного,
Как тут-то связали невод шелковой
И поехали ловить в Ильмень-озеро.
Закинули тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли рыбку — золоты перья;
Закинули другую тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли другую рыбку — золоты перья;
Третью закинули тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли третью рыбку — золоты перья.

Тут купцы новгородские
Отдали по три лавки товара красного.

Стал Садко поторговывать,
Стал получать барыши великие.
Во своих палатах белокаменных
Устроил Садко всё по-небесному:
На небе солнце — и в палатах солнце,
На небе месяц — и в палатах месяц,
На небе звезды — и в палатах звёзды.

Потом Садко-купец, богатый гость,
Зазвал к себе на почестен пир
Тыих мужиков новгородских
И тыих настоятелей новгородских
Фому Назарьева и Луку Зиновьева.

Все на пиру наедались,
Все на пиру напивались,
Похвальбами все похвалялись.
Иной хвастает бесщётной золотой казной,
Другой хвастает силой-удачей молодецкою,
Который хвастает добрым конём,
Который хвастает славным отчеством.
Славным отчеством, молодым молодечеством,
Умный хвастает старым батюшкой,
Безумный хвастает молодой женой.

Говорят настоятели новгородские:
— Все мы на пиру наедались,
Все на почестном напивались,
Похвальбами все похвалялись.
Что же у нас Садко ничем не похвастает?
Что у нас Садко ничем не похваляется?

Говорит Садко-купец, богатый гость:
— А чем мне, Садку, хвастаться,
Чем мне, Садку, похваляться?
У меня ль золота казна не тощится,
Цветно платье не носится,
Дружина хоробра не изменяется.
А похвастать — не похвастать бесщётной
золотой казной:
На свою бесщётну золоту казну

Повыкуплю товары новгородские,
Худые товары и добрые!

Не успел он слова вымолвить,
Как настоятели новгородские
Ударили о велик заклад,
О бесщётной золотой казне,
О денежках тридцати тысячах:
Как повыкупить Садку товары новгородские,
Худые товары и добрые,
Чтоб в Нове-граде товаров в продаже
боле не было.

Вставал Садко на другой день раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счёта давал золотой казны
И распускал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шёл в гостиный ряд,
Как повыкупил товары новгородские,
Худые товары и добрые,
На свою бесщётную золотую казну.

На другой день ставал Садко раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счёта давал золотой казны
И распускал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шёл в гостиный ряд:
Вдвойне товаров принавезено,
Вдвойне товаров принаполнено
На тую на славу на великую новгородскую.
Опять выкупал товары новгородские,
Худые товары и добрые,
На свою бесщётную золотую казну.

На третий день ставал Садко раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счёта давал золотой казны
И распускал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шёл в гостиный ряд:
Втройне товаров принавезено,
Втройне товаров принаполнено,

Требует дани во синё море.
Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Взимаите бочку-сороковку чиста серебра,
Спускайте бочку во синё море.
Дружина его хоробрая
Взимала бочку чиста серебра,
Спускала бочку во синё море:
А волной-то бьёт, паруса рвёт,
Ломает кораблики черлёные,
А корабли нейдут с места на синем море.
Тут его дружина хоробрая
Брала бочку-сороковку красна золота,
Спускала бочку во синё море:
А волной-то бьёт, паруса рвёт,
Ломает кораблики черлёные,
А корабли всё нейдут с места на синем море.

Говорит Садко-купец, богатый гость:
— Видно, царь морской требует
Живой головы во синё море.
Делайте, братцы, жеребья вольжаны,
Я сам сделаю на красном на золоте,
Всяк свои имена подписывайте,
Спускайте жеребья на синё море:
Чей жеребий ко дну пойдёт,
Таковому идти во синё море.

Делали жеребья вольжаны,
А сам Садко делал на красном на золоте
Всяк своё имя подписывал,
Спускали жеребья на синё море:
Как у всей дружины хоробрые
Жеребья гоголем по воде плывут,
А у Садка-купца — ключом на дно.

Говорит Садко-купец, богатый гость:
— Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Этыя жеребья неправильны:
Делайте жеребья на красном на золоте,
А я сделаю жеребий вольжаный.

Делали жеребья на красном на золоте,
А сам Садко делал жеребий вольжанный.
Всяк своё имя подписывал,
Спускали жеребья на синё море:
Как у всей дружины хоробрые
Жеребья гоголем по воде плывут,
А у Садка-купца — ключом на дно.

Говорит Садко-купец, богатый гость:
— Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Видно, царь морской требует
Самого Садка богатого в синё море.
Несите мою чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, лист бумаги гербовый.
Несли ему чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, лист бумаги гербовый,
Он стал именъице отписывать:
Кое именье отписывал Божьим церквам,
Иное именье нищей братии,
Иное именъице молодой жене,
Остатное именье дружине хороброй.

Говорит Садко-купец, богатый гость:
— Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Давайте мне гусельки яровчаты,
Поиграть-то мне в остатнее:
Больше мне в гусельки не игрывати.
Али взять мне гусли с собой во синё море?

Взимает он гусельки яровчаты,
Сам говорит таковы слова:
— Свалите дощечку дубовую на воду:
Хоть я свалюсь на доску дубовую,
Не столь мне страшно принять смерть
во синем море.

Свалили дощечку дубовую на воду,
Потом поезжали корабли по синю морю,
Полетели, как чёрные вороны.

Остался Садко на синем море.
Со тоя со страсти со великие

«Садко». Художник И. Архипов

Заснул на дощечке на дубовой.
Проснулся Садко во синем море,
Во синем море на самом дне,
Сквозь воду увидел пекучись красное
солнышко

Вечернюю зорю, зорю утреннюю.
Увидел Садко: во синем море
Стоит палата белокаменная.
Заходил Садко в палату белокаменную:
Сидит в палате царь морской,
Голова у царя как куча сенная.
Говорит царь таковы слова:
— Ай же ты, Садко-купец, богатый госте

Век ты, Садко, по морю еживал,
Мне, царю, дани не плачивал,
А нонь весь пришёл ко мне во подарочках.
Скажут, мастер играть в гусельки яровчаты;
Поиграй же мне в гусельки яровчаты.

Как начал играть Садко в гусельки яровчаты,
Как начал плясать царь морской
во синем море,

Как расплясался царь морской.
Играл Садко сутки, играл и другие
Да играл ещё Садко и третии —
А всё пляшет царь морской во синем море.
Во синем море вода всколыбалася,
Со жёлтым песком вода смутилася,
Стало разбивать много кораблей на синем море,
Стало много гибнуть именищев,
Стало много тонуть людей праведных.

Как стал народ молиться Миколу Можайскому,
Как тронуло Садка в плечо во правое:
— Ай же ты, Садко новгородский!
Полно играть в гусельки яровчаты! —
Обернулся, глядит Садко новгородский:
Ажно стоит старик седатый.
Говорил Садко новгородский:
— У меня воля не своя во синем море,
Приказано играть в гусельки яровчаты.

Говорит старик таковы слова:
— А ты струночки повырывай,
А ты шпенёчки повыломай,
Скажи: «У меня струночек не случилось,
А шпенёчков не пригодилось,
Не во что больше играть,
Приломались гусельки яровчаты».
Скажет тебе царь морской:
«Не хочешь ли жениться во синем море
На душечке на красной девушке?»
Говори ему таковы слова:
«У меня воля не своя во синем море».

Опять скажет царь морской:
«Ну, Садко, вставай поутру ранёшенько,
Выбирай себе девицу-красавицу».
Как станешь выбирать девицу-красавицу,
Так перво триста девиц пропусти,
А друго триста девиц пропусти,
И третье триста девиц пропусти;
Позади идёт девица-красавица,
Красавица девица Чернавушка,
Бери тую Чернаву за себя замуж...
Будешь, Садко, во Нове-граде.
А на свою бесщётну золоту казну
Построй церковь соборную Миколе Можайскому.

Садко струночки во гусельках повыдернул,
Шпенёчки во яровчатых повыломал.
Говорит ему царь морской:
— Ай же ты, Садко новгородский!
Что же не играешь в гусельки яровчаты?
— У меня струночки во гусельках выдернулись,
А шпенёчки во яровчатых повыломались,
А струночек запасных не случилось,
А шпенёчков не пригодилось.

Говорит царь таковы слова:
— Не хочешь ли жениться во синем море
На душечке на красной девушке? —
Говорит ему Садко новгородский:
— У меня воля не своя во синем море. —
Опять говорит царь морской:
— Ну, Садко, вставай поутру ранёшенько,
Выбирай себе девицу-красавицу.

Вставал Садко поутру ранёшенько,
Поглядит: идёт триста девушек красных.
Он перво триста девиц пропустил,
И друго триста девиц пропустил,
И третье триста девиц пропустил;
Позади шла девица-красавица,
Красавица девица Чернавушка,
Брал тую Чернаву за себя замуж.

Как прошёл у них столованье почестен пир.
Как ложился спать Садко во первую ночь,
Как проснулся Садко во Нове-граде,
О реку Чернаву на крутом кряжу;
Как поглядит — ажно бегут
Его черлёные корабли по Волхову.

Поминает жена Садка со дружиною
во синем море:

— Не бывать Садку со синя моря! —
А дружина поминает одного Садка:
— Остался Садко во синем море!

А Садко стоит на крутом кряжу,
Встречает свою дружинушку со Волхова.
Тут его дружина сдивовалася:
— Остался Садко во синем море,
Очутился впереди нас во Нове-граде,
Встречает дружину со Волхова!

Встретил Садко дружину хоробрую
И повёл в палаты белокаменны.
Тут его жена зрадовалася,
Брала Садка за белы руки,
Целовала во уста во сахарные.

Начал Садко выгружать со черлёных
со кораблей

Именьице — бесчётну золоту казну.
Как повыгрузил со черлёных кораблей,
Состроил церкву соборную
Миколе Можайскому.

Не стал больше ездить Садко на сине море,
Стал поживать Садко во Нове-граде.

Размышляем о прочитанном

1. К какому циклу относится былина «Садко»? Какова её тема?
2. Расскажите о главном герое былины, истории его жизни и путешествий.

3. Как оказался Садко «во синем море»? Что увидел у царя морского? Чем закончились путешествия Садко?
4. За что и чем хотел пожаловать его царь морской?

Учимся читать выразительно

Подготовьте выразительное чтение былины, обратив внимание на описание «палат белокаменных».

Читаем самостоятельно

Прочитайте самостоятельно былину «Илья Муромец и Соловей-разбойник». Ответьте на следующие вопросы:

1. К какому циклу былин можно отнести прочитанную вами былину? Какой теме она посвящена?
- 2★. Почему Илья Муромец отказался стать черниговским воеводой и что помогло «славному богатырю святорусскому» победить Соловья-разбойника? Как в былине выражается отношение народа к богатырю и что сближает его с героями народных сказок? Каким предстает перед нами Илья Муромец? Постарайтесь нарисовать устный портрет героя, используя текст былины.
3. В тексте часто встречаются слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Какую роль они выполняют?
4. Какие черты характера Ильи Муромца проявились во время боя? Что, кроме бесстрашия, помогает ему одолеть Соловья-разбойника? Как он говорит об этом сам?
5. Как вы понимаете концовку былины?

Учимся читать выразительно

Подготовьте выразительное чтение эпизода поединка Ильи Муромца с Соловьем-разбойником. Обратите внимание на использование в былине повторов, особенностей ритма, речевую характеристику персонажей.

Устное народное творчество, живопись, музыка

Былины вдохновляли многих мастеров искусства на создание оригинальных творений, например, картин: В. Васнецова «Богатыри», «Витязь на распутье», И. Репина «Садко», И. Билибина

«Дружина Вольги», иллюстраций Н. Рериха, художников Палеха и пр.

Какие музыкальные произведения, картины и иллюстрации, написанные на былинные сюжеты, вам известны? Какое впечатление они произвели на вас?

Проект

1. Подготовьте иллюстрированный электронный сборник «Русские былины» с краткой вступительной статьей и небольшим словариком устаревших слов.
2. Организуйте и проведите литературный вечер, завершающий изучение былин. (Примерный план вечера найдёте в книге В. Я. Коровиной «Читаем, думаем, спорим... 7 класс» (М., 2010) на странице 20).

Карело-финский эпос «Калевала»

Учёные предполагают, что карело-финский эпос сложился в I тыс. н. э. в среде восточно-финских племён (емь, корела) в период разложения родового строя, внедрения земледельческой культуры и железной техники. Карело-финские руны были литературно обработаны только в 30-х годах XIX столетия, когда Э. Лёнротом¹ была составлена эпопея «Калевала». Карело-финские руны — это небольшие песни, из которых и была составлена эпопея «Калевала». Первая композиция (из 32 рун) опубликована в 1835 году, вторая (из 50 рун) в 1849-м.

Российская Карелия — древняя Олония, в самом имени которой для нас заложено множество волнующих исторических воспоминаний Петровской эпохи, — была, да и сейчас осталась, страной исключительных поэтических народных дарований. Именно среди восточных карелов зародились и выношены были творческой связью из поколения в поколение чудные древние руны о стране богатыря Калевы, о приключениях его сыновей, о мудром старом песнопевце Вяйнямёйнене, о молодом чудодее-кузнеце Ильмаринене, о весёлом бабьем угоднике и неисправимом драчуне и забияке Лёмминкяйнене, о злой старухе Лбухи, хозяйке северной страны Пõхьёлы и матери красивых дочек, за которых сватались герои «Калевалы», и о многом другом, поражающем воображение слушателя.

Вдохновенно-прекрасные и в то же время удивительно точные картины северной природы; тонкий рисунок человеческих характеров — от маленькой девочки-рабыни, «наймычки из деревни», до легкомысленной красавицы из богатого дома — Кюллики, от насмешливого запечного мальчишки, вставляющего своё острое словцо в свадебные причитания взрослых, до «верховного бога» Укко, созданного фантазией народной по образу и подобию деревенского деда; поистине потрясающие сцены разыгравшихся стихий: мрака, мороза, ветра, — сцены открытия железа, начала сваривания железной руды в железо и сталь, выковывания первых предметов труда, наконец, полная глубокого смысла центральная эпопея создания мельницы-самомолки, чудесного Сампо, приносящего народу благоденствие, —

¹ Элиас Лёнрот (1802—1884) — по профессии врач, страстный собиратель народных песен (рун). Опубликовал разрозненные песни в единый, состоящий из 50 рун, героический эпос «Калевала».

Иллюстрация к карело-финскому
эпосу «Калевала».

Художник Н. Кочергин

обо всём этом пели руны из века в век, преимущественно в российской Карелии, где их услышал и записал Элиас Лёнрот.

Перед нами разворачивается необычайный мир, полный первобытной прелести.

Северная его точка — мрачная страна Похьёла, где ещё свежи черты древнего матриархата, материнского права: там царствует злая старуха Лоухи, хозяйка Похьёлы. Неподальёку от неё, под землёй или под водой, лежит странное царство мёртвых — царство Туóни, Туóнела, в чёрных реках которой люди находят свою кончину. Это — первобытное представление о «том свете», об аде.

Южная точка этих северных пространств — светлая страна Кáлевы, Кáлевала, где живут герои эпоса: старый, верный Вяйнямёйнен, «вековечный песнопевец», кузнец Ильмаринен, весельчак Лемминкяйнен. Где-то, по бесконечным озёрам-морям, лежат

острова Саари. Тут же, в чащобах могучих скал и лесов, среди водопадов и рек, живёт род Унтамо, уничтоживший в братоубийственной войне род своего брата Калерво (чудесные руны о сыне Калерво, юноше Куллерво, проданном в рабство, и о его мести)...

Сыны «Калевалы» сватали красивых, но злых дочерей Лоухи, хозяйки Похьёлы. И вот Лоухи объявила, что отдаст свою дочь тому, кто *выкует* для неё волшебную мельницу-самомолку Сампо, иначе «пёструю крышку». Лоухи делала свой заказ совершенно точно и приложила к нему рецепт его изготовления:

Ты сумеешь сделать Сампо,
Крышку пёструю *сковать* мне,
Взяв конец *пера лебёдки*,
Молока коров нетельных,
От *овечки* летней *шерсти*,
Ячменя зерно прибавив?

(Руна 10-я)

Рецепт этот повторяется в поэме не один раз и явно носит не случайный характер. Разобрав его, видим, что Лоухи упоминает о четырёх основных видах тогдашнего хозяйства. *Перо лебёдки* означает охоту; *молоко коровы* и *шерсть овцы* — два вида животноводства; *зерно ячменя* — земледелие. И кузнец должен эти символы лесного и сельского хозяйства положить на наковальню, сковать из них чудесную машину, то есть соединить с понятием железа, с понятием механизма. Если все описания природы в «Калевале» — описания леса, болот и утёсов — предстают перед читателем связанными с хозяйством, с ручным трудом человека, то здесь, в образе Сампо, ручной труд и хозяйство предстают уже связанными с металлом, с наковальней и горнилом кузницы, с первой машиной. Лоухи стремится получить Сампо не для забавы; оно нужно ей для поднятия благоденствия в Похьёле, для облегчения труда, для накопления богатства. И как бы для того, чтоб показать читателю (слушателю) нелёгкий труд изготовления такой волшебной машины, руна подробно рассказывает о ходе работы кузнеца Ильмаринена над нею. Приготовив всё, что нужно, кузнец со своими рабами (которые в параллельных стихах называются одновременно и подёнщиками, работающими за подённую плату) становится у горнила:

Иллюстрация к «Калевале».
Художник Н. Кочергин

И мехи рабы качают,
Сильно угли раздувают;
Так три дня проводят летних
И без отдыха три ночи;
Наросли на пятках камни,
Наросли комки на пальцах.

(Руна 10-я)

Нагнувшись к огню, Ильмаринен стал смотреть, что получилось. И тут из пламени вышел лук для стрел. Он был чудесен на вид, «с золотым сияньем лунным», но «имел дурное свойство»:

Каждый день просил он жертвы,
А по праздникам и вдвое.

(Руна 10-я)

Кузнец Ильмаринен не обрадовался делу своих рук. Он сломал его, бросил назад в пламя и велел рабам снова поддувать.

Опять они трудятся изо всех сил. И вот второй раз нагибается кузнец к горнилу. Теперь оттуда вышла лодка, прекрасная с виду: с золотым бортом, с медными ключинами. Но прекрасная лодка имела крупный порок:

 Был челнок прекрасен с виду,
 Но имел дурное свойство:
 Сам собою шёл в сраженье,
 Без нужды на битву рвался.

(Руна 10-я)

Кузнец Ильмаринен не обрадовался делу своих рук, он изломал челнок в щепки и бросил их в пламя.

Опять поддувают и стараются рабы. Опять, в третий раз, смотрит кузнец — из пламени выходит корова. Все как будто хорошо, корова красива с виду:

 Но у ней дурное свойство:
 Спит средь леса постоянно,
 Молоко пускает в землю.

(Руна 10-я)

Снова изломал кузнец своё детище. В четвёртый раз из огня выходит уже плуг, но он не совершенен: он забирается на чужие земли, бороздит чужой выгон. Кузнец сломал и его.

В этих образах лука, лодки, коровы и плуга с «дурными свойствами» народный гений показывает ещё не полное подчинение вещи своему творцу, ещё тяготение орудий к старому, привычному, примитивному образу действий, к старым, прежним формам хозяйства — к войне как грабежу, к произвольным завоеваниям, к посягательствам на чужое добро, к некультурному животноводству (ленивая корова, пускающая молоко в землю). А Лоухи хочет именно Сампо, хочет машину, которая поднимет её хозяйство.

И наконец, в пятый раз, Ильмаринен выковывает мельницу-самомолку, чудесное Сампо, которое сразу делает три больших дела:

 И с рассвета мелет меру,
 Мелет меру на потребу,
 А другую — для продажи,
 Третью меру — на пирушки.

(Руна 10-я)

Иллюстрация к «Калевале». Художник Н. Кочергин

Сампо, по представлениям народа-крестьянина, — орудие мирного труда, оно даёт пищу и создаёт запас.

Но Сампо приносит с собою вместе с зажиточностью и культуру. На вопрос Вяйнямёйнена, что делается в Похьёле, Ильмаринен, обманутый и высмеянный людьми Севера, горько отвечает:

Сладко в Похьёле живётся,
Если в Похьёле есть Сампо!
Там и пашни и посевы,
Там и разные растенья,
Неизменные там блага.

(Руна 38-я)

И когда все три богатыря Калевы, завершая эпос, отправляются отобрать у Лоухи назад Сампо и похищенная ими мельница разбивается на тысячи осколков, падает в море, которое выбрасывает часть этих осколков на берег Калевалы, — Вяйнямёйнен доволен и этими осколками. Он говорит о них:

Вот отсюда выйдет семя,
Неизменных благ начало,

«Калевала». Похищение Сампо у Лоухи,
хозяйки Похьёлы. *Художник А. Порет*

Выйдут пашни и посевы
И различные растенья!
Блеск луны отсюда выйдет,
Благодетельный свет солнца

В Суоми на больших полянах,
В Суоми, сладостной для сердца.
(Руна 43-я)

Мариетта Шагинян

Размышляем о прочитанном

Прочитайте статью М. Шагинян и текст «Калевалы». Подумайте над их содержанием:

1. Где и когда, по предположениям учёных, сложился Карело-финский эпос? Кто его литературно обработал и записал?
2. Из какого количества рун (песен) состоит композиция «Калевалы»?
3. О чём рассказывают древние руны?
4. Какие герои «населяют» эпос «Калевала» и какие природные стихии сопровождают их деяния?
5. Как называются северная и южная точки этой прекрасной страны?
6. Кто, кому и зачем заказал сделать чудесную мельницу «Сампо» и что эта мельница символически обозначает?
7. Как шла работа кузнеца Ильмаринена над созданием Сампо? Расскажите об этом, приводя цитаты из текста «Калевалы».
8. Что случилось с Сампо впоследствии?

Творческое задание

Расскажите о традициях, трудовых буднях и праздниках героев «Калевалы». Сравните их с героями былин. Что в них общего и что различного? Подготовьте развёрнутый устный ответ на этот вопрос.

Литература и изобразительное искусство

Рассмотрите иллюстрации к «Калевале», чем они напоминают иллюстрации к русским былинам, чем отличаются?

«Песнь о Роланде»

«Песнь о Роланде» («La Chanson de Roland») — одна из древнейших эпических поэм, вершина французского эпоса, написанная на старофранцузском языке. Она дошла до современных читателей в нескольких редакциях, лучшей из которых по праву считается оксфордская рукопись, насчитывающая 4002 ассонансированных стиха¹. События, о которых сочинена «Песнь о Роланде», произошли в VIII веке, а сама поэма появилась значительно позднее — в IX—X веках, когда складывался средневековый французский военный эпос.

Действие большинства произведений французского эпоса, как и исторические прототипы его героев, в том числе и «Песни о Роланде», восходят к эпохе Каролингов, которые вели войны с басками, с маврами, с арабами.

В «Песни о Роланде» поётся об испанском походе Карла Великого. Когда поход уже близился к концу, заградительный отряд (арьергард) франков был атакован в Ронсевальском ущелье (Пиренейские горы) сарацинами (маврами). Отряд возглавлял племянник и любимец Карла Великого Роланд. Он героически погиб во имя «милой Франции» и христианства, сражаясь с маврами-мусульманами².

Главный виновник гибели отряда — отчим Роланда граф Ганелон. Он ненавидел своего пасынка и вступил в сговор с царём Сарагосы Марсилием. Ганелону, однако, не удалось уйти от возмездия. Карл Великий истребил огромную армию мавров и отомстил за смерть Роланда, его друга Оливье и всех «двенадцати пэров». Граф Ганелон казнен после окончательно изобличившего его «божьего суда» — судебного поединка его противника (Тьерри) и родича (Пинабеля).

В «Песни о Роланде» ярко проявилась любовь героев к родной земле, к прекрасной Франции. Эта любовь имеет не толь-

¹ Ассонанс — повтор гласного или группы гласных в поэтической речи; неполная рифма, основанная на тождестве ударных гласных при несовпадении согласных звуков.

² В Средневековье были часты столкновения франков с испанскими маврами, и потому в те времена христианская Европа и, стало быть, христианская империя Каролингов возложила на себя миссию вооружённого противодействия мусульманским идеям язычников, завладевшим Испанией. Тогда же побеждённых насильственно крестили, и этот мотив отражён в «Песни о Роланде».

ко патристическую, но и религиозную окраску, поскольку сражение Роланда и других героев осмыслено в поэме в свете священной войны христианского Запада с мусульманским Востоком.

Особенностью «Песни о Роланде» является её принадлежность к воинскому эпосу. Здесь нет картин быта, мирной жизни... Вместо пиров мы видим лишь военный совет. Невеста Роланда — Альда, умирающая от горя, появляется лишь в конце поэмы. Наиболее подробно описываются вооружение и боевые поединки. Очень скуп, хотя и выразителен, пейзаж:

Хребет высок, в ущельях мрак царит.

Чернеют скалы в глубине теснин.

(Перевод Ю. Корнеева)

Эти строки повторяются несколько раз.

С художественной точки зрения в «Песни о Роланде» характерно сочетание «устно-эпической поэтики» с оригинальной литературной обработкой.

С большим художественным мастерством описана гибель Роланда, которая раскрывается через описание нескольких зрительно воспринимаемых картин. Например, Роланд прощается с мечом, он пытается сломать его о скалу, ложится лицом к Испании, отдаёт перчатку ангелу и т. д.

Композиция поэмы необычайно строга. Действие включает завязку (предательство Ганелона), кульминацию (битва) и развязку (месть Карла). Каждая из них основывается на двух контрастных событиях: завязка — посольство Бланкандрина и посольство Ганелона, кульминация — два сражения с войском Марсилия, в одном из которых франкам сопутствует успех, а в другом они гибнут, развязка также содержит два эпизода — месть сарацинам и месть Ганелону.

Таким образом, в основе композиции и системы образов лежит контраст. Например, Роланд противопоставлен не только предателю графу Ганелону, но Карлу Великому и своему другу Оливье. Карл величествен, могуч как император и эпический монарх, Роланд — юн, неистов, не знает меры, переоценивает свои силы. В нём воплощена настоящая героика подвига. Ведь Роланд участвует во всех главных событиях. Так, он отказывается затрубить в рог, как ему советует разумный Оливье, чтобы призвать на помощь Карла Великого с войском, когда ещё можно было избежать гибели.

Разумен Ольвье, Роланд отважен,
и доблестью один другому равен.

(Перевод Ю. Корнеева)

Из-за отказа Роланда затрубить в рог на него легла вина за смерть франков, но эта вина объясняется отвагой героя, т. е. вытекает из его привлекательных качеств, и потому своеволие богатыря Роланда не умаляет его любви к родине и верности «милрой Франции».

Средневековый французский эпос сходен и вместе с тем различен со средневековым русским эпосом, например со «Словом о полку Игореве», которое вы будете изучать в 9 классе. Оба произведения близки дружинно-рыцарским идеалам. В них воссозданы картины сражений, подвиги героев, изображена военная жизнь.

Герои эпических поэм предпочитают смерть плену или измене (Роланд: «Скорее смерть, чем срам!»; Игорь — «Луце жь потяту быти, нежели полонену быти»). Неудача Карла Великого по логике эпоса стала осознаваться как патриотический долг героев: «О, Франция, отчизна дорогая», «О, родина, о, Франция-краса!». В том же духе неудачное нападение Игоря на его же недавних союзников — половцев переосмыслено: «О, Русская земля...», «За землю Русскую...».

Великие идеи средневекового эпоса вдохновили и поэтов XX столетия, например Марину Цветаеву, которая написала стихотворение «Рог Роланда».

В. И. Коровин

Песнь о Роланде

Из всех национальных эпосов феодального Средневековья наиболее цветущим и разнообразным является эпос французский. Он дошёл до нас в виде поэм, именуемых «жестами» (от французского «chansons de geste», что буквально значит «песни о деяниях» или «песни о подвигах»). «Песнь о Роланде» — самая знаменитая из поэм французского Средневековья.

Поводом для создания эпической поэмы послужили далёкие события 778 года, когда Карл Великий вмешался в междоусобные распри мусульманской Испании. Взяв несколько городов, Карл осадил Сарагосу, однако через

Иллюстрация к «Песни о Роланде».

Художник Д. Бисти

несколько недель вынужден был снять осаду и вернуться за Пиренеи из-за осложнений в собственной империи. Баски при поддержке мавров напали в Ронсевальском ущелье на арьергард Карла и перебили отступающих франков. Среди других в этом бою погиб, по свидетельству Эгинхара, историографа Карла Великого, «Хруотланд, маркграф Бретани». Напавшие разбежались. Покарать их не удалось.

Н. Томашевский

1

Король наш Карл, великий император,
Провоевал семь лет в стране испанской.
Весь этот горный край до моря занял,

Взял приступом все города и замки,
Поверг их стены и разрушил башни,
Не сдали только Сарагосу мавры.
Марсилий-нехристь там царит всевластно,
Чтит Магомета, Аполлона славит,
Но не уйдёт он от Господней кары.

Аой!

II

Однажды в зной Марсилий Сарагосский
Пошёл искать прохлады в сад плодовый
И там прилёг на мраморное ложе.
Вкруг — мавры: тысяч двадцать их и больше.
Он герцогам своим и графам молвит:
«Узнайте, господа, о нашем горе:
Карл-император нам грозит разгромом.
Пришёл из милой Франции он с войском.
А у меня нет силы для отпора,
И не хватает мне людей для боя.
Совет подайте, мудрые вельможи,
Как избежать мне смерти и позора».
В ответ ему язычники — ни слова.
Не промолчал лишь Бланкандрен Вальфондский.
<...>

СХХV

Ужасна сеча, бой жесток и долог.
Французы бьются смело и упорно,
Арабам рубят руки, рёбра, кости
И сквозь одежду в них вгоняют копьё.
Зелёная трава красна от крови.
Арабы стонут: «Устоять нет мочи.
Французский край, будь Магометом проклят.
Твои сыны — отважней всех народов».
Марсилию кричат все мавры в голос:
«Король, поторопись подать нам помощь!»

СХХVI

Вот графа Оливье Роланд зовёт:
«Мой побратим, согласны вы со мной,

Что пастырь наш Турпен — боец лихой?
Никто на свете не затмит его.
Разит он славно дротом и копьём»
Ответил тот: «Пора ему помочь».
И оба в битву поскакали вновь.
Удар их мощен, грозен их напор,
И всё же христианам тяжело.
Когда бы вам увидеть привелось,
Как Оливье с Роландом бьют мечом,
Как мавров на копьё Турпен берёт!
Известно павших сарацин число —
И в грамотах и в жесте есть оно:
Их было тысяч свыше четырёх.
Четырежды французы дали бой,
Но пятый был особенно жесток.
Всех рыцарей французских он унёс.
Лишь шестьдесят от смерти спас Господь,
Но сладить с ними будет нелегко.

Аой!

СХХVII

Роланд увидел — велики потери
И к Оливье такое слово держит:
«Собрат, я вам клянусь Царём Небесным,
Весь луг телами рыцарей усеян.
Скорблю о милой Франции я сердцем:
Вас не спросясь, он взял когда-то Нопль,
Сразились с ним арабы у ворот.
Он изрубил их всех до одного
И вымыть луг водой велел потом,
Чтоб не узнали вы о битве той.
Теперь, наверно, зайца гонит он
Иль пэров потешает похвальбой.
Помериться с ним не дерзнёт никто.
Вперёд! Зачем задерживать бойцов?
До Франции идти им далеко».

Аой! <...>

Иллюстрация к «Песни о Роланде».
Художник Д. Бисти

СХХVІІІ

Роланд сказал: «Возьму я Олифан
И затрублю, чтоб нас услышал Карл.
Ручаюсь вам, он повернёт войска».
Граф Оливье ответил: «Нет, собрат.
Вы род наш осрамите навсегда.
Не смыть вовек нам этого пятна.
Не вняли вы, когда я к вам взывал,
А ныне поздно нам на помощь звать.
Бесчестьем было б затрубить сейчас —
Ведь руки вплоть до плеч в крови у вас».
«То вражья кровь!» — воскликнул граф Роланд.
Аой!

СХХІХ

Промолвил граф Роланд: «Ужасна сеча!
Я затрублю, и Карл сюда поспеет».
Ответил Оливье: «То нам не к чести.
Я к вам взывал, но внять вы не хотели.
Будь здесь король, мы гибели б избегли,
Но тех, кто с Карлом, упрекнуть нам не в чем.
Собрат, клянусь вам бородой моею,
Что, если вновь с сестрицей Альдой встречусь,
Она с Роландом ложе не разделит».

Аой!

СХХХ

Спросил Роланд: «Чем так вы недовольны?»
А тот ответил: «Вы всему виною.
Быть смелым мало — быть разумным должно,
И лучше меру знать, чем сумасбродить.
Французов погубила ваша гордость.
Мы королю уж не послужим больше.
Поддай вы зов, поспел бы он на помощь
И не избегли б нехристи разгрома,
Король Марсиль — плена или гроба.
Нам ваша дерзость жизни будет стоить,
Теперь вы Карлу больше не помощник.
Вовек он не найдёт слуги такого.
Вы здесь умрёте, Франции на горе,
И наша дружба кончится сегодня:
До вечера мы дух испустим оба».

Аой!

СХХХІ

Архиепископ спор услышал их,
Златые шпоры в скакуна вонзил,
Подъехал и с упрёком говорит:
«Роланд и Оливье, друзья мои,
Пусть вас Господь от ссоры сохранит!
Никто уже не может нас спасти,
Но всё-таки должны вы затрубить.
Услышит Карл, неверным отомстит,

Французы маврам не дадут уйти.
Сойдут они со скакунов своих,
Увидят нас, изрубленных в куски,
Оплачут нашу смерть от всей души,
Нас приторочат к мулам на вьюки
И прах наш отвезут в монастыри,
Чтоб нас не съели свиньи или псы».
Роланд в ответ: «Умней не рассудить».

Аой!

СХХХII

Свой Олифан Роланд руками стиснул,
Поднёс ко рту и затрубил с усильем.
Высоки горы, звонок воздух чистый.
Протяжный звук разнёсся миль на тридцать.
Французы слышат, слышит Карл Великий.
Он молвит: «Наши с маврами схватились».
Но уверяет Ганелон в противном:
«Не будь то вы, я речь назвал бы лживой».

Аой!

СХХХIII

В свой Олифан трубит Роланд с трудом.
Превозмогает он тоску и боль.
Стекает с губ его густая кровь,
С натуги лопнул у него висок.
Разнёсся зов на много миль кругом.
Услышали его в ущельях гор
И Карл, и все французы, и Немон.
«Я слышу Олифан, — сказал король. —
А раз Роланд трубит, там грянул бой».
«Какой там бой! — ответил Ганелон. —
Вы — человек и старый и седой,
А, как ребёнок, говорите вздор.
Все знают, что Роланд ваш — сумасброд.
Как только спесь ему прощает бог!
Защитников она лишилась верных.
Ах, друг-король, опора наша, где вы?
Брат Оливье, скажите, что нам делать?»

Иллюстрация к «Песни о Роланде».
Художник Д. Бисти

Как королю послать о нас известье?»
Ответил граф: «Не дам я вам совета.
По мне, погибель лучше, чем бесчестье».

Аой!

СХХХІV

Уста покрыты у Роланда кровью,
Висок с натуги непомерной лопнул.
Трубит он в Олифан с тоской и болью.
Карл и французы слушают в тревоге.
«Как долгов зов!» — король Немону молвит.
А тот в ответ: «Беда струсилась с бароном.

Я вам клянусь, дерутся там жестоко.
Изменник тот, кто задержать вас хочет.
Доспех наденьте, клич свой ратный бросьте,
Ведите нас племяннику на помощь.
Вы слышали, как он о ней вас просит». <...>

СXXXV

Король велел трубить во все рога.
Рать спешилась, в доспехи облеклась.
Все при кольчугах, шишаках, мечах,
Булатных копьях, расписных щитах.
Значок копейный бел, иль жёлт, иль ал.
На скакунов опять садится рать.

Бароны шпорят, по ущельям мчат,
У каждого одно лишь на устах:
«Когда б в живых Роланда нам застать,
Узнал бы враг, как мощен наш удар».
Увы, на помощь не поспеет Карл.

Перевод Ю. Корнеева

Песнь о Роланде

(Прозаический пересказ)

РОГ

Видит Роланд, как один за другим гибнут его воины,
и говорит он Оливье:

— Взгляни, ради бога, дружище, сколько пало наших добрых вассалов: стоит пожалеть милую, прекрасную Францию, лишившуюся таких баронов! О король, наш верный друг! Отчего нет тебя с нами? Брат Оливье, нет ли способа дать ему знать о нашем положении?

— Я не знаю такого способа, — отвечает Оливье, — но, во всяком случае, смерть лучше позора.

— Я затрублю в свой рог, — говорит Роланд, — король услышит его в ущельях, и французы, клянусь тебе, вернутся.

— Ты опозоришь тогда на вечные времена весь свой род, — отвечает ему Оливье. — Помнишь, как ты в самом начале не послушался моего совета? Трубить же в рог

теперь — значит показать себя трусом, а между тем твои руки обагрены кровью врагов.

— Правда, — отвечает Роланд, — я не тратил даром ударов!

— Тяжёлая для нас битва, — говорит опять Роланд, — я затрублю в свой рог, и Карл услышит его.

— Не так поступают храбрые, друг, — отвечает ему Оливье, — ты сам тогда гордо отверг мой совет. А если бы император был тут, мы не потерпели бы такого урона. Но это не его вина и не вина его спутников. Клянусь бородой, если мне суждено видеть ещё сестру мою Оду, ты никогда не будешь её мужем!

— За что же ты сердисься? — спрашивает Роланд.

— Ты один во всём виноват, — отвечает Оливье. — Разумная храбрость далека от безумства, и умеренность лучше горячности. Посмотри, сколько французов погубило твоё безрассудство! Это наша последняя служба императору. Если бы ты послушался меня тогда, наш государь был бы уже здесь, мы выиграли бы битву и король Марсильи был бы взят в плен и убит. Много вреда причинила нам твоя безумная отвага, Роланд! Сегодня наступил последний день нашей верной дружбы: тяжкая разлука ожидает нас прежде, чем скроется солнце.

Так горько оплакивали друг друга Роланд и друг Оливье.

Услыхал их спор епископ Тюрпин, пришпорил он своего коня, подлетел к ним и стал им выговаривать.

— Благородный Роланд и ты, благородный Оливье, — говорил он, — умоляю вас не приходить в отчаяние. Взгляните на наших французов: им суждена смерть, и рог твой, Роланд, уже не спасёт их — далеко ушёл Карл и не успеет вернуться. Но всё же труби, Роланд, — может быть, Карл успеет за нас отомстить, и сарацинам не удастся торжествовать победы. Воины Карла найдут нас здесь мёртвыми и изрубленными: они разыщут наших вождей и подберут наши тела, положат их в гробы и повезут с собой на своих конях; со слезами похоронят они нас в стенах монастыря, и тела наши не будут добычей прожорливых кабанов, собак и волков.

— Это правда! — сказал Роланд. Поднёс он к губам свой рог Олифант и затрубил что было силы.

Далеко разносится звук, повторяемый эхом в высоких горах, и достигает Карла и его войска.

— Это наши бьются в бою? — говорит король. И отвечает ему Ганелон:

— Скажи это другой, его назвали бы лгуном.

Изо всех сил трубит Роланд в свой рог: кровь струится из его рта и из лопнувшей жилы виска, и ещё дальше разносится звук его рога. Слышит его Карл среди тесных ущелий, слышат его герцог Нэмский и все французы.

— Это Роландов рог, — повторяет король. — Он не трубил бы в него, если бы не был вынужден позвать на помощь.

— Какая там помощь! — возражает ему Ганелон. — Ты стар и сед, а говоришь как младенец. Кому не известна гордость могучего, отважного, великого Роланда! Удивительно, как это ещё терпит её Господь. Конечно, он теперь шутит со своими пэрами. Подумай, кто решится напасть на Роланда? Разве не брал он один сарацинских городов без твоего приказанья? Пойдём же вперёд, государь, не к чему останавливаться! Великая земля ещё далеко.

Льётся кровь изо рта Роланда, лопаются жилы на его висках — с отчаянным усилием трубит он в свой рог Олифант. Слышат его Карл и все французы.

— Какой протяжный звук! — замечает король.

— Это Роланд! — говорит герцог Нэмский. — Роланду плохо! Клянусь честью, он бьётся в смертельной схватке с сарацинами. Роланда предали, и изменник отводит тебе глаза. Вооружайся, государь, подай свой военный клич и помоги своему родичу: ты слышишь жалобу Роланда.

Император велит трубить в рога и трубы, французы вооружаются и во весь опор мчатся ущельями.

«Если бы застать Роланда живым, — говорят они друг другу, — славно бы сразились мы рядом с ним! Но что толку? Уж поздно, слишком поздно!»

Рассеялся мрак, и настал день: оружие засверкало на солнце, заблестели щиты и брони, золочёные пики, и копья, и расписанные цветами колчаны. Император кипит гневом, а французы печальны и полны опасения: все они проливают горячие слёзы, все дрожат за жизнь Роланда!

Император велит схватить Ганелона и отдаёт его на потеху своей дворне. Карл призывает старшего из них,

Погона, и приказывает ему стеречь изменника. Бегон, выбрав сотню самых злых и бездушных своих товарищей, передаёт в их руки Ганелона. Они выдёргивают по волоску его усы и бороду, наносят ему удары, всячески издеваются и мучают его: надевают ему на шею толстую цепь, сковывают его, как дикого медведя, изваливают на вьючную лошадь и не спускают с него глаз, пока не станет время передать его Карлу. Высоки и мрачны громады гор, стремительны потоки, и темны глубокие долины. Со всех сторон гремят в них трубы Карла, отвечая рогу Роланда. Мчится Карл ущельями, полон отчаяния и гнева.

— Помоги нам, Пресвятая Дева! — восклицает он. — Приготовил мне Ганелон великое горе! Недаром говорится в старой песне, что предки его были негодяи, ничего не знавшие, кроме низких дел. Большую подлость учинили они в Капитолии, убивши древнего Цезаря. Но зато они кончили жизнь на костре. Не уступает им в вероломстве и Ганелон. Он погубил Роланда и чуть не лишил меня моего царства, лишив Францию её защитников.

И плачет Карл горькими слезами, и в смущении тербит император свою седую бороду.

Размышляем о прочитанном

1. Что вы узнали о поэме «Песнь о Роланде» и её героях из статьи В. И. Коровина и предисловия Н. Томашевского?
2. Прочитайте всю поэму самостоятельно, расскажите о её героях (Роланде, Оливье и Карле).
3. Подготовьте отрывок из поэмы для выразительного чтения в классе.
4. Подумайте, гиперболичны ли сражения и сами герои в поэме. Чем это объяснить?
5. Сравните стихотворный и прозаический переводы. Какой из них драматичнее? Аргументируйте свою позицию цитатами из текстов.

Пословицы и поговорки

Пословица — коротенькая притча; сама же она говорит, что «голая речь не пословица». Это — суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот...

«От пословицы нет взносу», «её обжаловать нельзя», приговор её неотразим... и потому «На пословицу, что на дурака, и суда нет», «От пословицы не уйдешь», «Пословица ведется, как изба веником метется»... Кто её сочинил — не ведомо никому; но все её знают и ей покоряются. Это сочинение и достояние общее, как и самая радость и горе, как выстрадавшая целым поколением опытная мудрость, высказавшаяся таким приговором...

В. И. Даль

Издавна народ дорожил пословицей: «Пословица не на ветер молвится», «Без пословицы не проживешь». Что же такое пословица?

Пословица — это краткое мудрое изречение, имеющее поучительный смысл, заключающее в себе законченную мысль, житейскую мудрость. Например: «Дело мастера боится», «Играй, да не заигрывайся».

Поговорка отличается от пословицы тем, что она — часть суждения; поговорка — это яркое, меткое народное выражение. Например: «Лёгко на помине», «Чужими руками жар загребать», «За словом в карман не лезет».

Пословицы и поговорки создавались на протяжении сотен поколений. В этих кратких и мудрых изречениях запечатлены любовь к родине, мужество, храбрость, вера в торжество справедливости, понятия о чести: «Человек без родины — соловей

без песни», «Честь дороже жизни», «За правое дело стой смело».

Темы пословиц и поговорок бесчисленны. В них говорится об учении, о знаниях, о семье, о трудолюбии и мастерстве: «Без муки нет науки», «Красна птица перьем, а человек ученьем», «Скучен день до вечера, коли делать нечего», «Труд человека кормит, а лень портит», «Дело мастера боится», «Не надобен и клад, коли в семье лад», «Всякое дело человеком ставится, человеком и славится», «С мастерством люди не родятся, но добытым мастерством гордятся» и т. д.

Пословицы и поговорки всегда имеют не только прямой, но и переносный смысл. «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда» — это пословица не только о рыбной ловле, но и о любом труде. Сила и красота пословиц издавна признаны народом. «После дождика в четверг», — говорим мы о том, что произойдет неизвестно когда, а может, и не произойдет вовсе. Пословица по форме часто похожа на маленькое стихотворение: мы наблюдаем в ней ритм, иногда рифму.

А. С. Пушкин восторженно восклицал: «Что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото!»

Пословицы

I

Своя земля и в горсти мила.
Глупа та птица, которой своё гнездо не мило.
Родина — мать, умей за неё постоять.

II

Терпенье и труд всё перетрут.
Смотри дерево в плодах, а человека — в делах.
Пашню пашут — руками не машут.
Вешний день целый год кормит.

III

Грамоте учиться — вперёд пригодится.
Кто грамоте горазд — тому не пропасть.
Повторенье — мать ученья.

IV

Друзья познаются в беде.
Самолюб никому не люб.

V

Доброе братство милее богатства.
Старый друг лучше новых двух.

Поговорки

Работать с огоньком.
Комар носа не подточит.
Как снег на голову.

Проверьте себя

1. Чьё высказывание о пословицах вас особенно заинтересовало? Приведите примеры ритма и рифмы в пословицах.
2. Какие пословицы вам известны и какие из них вы используете в своей речи? По каким темам объединены пословицы в I, II, III, IV разделах? Раскройте их прямой и переносный смысл. Приведите пример ситуации, когда можно было бы использовать каждую из этих пословиц.

Творческое задание

Подготовьте рассказ: «Об отдыхе летом», «О моём друге», «Моя любимая книга» (на выбор) — с использованием нескольких пословиц на избранную вами тему.

Мудрость народов

(пословицы и поговорки народов мира)

Дружба народов — их богатство.
Башкирская пословица

Пословицы живут в каждом народе, переходят из века в век, передают накопленный опыт новым поколениям. Сама пословица не спорит — она утверждает. В ней — окончательный

вывод, она — итог длительных размышлений и потому — категоричное суждение о мире: «И в тихой воде есть крокодилы» (малайская), «Скорпион своих привычек не меняет» (узбекская), «Кто обнажит меч, погибнет от него же» (арабская), «Много кормчих — корабль разбивается» (китайская). Важность и красоту пословиц оценил сам народ: «Речь без пословицы — что еда без соли» (амхарская), «Пословица всем делам помощница» (русская).

Все народы единодушны в утверждении, что труд составляет главную ценность жизни: «Пыль труда лучше шафрана бездействия» (арабская), «Дерево славится плодами, человек — трудами» (азербайджанская), «Без труда не вытащишь рыбку из пруда» (русская). Бесчисленные пословицы высмеивают лентяев, легковерных: «Прибежал на запах шашлыка, а оказалось — осла клеймят», отражают понимание хода природных явлений: «За каждым вечером следует утро» (турецкая), «Солнечный диск решетом не закрыть» (арабская), «Весенний день год кормит», «Зима без снега — лето без хлеба» (русские), «У пчелы спина полосатая, а тигром её не назовёшь» (китайская).

Большинство пословиц и поговорок мира пронизаны пафосом гуманных идей и чистых чувств, соприкосновение с их миром доставляет человеку радость и душевное волнение.

По В. П. Аникину

Обогащаем свою речь

Прочитайте пословицы разных народов, объясните их смысл, постарайтесь чаще использовать их в разговоре с друзьями.

Абхазские

Была бы голова, а шапка будет.
Вовремя посеянное — вовремя и всходит.
Дерево держится корнями, а человек — родственниками.

Как ты бьёшь в ладоши, так я и танцую.

Кто не знает, как работать, для того работа не кончается.

Азербайджанские

Лучше есть свой чёрствый хлеб, чем чужой плов.
У лжеца загорелся дом — никто не поверил.
Хороший друг ближе брата.
Ради друга терпи и пургу, и снег.

Американская

Не откусывай больше того, что ты в состоянии проглотить.

Английские

Пустая посуда гремит громче всего.
Будь не скор на обещания, а скор на исполнение.
Ничего не делая, мы учимся дурным делам.
Выбирай писателей так, как выбираешь друга.
Вежливости открываются все двери.
Благодарность — малейшая из добродетелей, неблагодарность — худший из пороков.

Арабские

В трудную минуту — друг тут как тут.
Венец мужества — скромность.
Если ты сделал добро — скрой; если тебе сделали добро — расскажи.
Кто хорошо говорит — прекрасно слушает.
Невежда — враг самому себе.

Армянские

Осталось дело до завтра — считай, что застряло.
Плоха та шутка, в которой нет половины правды.
Пока сам не состаришься, не поймёшь старого.
Рана, нанесённая мечом, заживёт, а языком — нет.

Ассирийские

Жизнь без цели — человек без головы.
За каждым спуском есть подъём.

Звуки барабана хорошо слушать издали.
Как поступишь с другими, так поступят с тобой.
Кто бежит от малой трудности, очутится перед ещё
большей.

Труд кормит человека, безделье — портит.

Башкирские

В радости знай меру, в беде — веры не теряй.
Друг в глаза скажет, враг — за спиной бурчит.
Земля ценится хлебом, а человек — делом.
Незнание — не порок, нежелание знать — большой по-
рок.

Вьетнамские

Без ученья нет и умения.
Глубокую реку коротким шестом не измерить.
Глупость одной минуты разрушает труд мудрости, по-
требовавшей три часа.
Знаешь — говори, не знаешь — так послушай других.

Грузинские

Дерево корнями сильно, а человек — друзьями.
Кто копает яму другим, тот пусть снимает мерку с себя.
Ленивому каждый день — праздник.
Неразумный о друге лишь в беде вспоминает.
Разрушить-то легко, попробуй-ка построить.
Язык человека может принести ему и славу, и позор.

Казахские

Человек с сильными руками поборет одного, человек
с сильными знаниями — тысячу.
Хороший совет — половина счастья.
Конь узнаётся в скачке, человек — в делах.

Китайские

Близкие соседи лучше дальних родственников.
В каждом ремесле есть первые ученики.

Высокая лампа далеко светит.
Друзья лучше старые, одежда — новая.
Если много таланта, не бойся, что сейчас не везёт.
Медленно идти лучше, чем стоять.
Лучше требовать с себя, чем просить у других.

Латышские

Руку не протянешь, так и с полки ложку не достанешь.

Где воздух, там и жизнь.
Мороза бояться — на двор не ходить.
Больному нужен врач, здоровому — работа.

Литовские

Много рук поднимут и тяжкую ношу.
Жизнь — счастье в труде.
Не нажав сошника, не выкопаешь пирога.

Немецкие

Бесполезно носить дрова в лес.
Время выиграно — всё выиграно.
В хороших книгах охотно роются.
Прилежание — отец счастья.
Кто ухаживает за пашней, за тем пашня ухаживает.

Украинские

Хочешь, чтоб были полны закрома, — вставай с криком петуха.

Не тот впереди, кто обогнал, а тот впереди, что за собой тянет.

Французские

Безделье — мать всех пороков.
Не теряй ум, всё остальное приложится.
Леность незаметно уничтожает все добродетели.
Силен тот, кто валит, но сильнее тот, кто поднимает.

Узбекская

Воду в реке весна разливает, цену человеку труд добавляет.

Эстонские

Как ты относишься к лесу, так и лес к тебе.
Чего не сможешь сделать один, сделают десятеро.
У ремесла золотое дно.
Опираясь на колени матери, ребёнок быстро растёт.

Японские

Лучше знать одно ремесло хорошо, чем сто — плохо.
Гнев твой — враг твой.
Холодной осенью лишний раз рта не открывай.
Кто людей любит, тот долго живёт.
Не смейся над старым, сам состаришься.
Чтобы хорошо лечить, надо людей любить.

Размышляем о прочитанном

1. Покажите на примере нескольких пословиц их меткость, мудрость, образность и красоту.
2. Каково отношение к добру и злу, к дружбе, труду и учению у различных народов мира? Подтвердите свой ответ пословицами.
3. Подготовьтесь к конкурсу: «Кто знает больше пословиц и кто лучше может объяснить их?»

Творческое задание

Напишите сочинение по одной из пословиц (на выбор): «Бесполезно носить дрова в лес» (немецкая), «В радости знай меру, в беде — не теряй веру» (башкирская), «Будь не скор на обещания, а скор на исполнение» (английская), «Не откусывай больше того, что ты в состоянии проглотить» (американская).

Разумеется, в списке нет пословиц многих народов мира. Какие пословицы других стран вам известны и какие из них вы используете в своей речи?

Обогащаем свою речь

1. От каких слов происходят термины «былина», «сказитель»?
2. Какая особенность русской речи проявилась в словах и словосочетаниях *во синии моря, за оболочи, во тёмный леса, дружинишка хоробряя*?
3. Каким пафосом пронизано большинство пословиц разных стран мира?
4. В каком случае пословицы легче запоминаются? Какие пословицы вы используете в своей речи? Приведите примеры.

Творческое задание

Подготовьте рассказ по одной из следующих пословиц (на выбор): «Гнев твой — враг твой», «Безделье — мать всех пороков», «Прилежание — отец счастья».

Проект

Подготовьте электронный иллюстрированный сборник пословиц народов мира о родине или о труде (на выбор).

Напишите краткую вступительную статью к сборнику.

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Долгие годы, передаваясь из уст в уста, из поколения в поколение, звучали в народе сказки и былины, пословицы и поговорки, песни и потешки, загадки и частушки, утешая, веселя.

Но вот в тихих кельях¹ монастырей начинают переписывать летописи, поучения. В X веке появляется *древнерусская литература*. «В ней сформировалось то удивительное чувство общественной ответственности писателя, которое стало характерной чертой русской литературы нового времени, — утверждает исследователь древнерусской литературы Д. С. Лихачёв. — Именно в древней русской литературе создался тот широкий и глубокий взгляд на весь „обитаемый мир“, который стал характерен для неё в XIX веке».

В древнерусской литературе сохранилось много похвал книгам. Ценились они высоко. Летописец, желая похвалить Ярослава Мудрого, отмечал, что он прилежно читал днём и ночью.

¹ *Келья* — комната монаха в монастыре.

Книжные центры умножались на Русской земле, и свои летописания вместе с Киевом и Великим Новгородом завели Чернигов, Галич, Ростов, Владимир-Залесский. По свидетельствам литературоведов¹, над рукописной книгой трудились многие. Доброписец чернописный воспроизводил основной текст, статейный писец — вязь² киноварью, заставочный писец — заставки и буквицы, живописец иконный — миниатюры; златописец покрывал золотом заставки и отдельные части миниатюр. Златокузнец, среброкузнец и сканный мастер³ оформляли оклад⁴.

О «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

«Повесть временных лет» появилась в период, когда в России пробудился особый интерес народа к своей истории. Она передала будущим поколениям легенды о том, как Олег, поставив корабли на колеса, подвел их с попутным ветром к Царьграду, как прибил щит над воротами Царьграда, как принял смерть от своего коня и т. д. Значение «Повести временных лет» было велико, она сообщала о многих исторических событиях. Среди жанров «Повести...» — сказания, предания, хождения, поучения, притчи и т. д.

«Се повесть времяньных лет, откуда есть пошла русская земля. Кто въ Киевъ нача первье княжити, и откуда русская земля стала есть» — так торжественно начинается древний летописный свод. Исследователь древнерусской литературы Н. И. Прокофьев пишет: «„Повесть временных лет“ дошла до нас в нескольких сборниках. Самый ранний из них — „Лаврентьевская летопись“. По своему составу летописный свод включает, кроме погодных записей, различные жанры литературы той эпохи (повести, поучения, послания, притчи, жития, предания, былинно-сказочные и легендарно-библейские сказания и др.), записи устных рассказов, договоры...»

¹ *Литературовед* — специалист, изучающий науку о художественной литературе.

² *Вязь* — соединение, сплетение смежных букв в один сложный знак (например, в заглавиях старинных рукописей).

³ *Златокузнец, среброкузнец и сканный мастер* — ювелиры, украшавшие оклад книги.

⁴ *Оклад* — декоративное покрытие на иконе или книжном переплёте из тонких листов золота, серебра, золочёной или серебряной меди.

«Язык „Повести временных лет“ — древнерусский, доступный жителям всех областей и княжеств Руси той эпохи, хотя нередко в текстах русская речь смешивалась с церковно-славянскими элементами...» — пишет Н. Прокофьев.

Из похвалы князю Ярославу и книгам

(Отрывок из «Повести временных лет»)

Велика бо бывает полза отъ ученья книжного; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обрѣтаемъ и въздержанье от словесъ книжныхъ. Се бо суть рѣкы, напоюще вселеную, се суть исходящи мудрости; книгамъ бо есть неизчетная глубина; сими бо в печали утѣшаеми есмы; си суть узда въздержанью. Мудрость бо велика есть... Аще бо поищещи въ книгахъ мудрости прилѣжно, то обрящещи велику ползу души своей...

[Велика ведь бывает польза от учения книжного: книгами наставляемы и поучаемы на путь покаянья, ибо от слов книжных обретаем мудрость и воздержанье. Это ведь реки, напоющие вселенную, это источники мудрости; в книгах ведь неизмеримая глубина; ими мы в печали утешаемся; они — узда воздержанья. Велика есть мудрость. Если прилежно поищешь в книгах мудрости, то найдешь великую пользу душе своей...]

Проверьте себя

1. Расскажите кратко о том, как в древности трудились над рукописной книгой, какие жанры литературы включены в «Повесть временных лет». Используйте для своего ответа высказывания исследователей древнерусской литературы.
2. Почему в отрывке о пользе учения книжного говорится, что «книгами наставляемы и поучаемы на путь покаянья»?
3. Какова основная мысль прочитанного текста и сумели ли вы понять его на древнерусском языке? Прочитайте выразительно текст на древнерусском языке и тот же текст в пересказе.

Из «Поучения» Владимира Мономаха

Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь над нею, но примите её в сердце своё и не ленитесь, но усердно трудитесь...

В дому своём не ленитесь, но за всем наблюдайте, не полагайтесь ни на тиуна¹, ни на отрока², чтобы приходящие к вам не посмеялись ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не надейтесь на воевод. Ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью. Сторожей сами снаряжайте и ночью, со всех сторон поставив охрану, ложитесь около воинов, а вставайте рано. Оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись; по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтесь и пьянства, от того душа погибает и тело.

Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни сёлам, ни посевам, чтобы не стали люди проклинать вас.

Везде, куда вы пойдёте и где остановитесь, напоите и накормите просящего... Всего же более убогих не забывайте и подавайте сироте, и вдовицу рассудите сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его. Мы, люди, грешны, и если кто нам зло сотворит, то хотим его поглотить, кровь его пролить скорей.

Если же вам придётся крест целовать, то, проверив сердце своё, целуйте только на том, что можете выполнить, а целовав, соблюдайте своё слово, ибо, нарушив клятву, погубите душу свою.

Гордости не имейте в сердце и в уме: смертны все, сегодня живы, а завтра в гробу; всё, что мы имеем, дано нам на малое время. Не уклоняйтесь учить увлекающихся властью, ни во что ставьте всеобщий почёт.

Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев. Более же всего чтите гостя, откуда бы он к вам ни пришёл, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, то угостите его пищей и питьем;

¹ *Тиун* — управляющий хозяйством.

² *Отрок* — слуга.

ибо он, проходя, прославит человека по всем землям или добрым, или злым.

Большого навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не приветив его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте ей власти над собой.

Если забудете это, то чаще перечитывайте мою грамотку, тогда и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Что умеете хорошего, того не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь ему была от других стран. Лениость ведь мать всему дурному: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее...

Размышляем о прочитанном

1. В чём смысл поучений Владимира Мономаха и какие из них кажутся вам необходимыми и сегодня? Как вы понимаете советы: «не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни сёлам, ни посевам», «напойте и накормите просящего», «убогих не забывайте»?
2. Как должно звучать это произведение? Прочитайте его выразительно, отметьте особенности стиля.

Творческое задание

1. Попробуйте сами составить небольшое поучение младшим брату, сестре или другу, используя некоторые слова из «Почувствия», например: «приветить», «молвить», «почёт» и др. (предварительно объясните их).
2. Прочитайте самостоятельно «Повесть о Петре и Февронии Муромских». Подумайте, какой теме она посвящена и какими чувствами пронизан каждый поступок главных героев.

* * *

Повесть о Петре и Февронии Муромских

Есть в земле Российской город, называемый Муром. В нём, как рассказывают, правил князь по имени Павел.

И вот случилось так, что дьявол, искони ненавидящий род человеческий, вселился в летающего змия и стал

прилетать к жене князя. Жене князя Павла он являлся в виде змия, всем же остальным представлялось, что сам князь сидит с женою своею. Жена не утаила от мужа, что случается с нею, и рассказала ему всё.

Князь задумался:

— Не знаю, что и сделать со змием, как убить его. Выспроси у него, от чего ему суждена смерть.

Когда тот злой змий опять прилетел к жене, она стала льстить ему и с почтением спросила:

— Ты много знаешь, знаешь ли кончину свою, какова она будет и от чего?

Добрый обман верной жены обманул лукавого обманщика, и ненароком он открыл ей свою тайну:

— Смерть мне суждена от Петрова плеча, от Агрикова¹ меча.

Жена поведала мужу, что сказал ей змий. Князь же недоумевал, что значит «от Петрова плеча, от Агрикова меча».

У князя Павла был брат по имени Пётр, и князь рассказал ему всё. Князь Пётр, услышав, что змий назвал его имя, начал думать, как бы убить его. Но его смущало, что он не знал, где раздобыть Агриков меч.

Была же вне города церковь Воздвижения. Пришёл в неё князь Пётр помолиться, и явился ему отрок, сказавший:

— Княже! Я покажу тебе Агриков меч. Иди за мной.

И показал ему скважню в алтарной стене между керамидами², а в ней лежал меч. Доблестный князь Пётр взял меч и с того дня искал подходящего времени, чтобы убить змия.

Каждый день Пётр ходил к брату своему и к снохе приветствовать их. Случилось ему прийти в покои брата своего, и от него — в покои снохи. У неё увидел брата своего, от которого он только что вышел. Поняв пронырство лукавого змия, он, желая твердо убедиться, пошёл к брату и спросил его, выходил ли он из покоев своих.

¹ Агрик — сказочный богатырь. Рассказывали, что он побеждал исполинов и чудовищ. Он собрал несметную сокровищницу оружия, среди которого был и меч-кладенец.

² Керамиды — керамические плиты, обычно закрывающие погребения.

Тот ответил, что не выходил и у жены своей не был. Тогда князь Пётр сказал:

— Никуда не выходи из покоев своих. Я иду сразиться с лукавым змием.

И, взяв Агриков меч, пошёл в покои к снохе. Там увидел он змия, видом подобного брату; но Пётр, твёрдо удостоверившись, что это не брат, но лукавый змий, ударил его мечом. Змий обратился в свой естественный вид и пал мёртвым в судорогах, забрызгав князя Петра своею кровью. От той вражьей крови тело Петра покрылось струпьями и открылись язвы, и напала на него тяжкая болезнь. Стал он искать врачей, но ни один не мог ему помочь.

Прослышав, что в Рязанской земле много врачей, князь Пётр повелел везти себя туда, сам же он не мог сидеть на коне от своей тяжёлой болезни. Когда его привезли в Рязанскую землю, он послал своих приближённых искать врачей.

Юноша, слуга его, заехал в село Ласково. Подъехал он к воротам одного дома, во дворе не видит никого. Он вошёл в дом, нет никого, кто бы его услышал; вошёл в горницу и увидел чудное зрелище: сидит девица одна, ткёт полотно, а перед нею скачет заяц.

И сказала девица:

— Плохо дому без ушей, а горнице без очей.

Юноша не понял её слов и спросил:

— Где хозяин этого дома?

Она же в ответ:

— Отец мой и мать ушли плакать взаимы, брат же мой пошёл через ноги смотреть смерти в глаза.

Юноша снова не понял её речей, только дивился, видя и слыша такие чудеса, и сказал:

— Вошёл я к тебе и вижу тебя за работой и зайца, скачущего перед тобою, и слышу странные слова и не пойму, что говоришь.

— Чего же ты не понимаешь? Ты пришёл в дом, и в горницу мою вошёл, и увидел меня сидящей в простом платье. Если бы был во дворе пёс, он почуял бы тебя и залаял: пёс — уши дома. А если бы в моей горнице было дитё, увидело бы оно тебя и сказало мне: дитё — очи дома. А отец мой и мать пошли на похороны

и там плачут, а когда за ними смерть придёт, другие будут плакать над ними, ибо это плач взаимности. Я говорила тебе о брате. Отец мой и брат — древолазы, в лесу они собирают с деревьев дикий мёд. Брат же мой нынче пошёл на своё дело, полез высоко на дерево и через ноги смотрит на землю, как бы не сорваться с высоты и не разбиться насмерть. Потому я и сказала, что он через ноги на смерть глядит.

Сказал ей юноша:

— Вижу, что ты дева мудрая. Скажи мне своё имя.

— Меня зовут Феврония.

— А я слуга муромского князя Петра. Князь тяжело болен. Весь покрыт струпьями и язвами от крови свирепого летающего змия, которого убил своею рукою. У себя он не нашёл, кто бы излечил его. Потому велел привезти себя сюда, слышал, что здесь много врачей. Мы не знаем, где они живут, и ищем их здесь.

— Тот сможет его излечить, кто потребует князя твоего себе, — сказала девица.

Юноша спросил:

— Что такое ты говоришь — потребует себе. Если кто излечит князя, он того богато одарит. Скажи мне имя врача, кто он и где живёт.

— Приведи князя твоего сюда. Если будет добросердечен и не высокомерен, то будет здоров.

Юноша скоро возвратился к своему князю и поведал ему всё подробно, что видел и слышал от девицы. Пётр велел везти себя к ней. Привезли его во двор, он послал слуг своих спросить, кто же врач, который может излечить его, и обещал его богато одарить. Девица же без обиняков ответила:

— Я — врач, но даров мне не надо. Мое слово таково: если не буду его супругой, нечего мне и лечить его.

Князь же Пётр пренебрёг её словами, подумав: «Как князю взять в жёны дочь древолаза?» А сам послал к ней сказать:

— Пусть лечит, если излечит, то возьму её в жёны.

Когда ей сказали слова князя, она взяла маленький сосудец, почерпнула хлебной закваски, дунула на неё и сказала:

— Истопите своему князю баню и пусть помажет этой

мазью свои струпья и язвы, но один струп пусть оставит, и будет здоров.

Князь велел затопить баню и, желая испытать, так ли мудра девица, как сказал юноша слуга, послал ей пучок льна, сказав:

— Сия девица хочет, чтобы я взял её в жены ради мудрости её. Если мудра, то пусть, пока я моюсь в бане, сделает из этого пучка льна мне сорочку, порты и полотенце.

Девица, услышав слова князя, велела слуге:

— Полезай на печь и сними поленце.

Он подал ей поленце. Она, отмерив пядь¹, сказала:

— Отсеки вот столько от поленца.

Когда же слуга сделал, как она повелела, Феврония сказала:

— Возьми чурочку, дай её князю и скажи: пока я лён очешу, пусть твой князь приготовит мне из этой чурочки станок и всё снаряжение, чтобы я могла соткать ему полотно.

Слуга принёс князю чурочку и передал ему слова Февронии. Князь же сказал:

— Иди, скажи девице, что невозможно сделать станок из такой чурочки и в столь короткий срок.

Слуга вернулся к Февронии и передал ей речи князя. Феврония же ответила:

— А разве возможно в такой короткий срок из такого малого пучка льна соткать взрослому мужчине сорочку, порты и полотенце?

Слуга снова пошёл к князю и сказал ему ответ Февронии. Он же удивился её мудрости.

Помылся Пётр в бане и помазал язвы и струпья мазью, что дала ему Феврония. Только один струп, как она ему велела, оставил непомазанным. Вышел он из бани, а наутро увидел, что всё тело здорово и гладко, только остался тот струп, что он не помазал. Дивился князь своему скорому исцелению, но не захотел взять Февронию в жёны из-за её низкого рода и послал ей дары. Она же не приняла их.

¹ Пядь — старинная мера длины, равная расстоянию между концами растянутых пальцев — большого и указательного.

Поехал князь Пётр в свою отчину, в город Муром, и был совсем здоров. Но от непомазанного струга с первого же дня стали расходиться стругья на теле его, и вскоре он вновь покрылся стругьями и язвами.

Снова поехал князь к Февронии за исцелением. Приехав к её дому, со стыдом послал к ней посла, прося излечить его.

Феврония же, нимало не гневаясь, сказала:

— Если будет мне супругом, будет исцелён.

Тогда он дал ей твёрдое слово, что возьмёт её в жёны. Она же опять дала ему ту же мазь и сделала всё, как я раньше писал. Князь вскоре выздоровел и взял её в жены. Так Феврония стала княгиней. Прибыли они в отчину свою, в град Муром, и жили благочестиво и праведно.

Вскоре скончался князь Павел, о котором речь была прежде, и князь Пётр стал самодержцем в городе Муроме. Бояре муромские невзлюбили Февронию из-за наветов своих жен, ибо те не хотели, чтобы государыней над ними была неродовитая. И стали они наговаривать на неё князю:

— Она за столом не умеет сидеть. А перед тем как встать, собирает со стола крохи, как голодная.

Князь Пётр захотел испытать свою княгиню и повелел Февронии обедать за одним с ним столом. Когда кончился обед, она собрала в руку крохи, по своему обыкновению. Князь Пётр взял её за руку, разжал ей пальцы и увидел на её ладони зёрна благовонного ладана. С того дня он больше её не испытывал.

Через некоторое время пришли к нему бояре в ярости и говорили:

— Хотим служить тебе по правде как нашему самодержцу, но не хотим, чтобы княгиня Феврония была государыней над нашими жёнами. Если хочешь быть самодержцем, найди себе другую княгиню, а Феврония пусть возьмёт себе богатства всякого и идёт куда хочет.

Блаженный¹ князь Пётр никогда не впадал во гнев и спокойно ответил:

— Скажите о том Февронии, послушаем, что она скажет.

¹ Блаженный — благой, добрый.

Неистовые же бояре, потеряв всякий стыд, устроили пир и, когда охмелели, начали как псы лаять и говорить: — Госпожа княгиня Феврония! Весь город и бояре говорят тебе: «Дай нам то, что мы у тебя просим».

Она ответила:

— Возьмите, что просите.

Они все в один голос закричали:

— Мы, госпожа, все хотим князя Петра, пусть будет самодержцем над нами. Но наши жёны не хотят, чтобы ты была госпожою над ними. Возьми богатство всякое и уходи куда хочешь.

Феврония ответила:

— Обещала вам, что вы получите то, что просите. Дайте же и вы мне, что я попрошу у вас.

Они же, злодеи, обрадовались, не ведая будущего своего, и клятвенно обещали ей беспрекословно дать то, что она попросит. Она сказала:

— Ничего не прошу себе, только супруга моего, князя Петра.

— Если сам захочет, не будем спорить, — ответили бояре.

Дьявол подсказал им: если не будет князя Петра, то поставят себе другого князя. И каждый боярин в уме своём хотел стать самодержцем.

Блаженный князь Пётр не мог оставить жену свою ради княжения и решил покинуть Муром.

Злочестивые бояре приготовили им суда на реке, ибо под Муромом течёт река, называемая Ока. И поплыли они вниз по реке.

Когда пришёл вечер, пристали они к берегу. Князь же Пётр начал думать: «Что будет дальше? Сам я своей волей отказался от княжения».

Княгиня же Феврония, поняв его мысли, сказала:

— Не скорби, князь, милостивый Бог не оставит нас в нужде.

Когда готовили ужин, повар срубил ветки и повесил на них котлы. После ужина княгиня Феврония ходила по берегу и, увидев срубленные ветки, благословила их и сказала:

— Пусть вырастут из них наутро высокие деревья с ветвями и листьями.

«Повесть о Петре и Февронии Муромских».
Художник И. Пчелко

Так и сбылось. Встав утром, нашли, что те ветки стали большими деревьями.

Когда слуги стали складывать пожитки в суда, чтобы плыть дальше, пришли вельможи из Мурома и сказали:

— Господине княже! Мы пришли к тебе от всех вельмож и от всего города. Не оставь нас сирыми, возвращайся в отечество своё. Многие вельможи в городе друг друга перебили, ибо каждый хотел стать самодержцем, и все от меча погибли. Оставшиеся в живых все мы, хоть и прогневили тебя, молим тебя и твою княгиню: не оставьте нас, рабов своих, хотим вас, и любим, и просим.

Вернулись в Муром князь Пётр и княгиня Феврония. И княжили во граде том как чадолюбивые отец и мать.

Всех равно любили, только не любили гордости и грабежа. Принимали странников, насыщали голодных, одевали нищих, избавляли несчастных от напастей.

Когда же подошёл конец их жизни, они стали молить Бога, чтобы им преставиться в один час. И повелели вытесать из одного большого камня единый гроб с преградой посредине и завещали положить тела их в том гробу. Сами же в одно время облачились в иноческие одежды и приняли монашество. Князь Пётр был наречен Давыдом, а княгиня Феврония — Ефросинией.

Феврония, наречённая Ефросинией, вышивала для соборного храма Богородицы воздух¹ с ликами святых. Блаженный же князь Пётр, наречённый Давыдом, прислал к ней сказать:

— Сестра Ефросиния! Душа моя уже хочет покинуть тело, но жду тебя, дабы вместе отойти.

Она же в ответ:

— Подожди, господине, дошью я покров в святую церковь.

Он вторично посылает к ней:

— Ещё недолго могу ждать тебя.

И третий раз послал к ней:

— Уже час мой настал, не могу больше ждать тебя.

Она же заканчивала воздух, только у одного святого не вышила ризы. Кончив вышивать лицо, воткнула в покров иглу и обмотала вокруг неё нитку, которой шила, и послала к блаженному Петру, наречённому Давыдом, о том, что она готова преставиться вместе с ним. Помолвившись, предали оба вместе чистые свои души в руки Божии месяца июня в 25-й день.

После их преставления захотели люди похоронить Петра внутри города, в соборной церкви Пречистой Богородицы, а Февронию — вне города, в женском монастыре, в церкви Воздвижения. И сделали им отдельные гробы и положили их врозь. Общий же гроб, который они повелели истесать из единого камня, остался стоять пустым в соборной церкви внутри города.

Наутро люди увидели, что их гробы пусты, и тела их обретаются внутри города, в соборной церкви, в едином

¹ Воздух — покров для чаши.

гробе, который они повелели для себя истесать. Неразумные люди, которые и при жизни хотели их разлучить, не захотели оставить их вместе и после их преставления. Они снова переложили их в отдельные гробы и опять разнесли по разным местам. И снова наутро обрели их в едином гробе. Уже больше не осмеливались прикоснуться к святым их телам и положили их в едином гробе, как они сами повелели, в соборной церкви Рождества Пресвятой Богородицы внутри града. И лежат они там на просвещение и на спасение граду тому.

Размышляем о прочитанном

1. Какими чувствами пронизаны поступки главных героев?
- 2★. Похожа ли Феврония на героинь русских народных волшебных сказок? Чем? Какие сказочные приёмы изображения героини использовал автор повести?
3. На что надеялась Феврония в трудные минуты жизни?
4. Почему вельможи и народ города стали просить героев вернуться назад?
5. Что вы могли бы сказать о характерах главных героев повести, их поступках? Чем важна для нашего времени история жизни Петра и Февронии? Чему она учит?
6. Найдите в словарных ресурсах Интернета определение древнерусского литературного жанра «житие». Какие черты этого жанра характерны для «Повести о Петре и Февронии Муромских»?

Обогащаем свою речь

1. Каковы особенности речи Февронии и как они Февронию характеризуют?
2. Объясните смысл слов: *искони, правил князь, лукавый, покои, сноха, дивиться, без обиняков, пренебречь, блаженный князь, исцеление, жили благочестиво и праведно.*

Творческое задание

1. Каким произведениям мировой литературы о любви и верности, преодолевших испытания, близка «Повесть о Петре и Февронии Муромских»?
2. Подготовьте устное сообщение на эту тему.

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

«Повесть временных лет».
«Повесть о Петре и Февронии Муромских»

1. Какие интонации преобладают в чтении народной артисткой России Алиной Покровской древнерусской повести о житии святых? Чем они отличаются от былинных интонаций? Как вы думаете, в чём причина отличий?
2. В каких эпизодах повести уважительно-доверительный тон чтения сменяется негодованием? Чьё поведение возмущает актрису и почему?
3. Какие чувства передаёт актриса, читая заключительные строки повести, рассказывающие о последних днях жизни Петра и Февронии?
4. Какие свойства человеческой природы, черты характера прославляет повесть, а какие осуждает? Какими средствами выразительного чтения актриса подчёркивает, усиливает авторскую оценку душевных качеств героев повести?

Михаил Васильевич ЛОМОНОСОВ

1711—1765

...Для России было счастьем, что столь деятельный, столь гениальный ум оказался направлен в сторону наук, наиболее нужных в то время стране и народу...

Живой творческий ум и учёная любознательность Ломоносова не имели границ. По монастырским книгохранилищам разыскивал он древнерусские летописи. По ним составили «Историю Российскую»...

Горячность, страстность, вспыльчивость, готовность ежечасно умереть за свою правду, праведный гнев, движимый на всех, кто мешает и не радеет об умножении наук в России, — эти свойства Ломоносова и врагов ему создавали, и ярость их поддерживали...

Однако гений архангельского мужика сиял столь светло, что загородить этот свет уже было не под силу никому...

Михайло Васильевич не дожил до старости. Весною 1765 года он простудился и умер.

Перед смертью говорил другу своему Штелину:

— Я пожил, потерпел и умираю спокойно. Жалею только, что не мог завершить всё, что делал для родины, для блага науки в России, для славы Академии. Не тужу о смерти, дети отечества вспомнят обо мне и пожалеют...

Б. В. Шергин. «Слово о Ломоносове» (сказ)

Михаил Васильевич Ломоносов родился в 1711 году в деревне Денисовка, близ Холмогор, около Архангельска, в семье государственного крестьянина, который занимался земледелием и рыбным промыслом. Ломоносов помогал отцу и выходил с ним на небольшом судне в океан. Уже в детские годы он выучился грамоте, мог читать и писать.

В декабре 1730 года без ведома отца ушёл в Москву и поступил в Славяно-греко-латинскую академию. Крестьяне не получали в неё доступа, но Ломоносов скрыл своё низкое происхождение. За пять лет он прошёл восьмилетний курс обучения, овладел латынью и успешно усвоил другие науки. В 1736 году после завершения обучения он был послан в Германию для изучения механики, физики, химии, горного дела и языков, в июне 1741 года вернулся в Петербург.

С этого времени началась его блестящая академическая деятельность. В 1745 году он становится профессором химии. Научные открытия следуют одно за другим. И нет, пожалуй, такой области знания, куда бы не проник светлый ум Ломоносова. По его инициативе был открыт в 1755 году Московский университет. Впрочем, он и сам был, по глубокому и верному замечанию Пушкина, «первым нашим университетом».

Смыслом жизни Ломоносова до самого последнего дня было «утверждение наук в отечестве», которое он считал залогом процветания своей родины. Тем же пафосом просвещения проникнута его филологическая и поэтическая деятельность. Многостороннее дарование учёного проявилось в этих областях с исключительной силой и подлинным новаторством. В 1757 году Ломоносов пишет предисловие к собранию сочинений «О пользе книг церковных в российском языке», в котором излагает знаменитую теорию «трёх стилей»: «высокий» — церковно-славянские слова и русские, «средний» — русские слова с небольшой примесью церковно-славянских, «низкий» — русские слова разговорного языка с добавлением простонародных и малого числа церковно-славянских. Каждому «стилю» соответствуют свои жанры: «высокому» — героические поэмы, оды, трагедии; «среднему» — драмы, сатиры, эклоги, дружеские письма, элегии; «низкому» — комедии, эпиграммы, песни, басни.

Реформы Ломоносова в сферах литературного языка отвечали культурным потребностям нации. Тема могущества и ве-

¹ *Штиль* — устаревшее слово. *Стиль* — манера выражения мысли.

личия России сочеталась в его поэзии с прославлением Петра I как просвещённого государя.

Основной лирический тон его произведений — торжественный. Убеждённый и «самобытный сподвижник просвещения», как назвал Ломоносова Пушкин, автор восторженных од пропел хвалу человеческому разуму и сам явился живым воплощением его дерзновенной мощи.

В. И. Коровин

Проверьте себя

1. Расскажите, в чём необычность курса обучения, пройденного М. В. Ломоносовым, и деяний его как учёного, поэта и общественного деятеля.
2. Какие жанры относятся к каждому из «трёх стилей»?
3. Используя статью учебника и материалы словаря «Русские писатели XVIII века», подготовьте устное сообщение о жизни М. В. Ломоносова.

К статуе Петра Великого

Елисавета здесь воздвигла зрак Петров
К утехе россов всех, но кто он был таков,
Гласит сей град и флот, художества и войски,
Гражданские труды и подвиги геройски.

ОДА

на день восшествия на всероссийский престол
Её Величества Государыни Императрицы
Елисаветы Петровны 1747 года

(Отрывок)

...**О** вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовёт от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,

Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастной случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде,
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,
В покое сладки и в труде...

Размышляем о прочитанном

1. К каким «штилям» относятся приведённые в учебнике произведения Ломоносова?
2. Какова главная мысль каждого из них?
3. Какие труды Ломоносова вам известны?

Обогащаем свою речь

1. Посмотрите в словаре литературоведческих терминов значение слов *ода*, *поэма*, *трагедия*, *драма*, *сатира*, *эпиграмма*. Вспомните, к каким «штилям» относит эти жанры великий учёный и поэт. Какие слова придадут прочитанным текстам особую торжественность?
2. Приведите примеры, в каких случаях можно использовать в современной речи слова *слыл*, *дерзать*, *утеха*. Как вы понимаете строки: *...может собственных Платонов / И быстрых разумом Невтонов / Российская земля рождать, Науки юношей питают, / Отраду старым подают?*

Учимся читать выразительно

Подготовьте выразительное чтение одного из стихотворений или одной из од, обратив внимание на особенность чтения произведений «высокого» стиля.

Творческое задание

Подготовьте «Похвальное слово Ломоносову — поэту, учёному, общественному деятелю», включив в его текст цитаты из произведений поэта.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

М. В. Ломоносов. «Ода...»

В одах и поэмах Михаила Васильевича Ломоносова в высшей степени проявились талант стихотворца, глубина мысли учёного, безграничная любовь к Родине гражданина и патриота.

1. Послушайте внимательно чтение актёра. Подумайте, какой образ автора оды создаёт своим чтением актёр.
2. Во всём ли вы согласны с актёром? Может быть, вы считаете, что некоторые строки можно прочитать по-другому? Обоснуйте свою позицию.
3. Подготовьте выразительное чтение отрывка из оды.

Гавриил Романович ДЕРЖАВИН

1743—1816

Слог у него так крупен, как ни у кого из наших поэтов. Разъяв анатомическим ножом, увидишь, что это происходит от необыкновенного соединения самых высоких слов с самыми низкими и простыми, на что бы никто не отважился, кроме Державина.

Н. В. Гоголь

Гавриил Романович Державин родился в Казанской губернии в небогатой дворянской семье в 1743 году. Обучался он в казанской гимназии, закончить которую, однако, не удалось. В 1762 году прибыл в Преображенский полк, через десять лет был произведён в прапорщики. Стихи писал уже давно. Но настоящая поэтическая работа началась в Петербурге, когда в 1777 году он был переведен в статскую службу.

Державин был назначен правителем сначала Олонецкой, затем Тамбовской губернии. Решительность, с какой он преследовал злоупотребления, прямой и крутой нрав часто мешали его служебной карьере. В 1791 году Екатерина II сделала его кабинет-секретарём, но вскоре перевела в сенаторы. Воцарившийся на престоле Павел I в 1798 году призывает его на службу, назначая государственным казначеем, но быстро отказывается от его услуг. Так же поступил и Александр I, сделавший Державина министром юстиции, но через год освободивший поэта от этой обязанности.

Выйдя в отставку, Державин всецело посвятил себя литературным трудам. Державин-гражданин увидел, а Державин-поэт предал позору продажность сильных мира сего, открывших дорогу «злодейству и неправде», и призвал на их голову страшную кару:

Воскресни, Боже! Боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых,
И будь един царём земли!

(«Властителям и судиям»)

Новое содержание поэзии требовало новых форм выражения. Соединяя слова «высокие» и «низкие» не только в пределах одного произведения, но и ставя их часто рядом, добываясь при этом большой выразительности, поэт открывал дорогу развитию реалистического языка. Художественные открытия поэта обогатили русскую поэзию и преобразовали её. Вот почему его наследие не уходит из нашей жизни.

В. И. Фёдоров

Проверьте себя

Используя материалы статьи учебника и словаря «Русские писатели XVIII века» подготовьте устное сообщение о поэте.

Признание

Не умел я притворяться,
На святого походить,
Важным саном надуваться
И философа брать вид;
Я любил чистосердечье,
Думал нравиться лишь им:
Ум и сердце человечье
Были гением моим.
Если я блистал восторгом,
С струн моих огонь летел, —
Не собой блистал я, Богом:
Вне себя я Бога пел.
Если звуки посвящались
Лиры моей царям, —
Добродетельми казались
Мне они равны богам.
Если за победы громки
Я венцы сплетал вождям, —
Думал перелить в потомки
Души их и их детям.
Если где вельможам властным
Смел я правду брякнуть вслух, —
Мнил быть сердцем беспристрастным
Им, царю, отчизне друг.

Если ж я и суетою
Сам был света обольщен, —
Признаюсь, красотою
Был пленённым, пел и жён.
Словом: жёг любви копь пламень,
Падал я, вставал в мой век. —
Брось, мудрец! на гроб мой камень,
Если ты не человек.

На птичку

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать её рукой.
Пищит бедняжка вместо свисту,
А ей твердят: Пой, птичка, пой!

Последние стихи Державина

* * *

Река времён в своём стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.

А если что и остаётся
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрётся
И общей не уйдёт судьбы.

Проверьте себя

1. Какие стороны мастерства Державина отразились в «Признании»?
2. Над чем заставляют задуматься стихотворение «Река времён в своём стремленьи...» и четверостишие «На птичку»?
3. Против чего боролся Державин в жизни и в поэзии?

Творческое задание

Подготовьте небольшое сообщение о Г. Р. Державине и выразительное чтение одного из его стихотворений.

Обогащаем свою речь

1. Какие слова и словосочетания в произведениях Державина вы отнесли бы к устаревшим, какие — к разговорным, какие — к просторечным? Что их сочетанием достигается?
2. Как вы понимаете строки:

«Я любил чистосердечье,
Думал нравиться лишь им:
Ум и сердце человечье
Были гением моим.»;

«Падал я, вставал в мой век?»
3. Объясните смысл слов и введите их в собственную речь: *чистосердечье, блистать, лира, потомки, мнил, отчизна, суета, забвеньё.*

Творческое задание

Подготовьте «Похвальное слово Державину — поэту и гражданину». Введите в текст «Слова» цитаты из стихотворений поэта.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Г. Р. Державин. «Признание»

Соединение торжественного, одического звучания с задушевными, дружескими интонациями, высокой похвалы с иронией, возвышенной лексики с просторечиями — особенность поэзии Гавриила Романовича Державина. Поэт-новатор, он смело разрушал поэтические правила, каноны, создавая свой неповторимый державинский стиль.

1. Какими средствами художественного чтения актёру удаётся передать своеобразие державинского стиля?
2. Какие особенности характера автора стихотворения сумел донести до слушателя актёр?

Александр Сергеевич ПУШКИН

1799—1837

Чудесный талант! Какие стихи! Он мучит меня своим даром, как привидение!

В. А. Жуковский

«Кудрявая голова и восторженный пытливый взгляд. Волшебный бег гусяного пера и пылкая, отзывчивая душа поэта. Любовь к Пушкину входит в нас с детства. Это больше чем любовь к великому поэту. Это любовь к народу, имеющему такого поэта. Россия немыслима без Пушкина, — пишет поэт Лев Озеров. — Вступающий, уже вступивший в жизнь человек на школьной скамье, дома, в институте знакомится, сперва в общих чертах, а затем в подробностях, с жизнеописанием Пушкина, с его сочинениями...

Каждое новое поколение живо иллюзией¹, что оно до конца разобралось в Пушкине, что никаких загадок в нём больше нет. Но проходит десятилетие, а подчас и менее, и вчерашнее знание о Пушкине кажется недостаточным, неполным. Новый опыт людей подсказывает новое прочтение Пушкина, раскрывает доселе неизвестные особенности его наследия».

Александр Сергеевич Пушкин родился в 1799 году в Москве. Отец его, Сергей Львович, происходил из старинного дворянского рода. Имена предков Пушкина не раз встречаются на страницах русской истории. Мать, Надежда Осиповна, была внучкой Ганнибала, «арапа Петра Великого», ставшего

¹ *Иллюзия* — обман чувств, то, что кажется.

впоследствии русским генералом. Сергей Львович увлекался литературой, его брат, Василий Львович, — известный поэт. В их доме бывали Н. М. Карамзин, молодой В. А. Жуковский. Страсть к поэзии появилась у А. С. Пушкина с детства. Восьми лет он уже сочинял стихи, в детские годы познакомился с произведениями русской и зарубежной литературы.

Другим источником духовного развития Пушкина стали рассказы бабушки о старине и сказки няни Арины Родионовны.

В 1811 году будущий поэт поступает в только что открывшийся Царскосельский лицей¹. В 1820 году выходит его первая поэма «Руслан и Людмила». Он обращается к древнерусским преданиям, с восторгом читает «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина, русские летописи. Позднее он создал трагедию «Борис Годунов», посвящённую историческим событиям конца XVI века, исторический роман из эпохи Петра «Арап Петра Великого», поэмы «Полтава» и «Медный всадник».

Творчество Пушкина вобрало в себя все достижения российской поэзии. Предшественники поэта относятся к нему, «как малые и великие реки к морю, которое наполняется их волнами», — писал Белинский. Большинство русских писателей XIX века испытали его плодотворное влияние. «Всё, что есть у меня хорошего, всем этим я обязан ему», — говорил Гоголь. Тургенев называл себя учеником Пушкина. Влияние пушкинской прозы на своё творчество отмечал и Лев Толстой.

Пушкин завершил процесс создания русского национально-литературного языка. «Слов немного, — пишет о его стиле Гоголь, — но они так точны, что обозначают всё. В каждом слове бездна пространства; каждое слово необъятно, как поэт».

В наши дни осуществилось пророческое предсказание Белинского о том, что придёт время, когда Пушкин «будет в России поэтом классическим, по творениям которого будут образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство».

По С. М. Петрову

¹ Пушкинист Ю. М. Лотман пишет в книге «Александр Сергеевич Пушкин» о том, что заменой мира детства для поэта стал Лицей.

Проверьте себя

Что нового о Пушкине сообщил вам каждый из отзывов и чье высказывание близко вашему пониманию поэта? Чем интересны для вас жизнь и личность Пушкина?

В творческой лаборатории писателя

В ТВОРЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ ПУШКИНА

Без особых причин никогда он не изменял порядка своих занятий. Везде утро посвящал он чтению, выпискам, составлению планов или другой умственной работе. Вставая рано, тотчас принимался за дело. Не кончив утренних занятий своих, он боялся одеться, чтобы преждевременно не оставить кабинета для прогулки. Перед обедом, который откладывал до самого вечера, прогуливался во всякую погоду... Писать стихи любил он преимущественно осенью...

П. А. Плетнёв

...Он носился во сне и наяву целые годы с каким-нибудь созданием, и когда оно созревало в нём, являлось перед духом его уже созданным вполне, то изливалось пламенным потоком в слова и речь: металл мгновенно стынет в воздухе, и создание готово.

В. И. Даль

...Труд был для него святыня, купель, в которой исцелялись язвы... Когда чуял он налет вдохновения¹, когда принимался за работу, он успокаивался, мужал, перерождался...

П. А. Вяземский

Изо всех времён года он любил более всего осень, и чем хуже она была, тем для него была лучше. Он говорил, что только осенью овладевает им бес стихотворства, и рассказывал по этому поводу, как была им написана последняя в то время поэма: «Полтава». Это было в Петербурге. Погода стояла отвратительная. Он уселся дома, писал целый день. Стихи ему

¹ *Вдохновение* — творческий порыв, подъём, прилив творческих сил.

грезилась даже во сне, так что он ночью вскакивал с постели и записывал их впотьмах. Когда голод его прохватывал, он бежал в ближайший трактир, стихи преследовали его и туда, он ел на скорую руку, что попало, и убегал домой, чтобы записать то, что набралось у него на бегу и за обедом. Таким образом слагались у него сотни стихов в сутки. Иногда мысли, не укладывавшиеся в стихи, записывались им прозой. Но затем следовала отделка, при которой из набросков не оставалось и четвертой части... Несмотря, однако же, на такую работу, он кончил «Полтаву», помнится, в три недели...

М. В. Юзефович

Как же сам Пушкин говорил о своём труде, о вдохновении? Прочитаем строки его поэтических воспоминаний:

...в сладкой тишине

Я сладко усыплён моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,

Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем —
И тут ко мне идёт незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы лёгкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут...

Творческое задание

Вы прочитали строки стихотворения, в котором Пушкин рассказывает о том, как к нему приходит вдохновение. На что вы обратили особое внимание? Сформулируйте ответ на вопрос: в чём своеобразии творческой работы А. С. Пушкина?

Литература и изобразительное искусство

Рассмотрите репродукции портретов поэта, фотографии памятников ему. Подготовьте сообщение-рассуждение на темы: «Портреты поэта», «Памятники Пушкину», «Каким я представляю себе Пушкина» (на выбор).

Учимся читать выразительно

1. Как известно, желание воскресить минувший век во всей его истине привело поэта к изучению материалов предшествующих эпох. Одним из любимых исторических деятелей был Пётр I. В поэме «Полтава» описывается победа Петра I над шведскими войсками, вторгшимися в Россию в 1709 году. Найдите самостоятельно в поэме «Полтава» фрагмент, посвящённый Полтавской битве, подготовьтесь к его выразительному чтению и обсуждению в классе.
2. Подготовьте к выразительному чтению наизусть отрывок, подчеркнув во время чтения и напряжение боя, и его стремительность, и радость победы, и восхищение отвагой Петра и его сподвижников, великодушное отношение Петра к побеждённым.

Обогащаем свою речь

1. Что вас особенно поразило в описании Полтавского боя? Так ли вы представляли себе это грандиозное историческое сражение?
2. Как вы понимаете строки и отдельные слова, словосочетания: «Горит восток зарею новой», «Дым багровый кругами всходит к небесам», «В кустах рассыпались стрелки», «Поле роковое», «Как пахарь, битва отдыхает», «И за учителей своих заздравный кубок подымает»? Какие картины возникают перед вашим мысленным взором? Какие литературные приёмы использованы поэтом для описания Полтавского боя и какой эффект достигается с их помощью?
3. Чем особенно важно было для русских войск сражение со шведами? Подтвердите свой ответ сведениями из истории. Какие примеры из текста подтверждают, что речь идёт об историческом сражении?
- 4★. Сравните описание Петра I и Карла XII (их внешний вид, настроение, поступки и т. д.). Можно ли по этому описанию определить отношение автора к героям? Расскажите об одном из героев.

Литература и изобразительное искусство

1. Рассмотрите репродукцию картины М. В. Ломоносова «Полтавская баталия». Известно, что, создавая мозаичную картину, её автор провёл со своими учениками три тысячи опытов, выплавил множество кусочков стекла. Какие впечатления остались у вас от этой картины? Какие детали картины перекликаются с отрывком «Полтавский бой» из поэмы «Полтава»?

«Полтавская баталия». С мозаичной картины М. Ломоносова

2. Иллюстрации каких художников наиболее близки, по вашему мнению, пушкинскому тексту?
3. В поэме «Медный всадник» воспевается град Петров. Познакомьтесь с этим текстом.

Медный всадник

(Отрывок)

На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася; бедный чёлн
По ней стремился одиноко.
По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел.

И думал он:

Отсель грозить мы будем шведу.

Здесь будет город заложен
Назло надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно,
Ногою твёрдой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам,
И запируем на просторе.

Прошло сто лет, и юный град,
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознёсся пышно, горделиво;
Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,
Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхий невод; ныне там
По оживлённым берегам
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен; корабли
Толпой со всех концов земли
К богатым пристаням стремятся;
В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Тёмно-зелёными садами
Её покрылись острова,
И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиноносная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой её гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,

И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла...

Размышляем о прочитанном

1. Понравился ли вам отрывок? Какие литературные приёмы помогли поэту воспеть град Петров и будущее России?
2. Как вы понимаете строки:
«Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам...»?
3. Какие чувства поэта пронизывают весь текст и передаются ли они вам?

Учимся читать выразительно

Подготовьтесь к выразительному чтению, обратите внимание на ритм, настроение, мелодию, которые сопровождают различные строки «Медного всадника»¹.

«На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел...»

«Прошло сто лет, и юный град,
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознёсся пышно, горделиво...»

«Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид...»

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

А. С. Пушкин. «Медный всадник»

1. Внимательно вслушайтесь в звучащий текст и определите, на какие части разбивает его чтец.

¹ Найдите свидетельства о том, как читал свои произведения сам Пушкин (во второй части учебника, в разделе «Поработайте самостоятельно»).

Медный всадник. Памятник Петру I в Санкт-Петербурге.
Скульптор М. Фальконе

2. Как бы вы озаглавили эти части?
3. Какие чувства преобладают в актёрском прочтении каждой части?
4. Как вы думаете, почему после слов «Прошло сто лет...» актёр заметно меняет ритм и эмоциональную окраску звучания стиха?
5. Какими эпитетами вы охарактеризовали бы чтение актёром описания Петербурга?
6. Подготовьте выразительное чтение отрывка наизусть.

Литература и изобразительное искусство

1. Рассмотрите иллюстрации различных художников к пушкинским произведениям. Кто из них ближе, по вашему мнению, к пониманию характеров героев?
2. Какие памятники Петру I вам известны? Какой из них произвёл на вас сильное впечатление? Почему?

О ЛЕТОПИСНОМ ИСТОЧНИКЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ БАЛЛАДЫ А. С. ПУШКИНА
«ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ»

Многие поэты и прозаики обращались к прошлому и находили в нём немало увлекательных преданий и легенд, на основе которых создавали свои произведения. Особенно интересный материал давали древнерусские летописи. Прочитаем историю об Олеге в летописи.

<Сказание о смерти Олега от коня>

И живяше Олегъ миръ имѣа ко всѣмъ странамъ, княжа в Киевѣ. И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой, иже бѣ поставил кормити и не вседати на нь¹. Бѣ бо въпрашал вольхвовъ и кудесникъ: «От чего ми есть умерети?» И рече ему кудесник один: «Княже! Конь, его же любиши и ѣздиши на нём, от того ти умерети». Олегъ же приим въ умъ², си рече: «Николи же всяду на нь, ни вижю его боле того». И повелѣ кормити ѥ не водити его к нему, и пребы нѣколикo лѣт не видѣ его, дондеже³ на грекы иде. И пришедшу ему Киеву и пребывъшу 4 лѣта, на пятое лѣто помяну конь, от него же бяхуть рекли волсви умерети. И призва старейшину конюхом, рече: «Кде есть конь мѣй, его же бѣхъ поставил кормити и блюсти его?» Он же рече: «Умерлъ есть». Олег же посмѣся и укори кудесника, река: «То ти неправo глаголють вольсви, но все то лъжа есть: конь умерлъ есть, а я живъ». И повелѣ оседлати конь: «А то вижю кости его». И прииде на мѣсто, идѣже бѣша лежаще кости его голы и лобъ голъ, и ссѣде с коня, и посмеяся рече: «Отъ сего ли лба смърть было взяти мнѣ?» И вступи ногою на лобъ; и выникнувши змиа изo лба, и уклюну в ногу. И с того разболѣся и умре. И плакашася людие вси плачем великим, и несоша и погребoша его на горѣ, еже глаголется Щековица; есть же могила его и до сего дни, словеть могила Ольгова. И бысть всѣх лѣт княжения его 33.

¹ ...на нь — на него.

² ...приим въ умъ — подумал про себя, запомнил.

³ Дондѣ, дондѣже — пока, пока не; когда, как только, как.

Известный литературовед-пушкинист Сергей Михайлович Бонди пишет, что «Песнь о вещем Олеге» А. С. Пушкина — это пересказ сохранившейся в летописи легенды о смерти киевского князя Олега (X век), предсказанной ему волхвом (жрецом славянского бога Перуна¹). Олег в летописях прославляется как мудрый («вещий») князь и победитель врагов Киевского княжества, не только хазар — кочевого племени, нападавшего на русские владения, — но и Византийской империи. По летописному преданию, Олег овладел столицей империи Константинополем (русские называли его Царьград) и, уйдя оттуда, в знак победы прибил на воротах города свой щит. После смерти Олега княжить в Киеве стал князь Игорь, а после него — его жена княгиня Ольга.

В словах волхва — «вдохновенного кудесника» — Пушкин, несомненно, выражает и своё собственное отношение к преследующему его «могучему владыке», царю, и декларирует независимость, правдивость подлинной поэзии: «Волхвы не боятся могучих владык, / А княжеский дар им не нужен; / Правдив и свободен их вещий язык / И с волей небесною дружен».

Песнь о вещем Олеге

Как ныне собирается вещий Олег
 Отмстить неразумным хозарам²,
 Их сёла и нивы за буйный набег
 Обрёл он мечам и пожарам;
 С дружиной своей, в цареградской броне³,
 Князь по полю едет на верном коне.

Из тёмного леса навстречу ему
 Идёт вдохновенный кудесник,
 Покорный Перуну старик одному,
 Заветов грядущего вестник,
 В мольбах и гаданьях прошедший весь век.
 И к мудрому старцу подъехал Олег.

¹ Перун — бог грома и молнии у древних славян.

² Хоздры (или хаздры) — народ, живший некогда в южнорусских степях и нападавший на Древнюю Русь.

³ Броня — одежда из металлических пластинок или колец; защищала воина от удара меча, копья.

«Песнь о вещем Олеге». Художник В. Васнецов

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землёю?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмёшь ты коня».

«Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе.

Запомни же ныне ты слово моё:
Воителю слава — отрада;
Победой прославлено имя твоё;
Твой щит на вратах Цареграда;

И волны и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.

И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,
И пращ, и стрела, и лукавый кинжал
Щадят победителя годы...
Под грозной бронёй ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могуществу дан.

Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,
То смиренный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному¹ полю.
И холод и сеча² ему ничего...
Но примешь ты смерть от коня своего».

Олег усмехнулся — однако чело
И взор омрачились думой.
В молчаньи, рукой опершись на седло,
С коня он слезает, угрюмый;
И верного друга прощальной рукой
И гладит и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время;
Теперь отдыхай! уж не ступит нога
В твоё позлащённое стремя.
Прощай, утешайся — да помни меня.
Вы, отроки-друзи³, возьмите коня,

Покройте попоной, мохнатым ковром,
В мой луг под уздцы отведите;
Купайте; кормите отборным зерном;
Водой ключевою поите».
И отроки тотчас с конем отошли,
А князю другого коня подвели.

¹ Бранное поле (или поле брани) — поле битвы.

² Сеча — сражение.

³ Отроки — здесь: молодые слуги князя.

Пирует с дружиною вещей Олег
При звоне весёлом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана...
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они...

«А где мой товарищ? — промолвил Олег, —
Скажите, где конь мой ретивый?
Здоров ли? всё так же ль лёгк его бег?
Всё тот же ль он бурный, игривый?»
И внемлет ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник
И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твоё предсказанье!
Мой конь и доныне носил бы меня».
И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видят — на холме, у берега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокой!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне¹, уже недалёкой,
Не ты под секирой² ковыль обagriшь
И жаркою кровью мой прах напоишь!

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!»
Из мёртвой главы гробовая змия
Шипя между тем выползала;

¹ *Тризна* — похоронный обряд у древних славян.

² *Секира* — боевой топорик с длинной рукоятю.

Как чёрная лента, вокруг ног обвилась,
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у брега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

Размышляем о прочитанном

1. Подготовьте развёрнутый ответ на вопросы: что поведал кудесник о жизни князя? Сравните тексты баллады и летописи. В чём вы видите разницу и что в них общего?
2. Как раскрываются отношения «могучего владыки» и «мудрого старца» в их диалоге? Что вы можете сказать о каждом из них и кто кажется вам привлекательнее? На чьей стороне автор? Аргументируйте свой ответ.
- 3★. Литературоведы считают, что словами волхва Пушкин провозгласил независимость поэзии и духовную свободу поэта от мирской власти царей... Согласны ли вы с этим суждением? Дайте развёрнутый ответ на этот вопрос.

Творческое задание

Читателю всегда интересно отношение автора к своим произведениям. Так, в письме к А. Бестужеву А. С. Пушкин пишет: «Тебе, кажется, „Олег“ не нравится; напрасно. Товарищеская любовь старого князя к своему коню и заботливость о его судьбе есть черта трогательного простодушия, да и происшествие само по себе в своей простоте имеет много поэтического».

Как бы вы оценили в собственном отзыве «Песнь о вещем Олеге» Пушкина?

Во многих случаях Пушкин обыгрывает прощание с конём драматургически (как в пьесе, в фильме), указывая на жесты, позу, поведение, состояние, настроение. Приведите примеры.

Обогащаем свою речь

1. Подумайте, с какой целью в балладе используются устаревшие слова (*тризна, чело, секира* и др.) и как можно объяснить появление

не соответствующих седой старине слов «обманчивый вал», «дивная судьба», «незримый хранитель» и пр.

2. Объясните слово «вещий». К кому в большей степени, по вашему мнению, оно относится (к князю или к кудеснику)?
3. Известно, что в черновом варианте были слова «*престарелый* кудесник», в окончательном — «*вдохновенный* кудесник». Что меняется в представлении о характере героя с заменой одного слова?
4. Большое место в балладе отводится прощанию князя с конем, воспоминаниям о нём. И здесь замечаем поиск поэтом нужного слова. В первоначальном тексте читаем: «Он по полю едет на *смирном* коне», в окончательной редакции: «Князь по полю едет на *верном* коне». Что достигается заменой слова?

Литература и другие виды искусства

1. Вы прочитали летопись и пушкинский текст «Песни о вещем Олеге». Какой из этих текстов лучше пересказать, какой — инсценировать или прочитать по ролям? Какие виды изобразительного искусства предпочтительнее для иллюстрации каждого из текстов (графика, скульптура, живопись)?
2. Рассмотрите иллюстрацию. Так ли вы представляли себе героев? Если бы вам предложили подготовить памятник литературному герою, кому бы вы его поставили — князю или кудеснику? Как бы он выглядел (из чего сделан, где поставлен)?
3. Подготовьте сценарий диафильма на основе текста «Песни о вещем Олеге».

Учимся читать выразительно

Подготовьте балладу к выразительному чтению в классе, передайте при чтении собственное отношение к событиям и героям, характерам персонажей произведения.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

А. С. Пушкин. «Песнь о вещем Олеге»

1. Как вы думаете, почему актёр, читая слова князя Олега, обращённые к кудеснику, делает акцент на княжеском даре: «В награду

любого возьмёшь ты коня...»? Что он хочет сказать этим об Олеге? Уверен ли чтец в том, что князь действительно верит в предсказания?

2. Какие черты характера кудесника подчёркивает актёр, читая монолог предсказателя? Помогает ли вам чтение актёра зримо представить образ волхва? Чем актёр дополнил ваше читательское представление об этом персонаже?
3. «Олег усмехнулся — однако чело и взор омрачились думой...» — какое сложное противоборство чувств и мыслей передал актёр в этой фразе?
4. Какие средства выразительного чтения позволяют актёру передать эмоциональное состояние князя Олега в сцене прощания с конём?
5. Почему актёр с такой силой выделяет слова: «Кудесник, ты лживый, безумный старик...»? Только ли на волхва в этот миг досадует Олег?

ПУШКИН-ДРАМАТУРГ

Известно, что ещё юношей Пушкин интересуется драматургией, театром. В драме «Борис Годунов», созданной незадолго до восстания декабристов, поэт вновь обращается к исторической теме. Он показывает царя и патриарха¹, дворянство и народ, перенося действие из центра русского государства на русско-литовскую границу, из дворца Бориса Годунова на площадь, из боярских палат в келью Пимена. «Сложными путями пришёл Пимен, — по мнению исследователя-пушкиниста Б. Городецкого, — к монашеской келье, пройдя, быть может, через опалу и гнев Грозного... Много переживший, умудрённый жизненным опытом, страданиями и думами, Пимен оказывается в состоянии возвышаться в своих суждениях до значительных обобщений. Поэтому его суровые слова о Борисе:

О страшное, невиданное горе!
Прогневали мы Бога, согрешили:
Владыкою себе цареубицу
Мы нарекли... —

воспринимаются как отзвук грозного „мнения народного“ о царе-преступнике». Необычайно выразительны и другие действующие лица драмы. Литературовед Г. Фридлендер в предисловии

¹ *Патриарх* — высшее духовное лицо, глава Русской православной церкви.

к книге «А. С. Пушкин. Драматические произведения» пишет: «Фигура Бориса Годунова — царя, который не получил престол по наследству, как потомок древнего царского рода, но завоевал его хитростью, умом и энергией, — характерна для того времени». Царь Борис — в изображении Пушкина — умный и дальновидный властитель.

Благодаря уму и энергии он оттеснил более родовитых бояр, расчистив для себя дорогу к престолу. Но, захватив престол в результате политической игры, Борис своим личным примером показал путь к нему другим политическим честолюбцам. Если один человек тёмного происхождения проложил себе путь к царскому венцу, то почему не может захватить его другой, хотя бы и простой чернец, раз он чувствует в себе достаточно сил. Такие мысли, как показывает Пушкин на примере Григория, не могут не возникнуть...

Сложен у Пушкина и образ Самозванца. Это пылкий юноша, который рвётся из ненавистных ему стен обители и которого страстно влечёт неизвестный ему большой мир. Григорий — не знатный дворянин, а простой чернец — в дальнейшем обнаруживает смелость, ум, дипломатические способности, которые в глухом монастыре никогда не смогли бы раскрыться и проявиться с такой силой. Однако он принуждён играть чужую роль, притворяться.

Народ с его высоким нравственным сознанием равно осуждает и Бориса, и Самозванца, для которых дорога к власти лежит через насилие и преступление.

Оконченный в 1825 году «Борис Годунов» был напечатан лишь в 1830 году.

Итак, обратим внимание на то, как создавался «Борис Годунов», подумаем, почему царь долго не давал разрешения на публикацию этого произведения. Прочитаем сцену из «Бориса Годунова», представим себе её героев, подумаем, как автор относится к ним.

Борис Годунов

(Отрывок)

Ночь. Келья в Чудовом монастыре
(1603 года)

Отец Пимен, Григорий спящий.

Пимен

(пишет перед лампадой)

Ещё одно, последнее сказанье —
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от Бога
Мне, грешному. Недаром многих лет
Свидетелем Господь меня поставил
И книжному искусству вразумил;
Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдёт мой труд усердный, безымянный,
Засветит он, как я, свою лампаду —
И, пыль веков от хартий¹ отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет,
Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро —
А за грехи, за тёмные деянья
Спасителя смиренно умоляют.
На старости я сызнова живу,
Минувшее проходит предо мною —
Давно ль оно неслось событий полно,
Волнуясь, как море-окиян?
Теперь оно безмолвно и спокойно,
Немного лиц мне память сохранила,
Немного слов доходят до меня,
А прочее погребло невозвратно...
Но близок день, лампада догорает —
Ещё одно, последнее сказанье.

(Пишет.)

¹ Хартия — старинная рукопись, документ.

«Борис Годунов». Гравюра С. Галактионова

Григорий
(пробуждается)

Всё тот же сон! возможно ль? в третий раз!
Проклятый сон!.. А все перед лампадой
Старик сидит да пишет — и дремотой
Знать во всю ночь он не смыкал очей.
Как я люблю его спокойный вид,
Когда, душой в минувшем погружённый,
Он летопись свою ведёт; и часто
Я угадать хотел, о чём он пишет?
О тёмном ли владычестве татар?
О казнях ли свирепых Иоанна?
О бурном ли новгородском вече¹?
О славе ли отечества? напрасно.
Ни на челе высоком, ни во взорах
Нельзя прочесть его сокрытых дум;

¹ Вече — в Древней Руси собрание горожан.

Всё тот же вид смиренный, величавый.
Так точно дьяк¹, в приказах² поседельй,
Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева.

П и м е н

Проснулся, брат?

Г р и г о р и й

Благослови меня,
Честный отец.

П и м е н

Благослови Господь
Тебя и днесь, и присно, и вовеки.

Г р и г о р и й

Ты всё писал и сном не позабылся,
А мой покой бесовское мечтанье
Тревожило, и враг меня мутил.
Мне снилось, что лестница крутая
Меня вела на башню; с высоты
Мне виделась Москва, что муравейник;
Внизу народ на площади кипел
И на меня указывал со смехом,
И стыдно мне и страшно становилось —
И, падая стремглав, я пробуждался...
И три раза мне снился тот же сон.
Не чудно ли?

П и м е н

Младая кровь играет;
Смиряй себя молитвой и постом³,
И сны твои видений лёгких будут

¹ Дьяк — в Древней Руси должностное лицо, ведущее дела какого-нибудь учреждения.

² Приказ — в Московском государстве XVI—XVII веков учреждение.

³ Пост — по церковному обычаю, предписанию, отказ от мясной и молочной пищи.

Исполнены. Доныне — если я,
Невольною дремотой обессилен,
Не сотворю молитвы долгой к ночи —
Мой старый сон не тих и не безгрешен,
Мне чудятся то шумные пиры,
То ратный стан, то схватки боевые,
Безумные потехи юных лет!

Григорий

Как весело провёл свою ты младость!
Ты воевал под башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйском отражал,
Ты видел двор и роскошь Иоанна!
Счастлив! а я от отроческих лет
По келиям скитаюсь, бедный инок!
Зачем и мне не тешиться в боях,
Не пировать за царскою трапезой?
Успел бы я, как ты, на старость лет
От суеты, от мира отложиться,
Произнести монашества обет
И в тихую обитель затвориться.

Пимен

Не сетуй, брат, что рано грешный свет
Покинул ты, что мало искушений
Послал тебе Всевышний. Верь ты мне:
Нас издали пленяет слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жил и многим наслаждался;
Но с той поры лишь ведаю блаженство,
Как в монастырь Господь меня привел.
Подумай, сын, ты о царях великих.
Кто выше их? Единный Бог. Кто смеет
Противу их? Никто. А что же? Часто
Златый венец тяжёл им становился:
Они его меняли на кlobук.
Царь Иоанн искал успокоенья
В подобии монашеских трудов.
Его дворец, любимцев гордых полный,
Монастыря вид новый принимал:

Кромешники в тафьях и власяницах¹
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь игуменом² смиренным.
Я видел здесь — вот в этой самой келье
(В ней жил тогда Кирилл многострадальный,
Муж праведный. Тогда уж и меня
Сподобил Бог уразуметь ничтожность
Мирских сует), здесь видел я царя,
Усталого от гневных дум и казней.
Задумчив, тих сидел меж нами Грозный,
Мы перед ним недвижимо стояли,
И тихо он беседу с нами вёл.
Он говорил игумену и братьи:
«Отцы мои, желанный день придёт,
Предстану здесь алкающий³ спасенья.
Ты, Никодим, ты, Сергей, ты, Кирилл,
Вы все — обет⁴ примите мой духовный:
Прииду к вам, преступник окаянный,
И схиму⁵ здесь честную восприму,
К стопам твоим, святой отец, припадши».
Так говорил державный государь,
И сладко речь из уст его лилася,
И плакал он. А мы в слезах молились,
Да ниспошлёт Господь любовь и мир
Его душе страдающей и бурной.
А сын его Феодор? На престоле
Он вздыхал о мирном житии
Молчальника. Он царские чертоги
Преобратил в молитвенную келью;
Там тяжкие, державные печали
Святой души его не возмущали.
Бог возлюбил смирение царя,
И Русь при нём во славе безмятежной
Утешилась — а в час его кончины

¹ *Кромешники в тафьях и власяницах* — опричники (по народным понятиям грешники, чьи души после смерти будут помещены в ад) в ермолках (тюбетейках) и грубой шерстяной одежде, носимой на голом теле.

² *Игумен* — настоятель монастыря.

³ *Алкающий, алкать* — сильно желать.

⁴ *Обет* — торжественное обещание, обязательство.

⁵ *Схима* — монашеский чин, налагающий самые строгие правила.

Свершилося неслыханное чудо:
К его одру, царю едину зримый,
Явился муж необычайно светел,
И начал с ним беседовать Феодор
И называть великим патриархом.
И все кругом объаты были страхом,
Уразумев небесное виденье,
Зане¹ святой владыка пред царём
Во храмине тогда не находился.
Когда же он преставился, палаты
Исполнились святым благоуханьем,
И лик его как солнце просиял —
Уж не видать такого нам царя.
О страшное, невиданное горе!
Прогневали мы Бога, согрешили:
Владыкою себе цареубийцу
Мы нарекли.

Григорий

Давно, честный отец,
Хотелось мне тебя спросить о смерти
Димитрия царевича; в то время
Ты, говорят, был в Угличе.

Пимен

Ох, помню!
Привёл меня Бог видеть злое дело,
Кровавый грех. Тогда я в дальний Углич
На некое был послан послушанье;
Пришёл я в ночь. Наутро в час обедни
Вдруг слышу звон, ударили в набат,
Крик, шум. Бегут на двор царицы. Я
Спешу туда ж — а там уже весь город.
Гляжу: лежит зарезанный царевич;
Царица-мать в беспамятстве над ним,
Кормилица в отчаянье рыдает,
А тут народ, остервенясь, волочит
Безбожную предательницу-мамку...

¹ Зане — потому что, так как.

Вдруг между их, свиреп, от злости бледен
Является Иуда Битяговский.
«Вот, вот злодей!» — раздался общий вопль.
И миг его не стало. Тут народ
Вслед бросился бежавшим трём убийцам;
Укрывшихся злодеев захватили
И привели пред тёплый труп младенца,
И чудо — вдруг мертвец затрепетал.
«Покайтесь!» — народ им завопил:
И в ужасе под топором злодеи
Покаялись — и назвали Бориса.

Григорий

Каких был лет царевич убиенный?

Пимен

Да лет семи; ему бы ныне было —
(Тому прошло уж десять лет... нет, больше:
Двенадцать лет) — он был бы твой ровесник
И царствовал; но Бог судил иное.

Сей повестью плачевной заключу
Я летопись мою; с тех пор я мало
Вникал в дела мирские. Брат Григорий,
Ты грамотой свой разум просветил,
Тебе свой труд передаю. В часы,
Свободные от подвигов духовных,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Всё то, чему свидетель в жизни будешь:
Войну и мир, управу государей,
Угодников святые чудеса,
Пророчества и знаменья небесны —
А мне пора, пора уж отдохнуть
И погасить лампаду... Но звонят
К заутрене... благослови, Господь,
Своих рабов... подай костыль, Григорий.

(Уходит.)

Григорий

Борис, Борис! Всё пред тобой трепещет,
Никто тебе не смеет и напомнить

О жребии несчастного младенца, —
А между тем отшельник в тёмной келье
Здесь на тебя донос ужасный пишет:
И не уйдёшь ты от суда мирского,
Как не уйдёшь от Божьего суда.

Размышляем о прочитанном

- 1★. Пушкин подчёркивает: «Характер Пимена не есть моё изобретение. В нём собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях: простодушие, умильная кротость, нечто младенческое и вместе с тем мудрое, усердие, можно сказать набожное к власти царя, данной ему Богом, совершенное отсутствие суетности, пристрастия — дышат в сих драгоценных памятниках времён давно минувших... Мне казалось, что сей характер всё вместе — нов и знаком для русского сердца». Как проявились характеры Пимена и Григория (Самозванца) в сцене «Келья в Чудовом монастыре»?
2. Что вспоминает о Грозном Пимен? Как называет себя сам царь? Кого противопоставляет Грозному рассказчик?

Творческое задание

(опыт литературоведческого исследования)

Сравните два варианта описания:

Начальный вариант текста

Как я люблю его смиренный лик,
И тихий взор, и важное смиренье
(И важный взор, и тихое смиренье,
И ясный взор и хладное терпенье).

Окончательный вариант текста

Как я люблю его спокойный вид,
Когда, душой в минувшем погружённый,
Он летопись свою ведёт...

Подумайте, что хотел усилить, уточнить поэт в окончательной редакции.

Почему эпитетам «смиренный», «тихий», «ясный» автор предпочел слова «спокойный вид»?

Что изменилось, когда автор заменил фразу «Ещё одно ужасное преданье...» на «последнее сказанье», начав и закончив этими словами монолог Пимена?

Обогащаем свою речь

1. Подготовьтесь к инсценированному чтению этого небольшого отрывка. Подумайте, какие интонации требуются для каждого из героев. Найдите в конце учебника рассказ о том, как читал Пушкин «Бориса Годунова».
2. Составьте небольшой словарь слов и словосочетаний, характерных для речи Пимена, например: «Воздыхал о мирном житии», «Бог возлюбил смирение», «обет» и пр.

Творческое задание

Подготовьте небольшой очерк в школьную газету «Произведения А. С. Пушкина и иллюстрации к ним в учебнике для 7 класса».

Литература и изобразительное искусство

К драме «Борис Годунов» создано много иллюстраций. Среди авторов — известные русские художники В. И. Суриков, В. А. Фаворский, В. Г. Перов и др. Рассмотрите рисунки к прочитанной вами в классе сцене. Так ли вы представляли себе героев и келью? Кто из художников, по вашему мнению, точнее передал замысел А. С. Пушкина?

Сцена «В келье Пимена» особенно интересно представлена художником С. Галактионовым. Эта иллюстрация появилась в 1827 году, с первой публикацией «Бориса Годунова». По свидетельству искусствоведов, она передает величие духа летописца, значительность совершаемого им под сводами кельи. Согласны ли вы с этим суждением? Обоснуйте свой ответ.

О «ПОВЕСТЯХ ПОКОЙНОГО ИВАНА ПЕТРОВИЧА БЕЛКИНА»

Из пояснительных статей литературоведа А. Л. Слонимского

...Русская повествовательная проза 20-х годов XIX века была малочисленной, бедной и слабой. Были повести этнографического содержания — например, из украинской жизни. Были повести из купеческого быта. Были повести и романы исторические, написанные, впрочем, весьма условно. Были первые опыты романтической повести, наполненной картинами неистовых страстей

и необыкновенных событий. Но не было повестей, в которых русская жизнь отражалась бы в её существенных, типических чертах. Этот пробел и был восполнен Пушкиным в «Повестях Белкина», которые явились первым образцом настоящей реалистической прозы...

...В пяти болдинских повестях Пушкин являлся в роли бытописателя, изображающего современную ему жизнь обыкновенных людей, и у него возникло опасение, что издание повестей подобного содержания будет истолковано критикой как падение его таланта. Поэтому он и решил печатать их анонимно, приписав авторство выдуманному лицу — некоему Белкину. Повести вышли в свет в 1831 году под заглавием «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П.».

Главная черта пушкинской прозы вообще и «Повестей Белкина» в частности — это сжатость и простота изложения, из которого не выкинешь ни единого слова, потому что каждое слово на месте и необходимо. Пушкин избегает всяких пространностей, ненужных украшений. Его проза — точная, краткая, мужественная, «голая», как однажды выразился Лев Толстой. Всякая мелочь характерна — ведёт к чему-то, связана со всем прочим.

Пушкин никогда не вдаётся в подробное объяснение поступков своих героев. Но он всегда угадывает своим гениальным художественным чутьем, как должен поступить такой-то человек в силу своих социальных навыков и других причин, и угадывает безошибочно, так что мы без всяких толкований сразу чувствуем правду, видим живых людей со всеми их противоречиями.

В «Станционном смотрителе» особенно ярко выразился присущий Пушкину дух гуманности.

О «Повестях Белкина» можно сказать, как и обо всей пушкинской поэзии в целом, что они пробуждали в народе уважение к человеческой личности и содействовали этим общественному прогрессу.

Творческое задание

Прочитайте повесть А. С. Пушкина «Станционный смотритель». Подтверждаются ли наблюдения А. Л. Слонимского вашими личными впечатлениями от повести, её языка, размышлениями о поступках героев?

Станционный смотритель

Коллежский регистратор,
Почтовой станции диктатор.
*Князь Вяземский*¹

Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался? Кто, в минуту гнева, не требовал от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснение, грубость и неисправность? Кто не почитает их извергами человеческого рода, равными покойным подьячим² или, по крайней мере, муромским разбойникам? Будем однако справедливы, постараемся войти в их положение и, может быть, станем судить о них гораздо снисходительнее. Что такое станционный смотритель? Суший мученик четырнадцатого класса, ограждённый своим чином токмо от побоев³, и то не всегда (ссылаюсь на совесть моих читателей). Какова должность сего диктатора, как называет его шутливо князь Вяземский? Не настоящая ли каторга? Покою ни днем, ни ночью. Всю досаду, накопленную во время скучной езды, путешественник вымещает на смотрителе. Погода несносная, дорога скверная, ямщик упрямый, лошади не везут — а виноват смотритель. Входя в бедное его жилище, проезжающий смотрит на него как на врага; хорошо, если удастся ему скоро избавиться от непрощеного гостя; но если не случится лошадей?.. Боже! какие ругательства, какие угрозы посыплются на его голову! В дождь и слякоть принуждён он бегать по дворам;

¹ Эпиграф — слова из стихотворения П. А. Вяземского «Станция». У Вяземского:

Когда губернский регистратор,
Почтовой станции диктатор.

Первый стих Пушкин, видимо, умышленно видоизменил. Станционные смотрители пользовались чином 14-го класса по названию «коллежский регистратор», а чина «губернский регистратор» в Табели о рангах не было.

² ...равными покойным подьячим. — Подьячий — младший чиновник в допетровской Руси, писец и делопроизводитель. Для пушкинских времён подьячий — нечто давно исчезнувшее, отсюда эпитет — покойный.

³ Суший мученик четырнадцатого класса, ограждённый своим чином токмо от побоев. — По правилам 1808 года «путешествующим строго запрещается чинить станционным смотрителям притеснения и оскорбления...». Станционные смотрители, хоть и не имеют классных чинов, находясь на своих местах, «пользуются по высочайшей воле 14-м классом».

в бурю, в крещенский мороз уходит он в сени, чтоб только на минуту отдохнуть от крика и толчков раздражённого постояльца. Приезжает генерал, дрожащий смотритель отдаёт ему две последние тройки, в том числе курьерскую. Генерал едет, не сказав ему спасибо. Чрез пять минут — колокольчик!.. и фельдъегерь¹ бросает ему на стол свою дорожную²!.. Вникнем во всё это хорошенько, и вместо негодования сердце наше исполнится искренним состраданием. Ещё несколько слов: в течение двадцати лет сряду изъездил я Россию по всем направлениям; почти все почтовые тракты мне известны; несколько поколений ямщиков мне знакомы; редкого смотрителя не знаю я в лицо, с редким не имел я дела; любопытный запас путевых моих наблюдений надеюсь издать в непродолжительном времени; покамест скажу только, что сословие станционных смотрителей представлено общему мнению в самом ложном виде. Сии столь оклеветанные смотрители вообще суть люди мирные, от природы услужливые, склонные к общежитию, скромные в притязаниях на почести и не слишком сребролюбивые. Из их разговоров (коиими некстати пренебрегают господа проезжающие) можно почерпнуть много любопытного и поучительного. Что касается до меня, то, признаюсь, я предпочитаю их беседу речам какого-нибудь чиновника 6-го класса³, следующего по казённой надобности.

Легко можно догадаться, что есть у меня приятели из почтенного сословия смотрителей. В самом деле, память одного из них мне драгоценна. Обстоятельства некогда сблизили нас, и об нём-то намерен я теперь побеседовать с любезными читателями.

В 1816 году, в мае месяце, случилось мне проезжать через ***скую губернию, по тракту, ныне уничтоженному. Находился я в мелком чине, ехал на перекладных и платил прогоны за две лошади⁴. Вследствие сего смотри-

¹ *Фельдъегерь* — правительственный курьер.

² *Дорожная* — бумага на право проезда.

³ *Чиновник 6-го класса* — коллежский советник, соответствующий военному чину полковника.

⁴ *Платил прогоны за две лошади* — дорожные, дававшие право на получение лошадей по установленному тарифу, выдавались на определённое число лошадей, в зависимости от чина. Сверх этого числа лошади нанимались

тели со мною не церемонились, и часто бирал я с бою то, что, во мнении моём, следовало мне по праву. Будучи молод и вспыльчив, я негодовал на низость и малодушие зрителя, когда сей последний отдавал приготовленную мне тройку под коляску чиновного барина. Столь же долго не мог я привыкнуть и к тому, чтоб разборчивый холоп обносил меня блюдом на губернаторском обеде. Ныне то и другое кажется мне в порядке вещей. В самом деле, что было бы с нами, если бы вместо общеудобного правила: *чин чина почитай* — ввелось в употребление другое, например: *ум ума почитай?* Какие возникли бы споры! и слуги с кого бы начинали кушанье подавать? Но обращаюсь к моей повести.

День был жаркий. В трёх верстах от станции *** стало накрапывать, и через минуту проливной дождь вымочил меня до последней нитки. По приезде на станцию, первая забота была поскорее переодеться, вторая — спросить себе чаю. «Эй, Дуня! — закричал смотритель, — поставь самовар да сходи за сливками». При сих словах вышла из-за перегородки девочка лет четырнадцати и побежала в сени. Красота её меня поразила. «Это твоя дочка?» — спросил я смотрителя. «Дочка-с, — отвечал он с видом довольного самолюбия; — да такая разумная, такая проворная, вся в покойницу мать». Тут он принялся переписывать мою подорожную, а я занялся рассмотрением картинок, украшавших его смиренную, но опрятную обитель. Они изображали историю блудного сына¹. В первой почтенный старик в колпаке и шляфорке отпускает беспокойного юношу, который поспешно принимает его благословение и мешок с деньгами. В другой яркими чертами изображено развратное поведение молодого человека: он сидит за столом, окружённый ложными друзьями и бесстыдными женщинами. Далее, промотавшийся юноша, в рубище и в треугольной шляпе, пасёт свиней и разделяет с ними трапезу; в его лице изображены глубокая печаль и раскаяние. Наконец представлено

в частном порядке. По две лошади полагалось «нижним чинам и служителям». Ехать на перекладных значило ехать в казённом экипаже, пересаживаясь на каждой станции.

¹ *История блудного сына* — евангельская притча о юноше, который вёл разгульную (блудную) жизнь, впал в нищету и, раскаявшись, вернулся домой.

возвращение его к отцу; добрый старик в том же колпаке и шлафорке выбегает к нему навстречу: блудный сын стоит на коленях; в перспективе повар убивает упитанного тельца, и старший брат вопрошает слуг о причине таковой радости. Под каждой картинкой прочёл я приличные немецкие стихи. Всё это доньше сохранилось в моей памяти, так же как и горшки с бальзамином, и кровать с пёстрой занавескою, и прочие предметы, меня в то время окружавшие. Вижу, как теперь, самого хозяина, человека лет пятидесяти, свежего и бодрого, и его длинный зелёный сертук с тремя медалями на полинялых лентах.

Не успел я расплатиться со старым моим ямщиком, как Дуня возвратилась с самоваром. Маленькая кокетка со второго взгляда заметила впечатление, произведённое ею на меня; она потушила большие голубые глаза; я стал с нею разговаривать, она отвечала мне безо всякой робости, как девушка, видевшая свет. Я предложил отцу её стакан пуншу; Дуне подал я чашку чаю, и мы втроём начали беседовать, как будто век были знакомы.

Лошади были давно готовы, а мне всё не хотелось расстаться с смотрителем и его дочкой. Наконец я с ними простился; отец пожелал мне доброго пути, а дочь проводила до телеги. В сенях я остановился и просил у ней позволения её поцеловать; Дуня согласилась... Много могу я насчитать поцелуев,

С тех пор, как этим занимаюсь, но ни один не оставил во мне столь долгого, столь приятного воспоминания.

Прошло несколько лет, и обстоятельства привели меня на тот самый тракт, в те самые места. Я вспомнил дочь старого смотрителя и обрадовался при мысли, что увижу её снова. Но, подумал я, старый смотритель, может быть, уже сменён; вероятно, Дуня уже замужем. Мысль о смерти того или другого также мелькнула в уме моём, и я приближался к станции *** с печальным предчувствием.

Лошади стали у почтового домика. Вошед в комнату, я тотчас узнал картинки, изображающие историю блудного сына; стол и кровать стояли на прежних местах;

но на окнах уже не было цветов, и всё кругом показывало ветхость и небрежение. Смотритель спал под тулупом; мой приезд разбудил его; он привстал... Это был точно Самсон Вырин; но как он постарел! Покамест собирался он переписать мою подорожную, я смотрел на его седину, на глубокие морщины давно небритого лица, на сгорбленную спину — и не мог надивиться, как три или четыре года могли превратить бодрого мужчину в хилого старика. «Узнал ли ты меня? — спросил я его; — мы с тобою старые знакомые». — «Может статься, — отвечал он угрюмо; — здесь дорога большая; много проезжих у меня перебывало». — «Здорова ли твоя Дуня?» — продолжал я. Старик нахмурился. «А Бог её знает», — отвечал он. «Так видно она замужем?» — сказал я. Старик притворился, будто бы не слышал моего вопроса, и продолжал пошептом читать мою подорожную. Я прекратил свои вопросы и велел поставить чайник. Любопытство начинало меня беспокоить, и я надеялся, что пунш развяжет язык моего старого знакомца.

Я не ошибся: старик не отказался от предлагаемого стакана. Я заметил, что ром прояснил его угрюмость. На втором стакане сделался он разговорчив; вспомнил или показал вид, будто бы вспомнил меня, и я узнал от него повесть, которая в то время сильно меня заняла и тронула.

«Так вы знали мою Дуню? — начал он. — Кто же и не знал её? Ах, Дуня, Дуня! Что за девка-то была! Бывало, кто ни проедет, всякий похвалит, никто не осудит. Барыни дарили её, та платочком, та серёжками. Господа проезжие нарочно останавливались, будто бы пообедать, аль отужинать, а в самом деле только чтоб на неё подолее поглядеть. Бывало, барин, какой бы сердитый ни был, при ней утихает и милостиво со мною разговаривает. Поверите ль, сударь: курьеры, фельдъегеря с нею по получасу заговаривались. Ею дом держался: что прибрать, что приготовить, за всем успевала. А я-то, старый дурак, не наглажусь, бывало, не нарадуюсь; уж я ли не любил моей Дуни, я ль не лелеял моего дитяти; уж ей ли не было житье? Да нет, от беды не отбожишься; что суждено, тому не миновать». Тут он стал подробно рассказывать мне

своё горе. — Три года тому назад, однажды, в зимний вечер, когда смотритель разлиневывал новую книгу, а дочь его за перегородкой шила себе платье, тройка подъехала, и проезжий в черкесской шапке, в военной шинели, окутанный шалью, вошёл в комнату, требуя лошадей. Лошади все были в разгоне. При сём известии путешественник возвысил было голос и нагайку; но Дуня, привыкшая к таковым сценам, выбежала из-за перегородки и ласково обратилась к проезжему с вопросом: не угодно ли будет ему чего-нибудь покушать? Появление Дуни произвело обыкновенное своё действие. Гнев проезжего прошёл; он согласился ждать лошадей и заказал себе ужин. Сняв мокрую, косматую шапку, отпутав шаль и сдёрнув шинель, проезжий явился молодым, стройным гусаром с чёрными усиками. Он расположился у смотрителя, начал весело разговаривать с ним и с его дочерью. Подали ужинать. Между тем лошади пришли, и смотритель приказал, чтоб тотчас, не кормя, запрягали их в кибитку проезжего; но, возвратясь, нашёл он молодого человека почти без памяти лежащего на лавке: ему сделалось дурно, голова разболелась, невозможно было ехать... Как быть! смотритель уступил ему свою кровать, и положено было, если больному не будет легче, на другой день утром послать в С*** за лекарем.

На другой день гусару стало хуже. Человек его поехал верхом в город за лекарем. Дуня обвязала ему голову платком, намоченным уксусом, и села с своим шитьем у его кровати. Больной при смотрителе охал и не говорил почти ни слова, однако ж выпил две чашки кофе и охая заказал себе обед. Дуня от него не отходила. Он поминутно просил пить, и Дуня подносила ему кружку ею заготовленного лимонада. Больной обмакивал губы и всякий раз, возвращая кружку, в знак благодарности слабою своею рукою пожимал Дунюшкину руку. К обеду приехал лекарь. Он пощупал пульс больного, поговорил с ним по-немецки, и по-русски объявил, что ему нужно одно спокойствие и что дни через два ему можно будет отправиться в дорогу. Гусар вручил ему двадцать пять рублей за визит, пригласил его отобедать; лекарь согласился; оба ели с большим аппетитом, выпили бутылку вина и расстались очень довольны друг другом.

«Станционный смотритель». Художник М. Добужинский

Прошёл ещё день, и гусар совсем оправился. Он был чрезвычайно весел, без умолку шутил то с Дуней, то с смотрителем; насвистывал песни, разговаривал с проезжими, вписывал их подорожные в почтовую книгу, и так полюбился доброму смотрителю, что на третье утро жаль было ему расстаться с любезным своим постояльцем. День был воскресный; Дуня собиралась к обедне. Гусару подали кибитку. Он простился с смотрителем, щедро наградив его за постой и угощение; простился и с Дуней и вызвался довести её до церкви, которая находилась на краю деревни. Дуня стояла в недоумении... «Чего же ты боишься? — сказал ей отец, — ведь его высокоблагородие не волк и тебя не съест: прокатись-ка до церкви». Дуня села в кибитку подле гусара, слуга вскочил на облучок, ямщик свистнул, и лошади поскакали.

Бедный смотритель не понимал, каким образом мог он сам позволить своей Дуне ехать вместе с гусаром, как нашло на него ослепление, и что тогда было с его разу-

мом. Не прошло и получаса, как сердце его начало ныть, ныть, и беспокойство овладело им до такой степени, что он не утерпел и пошёл сам к обедне. Подходя к церкви, увидел он, что народ уже расходился, но Дуни не было ни в ограде, ни на паперти. Он поспешно вошёл в церковь: священник выходил из алтаря; дьячок гасил свечи, две старушки молились ещё в углу; но Дуни в церкви не было. Бедный отец насилу решился спросить у дьячка, была ли она у обедни. Дьячок отвечал, что не бывала. Смотритель пошёл домой ни жив ни мёртв. Одна оставалась ему надежда: Дуня по ветрености молодых лет вздумала, может быть, прокатиться до следующей станции, где жила её крестная мать. В мучительном волнении ожидал он возвращения тройки, на которой он отпустил её. Ямщик не возвращался. Наконец к вечеру приехал он один и хмельён, с убийственным известием: «Дуня с той станции отправилась далее с гусаром».

Старик не снёс своего несчастья; он тут же слёг в ту самую постель, где накануне лежал молодой обманщик. Теперь смотритель, соображая все обстоятельства, догадывался, что болезнь была притворная. Бедняк занемог сильной горячкою; его свезли в С*** и на его место определили на время другого. Тот же лекарь, который приезжал к гусару, лечил и его. Он уверил смотрителя, что молодой человек был совсем здоров и что тогда ещё догадывался он о его злобном намерении, но молчал, опасаясь его нагайки. Правду ли говорил немец или только желал похвастаться дальновидностью, но он нимало тем не утешил бедного больного. Едва оправаясь от болезни, смотритель выпросил у С*** почтмейстера отпуск на два месяца и, не сказав никому ни слова о своём намерении, пешком отправился за своею дочерью. Из подорожной знал он, что ротмистр Минский ехал из Смоленска в Петербург. Ямщик, который вез его, сказывал, что во всю дорогу Дуня плакала, хотя, казалось, ехала по своей охоте. «Авось, — думал смотритель, — приведу я домой заблудшую овечку мою». С этой мыслию прибыл он в Петербург, остановился в Измайловском полку¹, в доме

¹ *Измайловский полк* — район в Петербурге, где расположены были казармы гвардейского Измайловского полка.

«Станционный смотритель». Художник М. Добужинский

отставного унтер-офицера, своего старого сослуживца, и начал свои поиски. Вскоре узнал он, что ротмистр Минский в Петербурге и живёт в Демутовом трактире¹. Смотритель решился к нему явиться.

Рано утром пришёл он в его переднюю и просил доложить его высокоблагородию, что старый солдат просит с ним увидеться. Военный лакей, чистя сапог на колодке, объявил, что барин почивает и что прежде одиннадцати часов не принимает никого. Смотритель ушёл и возвратился в назначенное время. Минский вышел сам к нему в халате, в красной скуфье². «Что, брат, тебе надобно?» — спросил он его. Сердце старика закипело, слёзы навернулись на глаза, и он дрожащим голосом произнёс только: «Ваше высокоблагородие!.. сделайте такую божескую милость!..» Минский взглянул на него быстро, вспыхнул, взял его за руку, повёл в кабинет и запер за собою дверь. «Ваше высокоблагородие! — продолжал старик, — что с возу упало, то пропало; отдайте мне, по крайней мере, бедную мою Дуню. Ведь вы натешились ею; не погуби-

¹ Демутов трактир — гостиница в Петербурге, близ Невского проспекта.

² Скуфья — круглая шапочка.

те ж её понапрасну». — «Что сделано, того не воротишь, — сказал молодой человек в крайнем замешательстве; — виноват перед тобою и рад просить у тебя прощения; но не думай, чтоб я Дуню мог покинуть: она будет счастлива, даю тебе честное слово. Зачем тебе её? Она меня любит; она отвыкла от прежнего своего состояния. Ни ты, ни она — вы не забудете того, что случилось». Потом, сунув ему что-то за рукав, он отворил дверь, и смотритель, сам не помня как, очутился на улице.

Долго стоял он неподвижно, наконец увидел за обшлагом своего рукава свёрток бумаг; он вынул их и развернул несколько пяти и десятирублевых смятых ассигнаций¹. Слезы опять навернулись на глазах его, слёзы негодования! Он сжал бумажки в комок, бросил их наземь, притоптал каблуком и пошёл... Отошед несколько шагов, он остановился, подумал... и воротился... но ассигнаций уже не было. Хорошо одетый молодой человек, увидя его, подбежал к извозчику, сел поспешно и закричал: «Пошёл!..» Смотритель за ним не погнался. Он решился отправиться домой на свою станцию, но прежде хотел хоть ещё раз увидеть бедную свою Дуню. Для сего дни через два воротился он к Минскому; но военный лакей сказал ему сурово, что барин никого не принимает, грудью вытеснил его из передней и хлопнул двери ему под нос. Смотритель постоял, постоял — да и пошёл.

В этот самый день, вечером, шёл он по Литейной, отслужив молебен у Всех Скорбящих. Вдруг промчались перед ним щегольские дрожки, и смотритель узнал Минского. Дрожки остановились перед трехэтажным домом, у самого подъезда, и гусар вбежал на крыльцо. Счастливая мысль мелькнула в голове смотрителя. Он воротился и, поравнявшись с кучером: «Чья, брат, лошадь? — спросил он, — не Минского ли?» — «Точно так, — отвечал кучер, — а что тебе?» — «Да вот что: барин твой приказал мне отнести к его Дуне записочку, а я и позабудь, где Дуня-то его живёт». — «Да вот здесь, во втором этаже. Опоздал ты, брат, с твоей запиской; теперь уж он сам у неё». — «Нужды нет, — возразил смотритель с неизъяснимым дви-

¹ Ассигнация — бумажные деньги.

жением сердца, — спасибо, что надоумил, а я своё дело сделаю». И с этим словом пошёл он по лестнице.

Двери были заперты; он позвонил, прошло несколько секунд в тягостном для него ожидании. Ключ загремел, ему отворили. «Здесь стоит Авдотья Самсоновна?» — спросил он. «Здесь, — отвечала молодая служанка; — зачем тебе её надобно?» Смотритель, не отвечая, вошёл в залу. «Нельзя, нельзя! — закричала вслед ему служанка, — у Авдотьи Самсоновны гости». Но смотритель, не слушая, шёл далее. Две первые комнаты были темны, в третьей был огонь. Он подошёл к растворённой двери и остановился. В комнате, прекрасно убранной, Минский сидел в задумчивости. Дуня, одетая со всею роскошью моды, сидела на ручке его кресел, как наездница на своём английском седле. Она с нежностью смотрела на Минского, наматывая чёрные его кудри на свои сверкающие пальцы. Бедный смотритель! Никогда дочь его не казалась ему столь прекрасною; он поневоле ею любовался. «Кто там?» — спросила она, не подымая головы. Он всё молчал. Не получая ответа, Дуня подняла голову... и с криком упала на ковер. Испуганный Минский кинулся её подымать и, вдруг увидя в дверях старого смотрителя, оставил Дуню и подошёл к нему, дрожа от гнева. «Чего тебе надобно? — сказал он ему, стиснув зубы, — что ты за мною всюду крадёшься, как разбойник? или хочешь меня зарезать? Пошёл вон!» — и, сильной рукою схватив старика за ворот, вытолкнул его на лестницу.

Старик пришёл к себе на квартиру. Приятель его советовал ему жаловаться; но смотритель подумал, махнул рукою и решился отступить. Через два дни отправился он из Петербурга обратно на свою станцию и опять принялся за свою должность. «Вот уже третий год, — заключил он, — как живу я без Дуни и как об ней нет ни слуху ни духу. Жива ли, нет ли, Бог её ведаёт. Всяко случается. Не её первую, не её последнюю сманил проезжий повеса, а там подержал да и бросил. Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе да бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу вместе с голью кабацкою. Как подумаешь порою, что и Дуня, может быть, тут же пропадает, так поневоле согрешишь, да пожелаешь ей могилы...»

Таков был рассказ приятеля моего, старого смотрителя, рассказ, неоднократно прерываемый слезами, которые живописно отирал он своею полою, как усердный Терентьич в прекрасной балладе Дмитриева¹. Слезы сии отчасти возбуждаемы были пуншем, коего вытянул он пять стаканов в продолжение своего повествования; но как бы то ни было, они сильно тронули моё сердце. С ним расставшись, долго не мог я забыть старого смотрителя, долго думал я о бедной Дуне...

Недавно ещё, проезжая через местечко***, вспомнил я о моём приятеле; я узнал, что станция, над которой он начальствовал, уже уничтожена. На вопрос мой: «Жив ли старый смотритель?» — никто не мог дать мне удовлетворительного ответа. Я решился посетить знакомую сторону, взял вольных лошадей и пустился в село Н.

Это случилось осенью. Серенькие тучи покрывали небо: холодный ветер дул с пожатых полей, унося красные и желтые листья со встречных деревьев. Я приехал в село при закате солнца и остановился у почтового домика. В сени (где некогда поцеловала меня бедная Дуня) вышла толстая баба и на вопросы мои отвечала, что старый смотритель с год как помер, что в доме его поселился пивовар, а что она жена пивоварова. Мне стало жаль моей напрасной поездки и семи рублей, издержанных даром. «Отчего ж он умер?» — спросил я пивоварову жену. «Спился, батюшка», — отвечала она. «А где его похоронили?» — «За околицей, подле покойной хозяйки его». — «Нельзя ли довести меня до его могилы?» — «Почему же нельзя. Эй, Ванька! Полно тебе с кошкою возиться. Проводи-ка барина на кладбище да укажи ему смотрителю могилу». При сих словах оборванный мальчик, рыжий и кривой, выбежал ко мне и тотчас повёл меня за околицу.

— Знал ты покойника? — спросил я его дорогой.

— Как не знать! Он выучил меня дудочки вырезывать. Бывало (царство ему небесное!), идёт из кабака, а мы-то за ним: «Дедушка, дедушка! орешков!» — а он нас орешками и наделяет. Всё, бывало, с нами возится.

¹ ...как усердный Терентьич в прекрасной балладе Дмитриева. — Имеется в виду стихотворение И. И. Дмитриева «Отставной вахмистр» (1791).

«Станционный смотритель». Художник Д. Шмаринов

— А проезжие вспоминают ли его?

— Да ноне мало проезжих; разве заседатель завернёт, да тому не до мёртвых. Вот летом проезжала барыня, так та спрашивала о старом смотрителе и ходила к нему на могилу.

— Какая барыня? — спросил я с любопытством.

— Прекрасная барыня, — отвечал мальчишка; — ехала она в карете в шесть лошадей, с тремя маленькими барчатами и с кормилицей, и с чёрной моською; и как ей сказали, что старый смотритель умер, так она заплакала и сказала детям: «Сидите смиренно, а я схожу на кладбище». А я было вызвался довести её. А барыня сказала: «Я сама дорогу знаю». И дала мне пятак серебром — такая добрая барыня!..

Мы пришли на кладбище, голое место, ничем не ограждённое, усеянное деревянными крестами, не осенёнными ни единым деревцом. Отроду не видал я такого печального кладбища.

— Вот могила старого смотрителя, — сказал мне мальчик, вспрыгнув на груды песка, в которую врыт был чёрный крест с медным образом.

— И барыня приходила сюда? — спросил я.

— Приходила, — отвечал Ванька; — я смотрел на неё издали. Она легла здесь и лежала долго. А потом барыня пошла в село и призвала попа, дала ему денег и поехала, а мне дала пятак серебром — славная барыня!

И я дал мальчишке пяточок и не жалел уже ни о поездке, ни о семи рублях, мною истраченных.

Размышляем о прочитанном

1. Что характерного из жизни станционных смотрителей рассказал автор? Какими чувствами окрашен этот рассказ?
2. Как вы думаете, почему рассказ о судьбе Дуни, начатый Самсоном Выриным, ведётся от лица автора-повествователя?
- 3★. В чём художественный смысл картинок на стенах «смиренной, но опрятной обители», изображающих историю блудного сына? Есть ли связь между ними и судьбой Дуни? Дайте развёрнутый ответ на этот вопрос.
4. В «Повестях Белкина» рассказчик и безвестные русские люди, рассказы которых он передаёт, отличаются отзывчивостью и чуткостью.

Кто из героев повести «Станционный смотритель» не остался равнодушным к беде Самсона Вырина? Найдите в тексте повести эпизоды, подтверждающие ваш ответ.

5. Подготовьте характеристику станционного смотрителя Самсона Вырина. Включите в свой рассказ цитаты из повести.

6. Кому из героев рассказчик симпатизирует? Каким настроением пронизана вся повесть? Какие чувства и размышления она у вас вызвала?

Учились читать выразительно

Выучите наизусть строчки, в которых Пушкин говорит об особых минутах творчества, прочитайте их вслух, подчеркнув интонацией состояние вдохновения.

Литература и изобразительное искусство

Повесть «Станционный смотритель» проиллюстрирована рисунками художников М. Добужинского и Д. Шмаринова. Какие из них кажутся вам ближе к пушкинскому тексту? Каким вы представляли себе внешний облик героев? Чем отличается настроение, передаваемое художниками?

Проект

Подготовьте план вечера, посвящённого произведениям Пушкина: конкурс этюдов, инсценирование отрывков из произведений, конкурс иллюстраций, литературная викторина, музыкальное сопровождение инсценировок.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

А. С. Пушкин. «Станционный смотритель»

1. Начало повести — эмоциональный рассказ автора о станционных смотрителях — «сущих мучениках четырнадцатого класса». Какими чувствами окрашивает актёр чтение первых страниц произведения, полностью соглашаясь с автором?
2. Какие чувства переживает автор во время первого посещения почтовой станции в селе Н? Как меняется его настроение? Как эти настроения отражаются в чтении актёра?
3. Какое впечатление произвела на рассказчика обстановка станционного дома во время второго посещения? Как это впечатление передал актёр?

4. Как вы думаете, почему автор повести, позволив начать рассказ о побеге Дуни с гусаром Самсону Вырину, затем продолжает его сам? Как актёр передаёт всю сложную гамму переживаний обманутого отца?
5. Послушайте внимательно фрагмент из повести о третьем посещении рассказчиком села Н. Какими вы представили жену пивовара и деревенского мальчика Ваньку, прослушав их разговор?
6. Как вы считаете, почему Ванька назвал приехавшую в село дочь зрителя «прекрасной барыней»? Только ли из-за её серебряного пятака?

Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ

1814—1841

Лермонтов — то явление в поэзии, которое принято называть чудом... Он страстно любил Россию, но он не мог не видеть кровоточащие язвы «страны рабов, страны господ...».

Каждый заново для себя открывает Лермонтова. Гений его настолько всеобъемлющ и многосторонен, что эти открытия будут продолжаться без конца.

С. С. Наровчатов

Шёл 1814 год. Русские войска возвращались из-за границы и вступали в опалённую пожаром Москву. В то самое время, когда Москва, ликуя, встречала победителей, в маленьком домике у Красных Ворот, в ночь на 15 октября (по старому стилю — 3 октября) 1814 года, в семье отставного капитана Юрия Лермонтова родился сын Михаил. Невесёлым было детство этого мальчика. Смутно помнил он ласковые руки и слабый голосок матери, напевавшей ему грустную песню. Мать умерла, когда ему не исполнилось и трёх лет... Отца Лермонтов видел редко: бабушка не любила его и заставила уступить ей право воспитывать мальчика.

Самые первые, а потому и самые прочные впечатления — это скромный прелестный пейзаж Пензенской губернии, первые воспоминания — русские песни, народные игры и хороводы, неторопливые рассказы об Иване Грозном, о Разине и Пугачёве.

Вокруг дома — аллеи старинного сада, спящий пруд, затянутый сетью трав, а напротив усадьбы — дымные, в два ряда чёрные избы и белая церковь села Тарханы. В детстве Лермонтов часто болел. И бабушка три раза возила его на Кавказ, к Кислым Водам. Ездили на своих лошадях, через всю Россию. Кавказ с детских лет вошёл в сознание Лермонтова как край свободы, как страна благородных, возвышенных страстей...

Детство кончилось. Лермонтов поселился с бабушкой в Москве и поступил в университетский Благородный пансион. Это

был уже 14-летний подросток, серьёзный, хорошо подготовленный домашними учителями. Незадолго до Лермонтова пансион этот окончили многие участники декабрьского восстания 1825 года. В пансионе царил дух свободомыслия: по рукам тайно ходили запретные стихи Рыльева, Пушкина... Из пансиона он перешёл в Московский университет, учился там в одно время с Герценом и Белинским. В его тетрадах появляются стихи — «Нищий», «Парус», «Два великана».

Природа одарила Лермонтова разнообразными талантами. Он обладал редкой музыкальностью — виртуозно играл пьесы на скрипке, на рояле, пел арии из своих любимых опер, даже сочинял музыку: есть сведения, что он положил на музыку свою «Казачью колыбельную песню». Он рисовал и писал картины маслом, легко решал сложные математические задачи. Он был великолепно образован, начитан, слыл сильным шахматистом, владел несколькими иностранными языками. Всё давалось ему легко. И всё же свой гениальный поэтический дар он совершенствовал упорным трудом. Некоторым знакомым Лермонтова, не понимавшим размеров его поэтического таланта, казалось, что он подражает английскому поэту Байрону. Как бы в ответ на это Лермонтов написал замечательное стихотворение:

Нет, я не Байрон, я другой,
Ещё неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой...

В конце второго года из-за участия в студенческом бунте ему пришлось покинуть Университет. Исключённым закрывался путь в другие университеты России. И тогда ему ничего другого не оставалось, как поступить в школу гвардейских подпрапорщиков и юнкеров в Петербурге. «До сих пор, — писал он друзьям в Москву, — я жил для литературной славы, столько жертв принёс своему неблагодарному кумиру и вот теперь я — воин!» Он просил друзей не забывать его. Но даже там, в стенах юнкерской школы, он продолжал свои занятия литературой. По окончании школы Лермонтов вышел офицером в гвардейский гусарский полк, квартировавший в Царском Селе под Петербургом, и окунулся в полковую и великосветскую жизнь. Наблюдения над жизнью петербургской аристократии побудили его написать драму в стихах «Маскарад».

Памятник М. Ю. Лермонтову в Москве.
Скульптор И. Бродский

Герой её — и «жертва», и «палач». Мысль о том, что зло порождает зло, он развил потом и в «Герое нашего времени».

М. Ю. Лермонтов — единственный в литературе того времени — воссоздал образ Ивана Грозного по народным песням. Поэт так глубоко сумел постигнуть дух народной поэзии, что современные исследователи справедливо сравнивают «Песню про царя Ивана Васильевича...» с творениями народных сказителей. Недаром Белинский писал, что Лермонтов «вошёл в царство народности, как её полный властелин и, проникнувшись её духом, слившись с нею, он показал только своё родство с нею...». «Песня...» Лермонтова принадлежит к лучшим произведениям русской и мировой поэзии.

28 января 1837 года по Петербургу разнёсся слух, что Пушкин накануне стрелялся на дуэли с Дантесом и ранен смер-

тельно. На другой день стало известно, что Пушкин умер. И в эти самые дни по Петербургу распространилось в рукописи стихотворение «Смерть Поэта», под которым стояло в ту пору мало кому известное имя: Лермонтов. Это был голос молодого поэта, которому суждено было стать преемником Пушкина в осиротевшей русской литературе. Так началась всенародная слава Лермонтова. Он считал, что назначение поэзии в том, чтобы говорить с народом, призывать его на подвиги во имя свободы.

Жизнь Михаила Юрьевича Лермонтова обрывается также трагически. Современники понимали, что его дуэль с Мартыновым 27 июля 1841 года была не просто дуэлью, а обдуманным политическим убийством.

Читая и перечитывая Лермонтова, проникаясь героическим, активным духом его поэзии, восторгаясь её неповторимым лирическим содержанием, мы думаем о нём как о живом. И представляем себе его — не достигшего ещё и 27-летнего возраста, так много сделавшего для родной литературы, так много не успевшего осуществить.

Всё пленяет нас в Лермонтове: и сила пламенных страстей, и ум холодный и глубокий, его необычайная прямота и честность, высокая требовательность к самому себе и к другим. Он не умел и не хотел мириться с пороком, где и под какой маской ни встречал его.

С детских лет отзывается в наших сердцах благородный голос Лермонтова, пробуждающий отвагу, утверждающий чувства долга и чести. Читаем ли мы «Бородино» или «Мцыри», «Песню про царя Ивана Васильевича...» или «Родину», мы жадно внимаем его словам, чтобы запомнить, как сформулировал он самое высшее и самое благородное проявление любви — любовь к отчизне.

И. Л. Андроников

КАК РАБОТАЛ ЛЕРМОНТОВ

Сохранились сведения о том, как составлял Лермонтов сборник своих произведений: в него вошло всего 26 стихотворений и две поэмы — «Мцыри» и «Песня про купца Калашникова...», хотя к этому времени им было написано 30 поэм и 400 стихотворений.

«Мне случилось однажды, в Царском Селе, уловить лучшую минуту его вдохновения, — пишет его современник А. Н. Муравьёв. — В летний вечер я к нему зашёл и застал его за письменным столом, с пылающим лицом и огненными глазами, которые были у него особенно выразительны. „Что с тобою?“ — спросил я. „Сядьте и слушайте“, — сказал он и в ту же минуту, в порыве восторга, прочел мне, от начала до конца, всю свою великолепную поэму „Мцыри“ (по-грузински — послушник), которая только что вылилась из-под его вдохновенного пера».

?! Проверьте себя

1. В чём особенность первых впечатлений детства Лермонтова? Какими талантами одарила природа поэта и как они проявились в его жизни и творчестве?
2. Используя статью учебника и материалы биографических словарей, подготовьте сообщение о жизни поэта.

Песня про Царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова

Ох ты гой еси¹, царь Иван Васильевич²!
Про тебя нашу песню сложили мы,
Про твоего любимого опричника³,
Да про смелого купца, про Калашникова;
Мы сложили её на старинный лад,
Мы певали её под гуслирный звон
И причитывали да присказывали.
Православный народ ею тешился,
А боярин Матвей Ромодановский
Нам чарку поднёс мёду пенного⁴,
А боярыня его белолицая
Поднесла нам на блюде серебряном

¹ *Гой еси* (устар., народно-поэт.) — приветственный, ободрительный возглас.

² *Иван Васильевич* — Иван IV (Грозный) (1530—1584), русский царь.

³ *Опричник* — дворянин, состоявший в опричнине — войске, созданном Иваном IV для борьбы с боярами. Опричники отличались крайней жестокостью.

⁴ *Мёд пенный* — здесь: лёгкий спиртной напиток.

Полотенце новое, шёлком шитое.
Угощали нас три дни, три ночи,
И все слушали — не наслушались.

I

Не сияет на небе солнце красное,
Не любятся им тучки синие:
То за трапезой сидит во златом венце,
Сидит грозный царь Иван Васильевич,
Позади его стоят стольники¹,
Супротив его всё бояре да князья,
По бокам его всё опричники;
И пирует царь во славу Божию,
В удовольствие своё и веселие.

Улыбаясь, царь повелел тогда
Вина сладкого заморского
Нацедить в свой золочёный ковш
И поднести его опричникам.
И все пили, царя славили.

Лишь один из них, из опричников,
Удалой боец, буйный молодец,
В золотом ковше не мочил усов;
Опустил он в землю очи тёмные,
Опустил головушку на широку грудь —
А в груди его была дума крепкая.

Вот нахмурил царь брови чёрные
И навёл на него очи зоркие,
Словно ястреб взглянул с высоты небес
На младого голубя сизокрылого, —
Да не поднял глаз молодой боец.
Вот об землю царь стукнул палкою,
И дубовый пол на полчетверти
Он железным пробил оконечником —
Да не вздрогнул и тут молодой боец.
Вот промолвил царь слово грозное, —
И очнулся тогда добрый молодец.

¹ Стольник — придворный, прислуживающий за царским столом.

«Гей ты, верный наш слуга, Кирибеевич,
Аль ты думу затаил нечестивую?
Али славе нашей завидуешь?
Али служба тебе честная прискучила?
Когда всходит месяц — звёзды радуются,
Что светлей им гулять по поднебесью;
А которая в тучку прячется,
Та стремглав на землю падает...
Неприлично же тебе, Кирибеевич,
Царской радостью гнушались;
А из роду ты ведь Скуратовых
И семьею ты вскормлен Малютиной¹!..»

Отвечает так Кирибеевич,
Царю грозному в пояс кланяясь:

«Государь ты наш, Иван Васильевич!
Не кори ты раба недостойного:
Сердца жаркого не залить вином,
Думу чёрную — не запотчевать!
А прогневал тебя — воля царская:
Прикажи казнить, рубить голову;
Тяготит она плечи богатырские
И сама к сырой земле она клонится».

И сказал ему царь Иван Васильевич:
«Да об чём тебе, молодцу, кручиниться?
Не истерся ли твой парчевый кафтан?
Не измялась ли шапка соболиная?
Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закалённая?
Или конь захромал, худо кованный?
Или с ног тебя сбил на кулачном бою,
На Москве-реке, сын купеческий?»

Отвечает так Кирибеевич,
Покачав головою кудрявою:

«Не родилась та рука заколдованная
Ни в боярском роду, ни в купеческом;

¹ Малюта Скуратов — приближённый Ивана Грозного, глава опричников.

Аргамак¹ мой степной ходит весело;
Как стекло горит сабля вострая,
А на праздничный день твоей милостью
Мы не хуже другого нарядимся.

Как я сяду поеду на лихом коне
За Москву-реку покатайся,
Кушаком подтянуся шёлковым,
Заломлю набочок шапку бархатную,
Чёрным соболем отороченную², —
У ворот стоят у тесовых
Красны девушки да молодушки,
И любятся, глядя, перешёптываясь;
Лишь одна не глядит, не любится,
Полосатой фатой³ закрывается...

На святой Руси, нашей матушке,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходит плавно — будто лебедушка;
Смотрит сладко — как голубушка;
Молвит слово — соловей поёт;
Горят щёки её румяные,
Как заря на небе Божиим;
Косы русые, золотистые,
В ленты яркие заплетённые,
По плечам бегут, извиваются,
С грудью белою целуются.
Во семье родилась она купеческой
Прозывается Алёной Дмитривной.

Как увижу её, я и сам не свой:
Опускаются руки сильные,
Помрачаются очи бойкие;
Скучно, грустно мне, православный царь,
Одному по свету маяться.
Опостыли мне кони лёгкие,
Опостыли наряды парчовые,

¹ *Аргамак* — конь для верховой езды, для конных сражений; аргамаков разводили прирождённые наездники — обитатели южных степей.

² *Отороченный* — обшитый по краям.

³ *Фата* — лёгкое покрывало.

И не надо мне золотой казны:
С кем казною своей поделюсь теперь?
Перед кем покажу удалство своё?
Перед кем я нарядом похвастаюсь?

Отпусти меня в степи приволжские,
На житье на вольное, на казацкое.
Уж сложу я там буйную головушку
И сложу на копье бусурманское;
И разделят по себе злы татаровья
Коня доброго, саблю острую
И седельце браное черкасское.
Мои очи слезные коршун выклюет,
Мои кости сырые дождик вымоет,
И без похорон горемычный прах
На четыре стороны развеется!..»

И сказал, смеясь, Иван Васильевич:
«Ну, мой верный слуга! я твоей беде,
Твоему горю пособить постараюсь.
Вот возьми перстенек ты мой яхонтовый¹,
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахе² смышленной поклоняйся
И пошли дары драгоценные
Ты своей Алёне Дмитриевне:
Как полюбишься — праздную свадьбу,
Не полюбишься — не прогневайся».

— Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Обманул тебя твой лукавый раб,
Не сказал тебе правды истинной,
Не поведал тебе, что красавица
В церкви Божией перевенчана,
Перевенчана с молодым купцом
По закону нашему христианскому...

¹ Яхонтовый, Яхонт — старинное название драгоценных камней, обычно рубина.

² Сваха — в старину женщина, помогавшая найти невесту или жениха.

* * *

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дело разумеите!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

II

За прилавкою сидит молодой купец,
Статный молодец Степан Парамонович,
По прозвищу Калашников;
Шелковые товары раскладывает,
Речью ласковой гостей он заманивает,
Злато, серебро пересчитывает.
Да недобрый день задался ему:
Ходят мимо баре богатые,
В его лавочку не заглядывают.

Отзвонили вечерню во святых церквах;
За Кремлем горит заря туманная,
Набегают тучки на небо, —
Гонит их метелица распеваючи;
Опустел широкий гостиный двор¹.
Запирает Степан Парамонович
Свою лавочку дверью дубовую
Да замком немецким со пружиною;
Злого пса-ворчуна зубастого
На железную цепь привязывает,
И пошёл он домой, призадумавшись,
К молодой хозяйке за Москву-реку.

И приходит он в свой высокий дом,
И дивится Степан Парамонович:
Не встречает его молода жена,
Не накрыт дубовый стол белой скатертью,
А свеча перед образом еле теплится,
И кличет он старую работницу:
«Ты скажи, скажи, Еремеевна,

¹ *Гостиный двор* — двор, на котором шла торговля, располагались торговые ряды. (Гостиный — от старинного слова «гости» — купцы.)

А куда девалась, затаилась
В такой поздний час Алёна Дмитриевна?
А что детки мои любезные —
Чай, забегались, заигрались,
Спозаранку спать уложились?»

«Господин ты мой, Степан Парамонович,
Я скажу тебе диво дивное:
Что к вечерне пошла Алёна Дмитриевна;
Вот уж поп прошёл с молодой попадьей,
Засветили свечу, сели ужинать, —
И по сю пору твоя хозяйюшка
Из приходской церкви¹ не вернулась.
А что детки твои малые
Почивать не легли, не играть пошли —
Плачем плачут, всё не унимаются».

И смутился тогда думой крепкою
Молодой купец Калашников;
И он стал к окну, глядит на улицу —
А на улице ночь темнѣхонька;
Валит белый снег, расстилается,
Заметает след человеческий.

Вот он слышит в сенях дверью хлопнули,
Потом слышит шаги торопливые;
Обернулся, глядит — сила крестная!
Перед ним стоит молода жена,
Сама бледная, простоволосая²,
Косы русые расплетѣнные
Снегом-инеем пересыпаны;
Смотрят очи мутные, как безумные;
Уста шепчут речи непонятные.

«Уж ты где, жена, жена, шаталась?
На каком подворье, на площади,
Что растрѣпаны твои волосы,
Что одѣжа твоя вся изорвана?»

¹ Приходская церковь — местная церковь.

² Простоволосая — с непокрытой головой. (Для замужней женщины считалось неприличным выходить так на улицу.)

Уж гуляла ты, пиновала ты,
Чай¹, с сынками всё боярскими!..
Не на то пред святыми иконами
Мы с тобой, жена, обручались,
Золотыми кольцами менялись!..
Как запрю я тебя за железный замок,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свету Божьего ты не видела,
Моё имя честное не порочила...»

И услышав то, Алёна Дмитриевна
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслась, как листочек осиноый,
Горько-горько она восплакалась,
В ноги мужу повалилася.

«Государь ты мой, красно солнышко,
Иль убей меня, или выслушай!
Твои речи — будто острый нож;
От них сердце разрывается.
Не боюсь смерти лютыя,
Не боюсь я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.

От вечерни домой шла я нонече
Вдоль по улице одинешенька,
И слышалось мне, будто снег хрустит;
Оглянулася — человек бежит.
Мои ноженьки подкосилися,
Шелковой фатой я закрылася.
И он сильно схватил меня за руки,
И сказал мне так тихим шёпотом:
«Что пужаешься, красная красавица?
Я не вор какой, душегуб лесной,
Я слуга царя, царя грозного,
Прозываюся Кирибеевичем,
А из славной семьи из Малютиной...»
Испугалась я пуще прежнего;
Закружилась моя бедная головушка.

¹ Чай — видимо, наверное.

И он стал меня целовать-ласкать
И цалуя всё приговаривал:
«Отвечай мне, чего тебе надобно,
Моя милая, драгоценная!
Хочешь золота али жемчугу?
Хочешь ярких камней аль цветной парчи?
Как царицу я наряжу тебя,
Станут все тебе завидовать,
Лишь не дай мне умереть смертью грешною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый раз на прощание!»

И ласкал он меня, целовал меня;
На щеках моих и теперь горят,
Живым пламенем разливаются
Поцалуи его окаянные...
А смотрели в калитку соседушки,
Смеючись, на нас пальцем показывали...

Как из рук его я рванулася
И домой стремглав бежать бросилась,
И остались в руках у разбойника
Мой узорный платок, твой подарочек,
И фата моя бухарская.
Опозорил он, осрамил меня,
Меня честную, непорочную —
И что скажут злые соседушки?
И кому на глаза покажусь теперь?

Ты не дай меня, свою верную жену,
Злым охульникам¹ в поругание!
На кого, кроме тебя, мне надеяться?
У кого просить стану помощи?
На белом свете я сиротинушка:
Родной батюшка уж в сырой земле,
Рядом с ним лежит моя матушка,
А мой старший брат, сам ты ведаешь,
На чужой сторонушке пропал без вести,

¹ Охульник (от слова «хула» — порицание, осуждение) — человек, который порицает, порочит, позорит другого.

А меньшей мой брат — дитя малое,
Дитя малое, неразумное...»

Говорила так Алёна Дмитриевна,
Горючьми слезами заливалась.

Посылает Степан Парамонович
За двумя меньшими братьями;
И пришло его два брата, поклонилися,
И такое слово ему молвили:
«Ты поведай нам, старшой наш брат,
Что с тобой случилось, приключилося,
Что послал ты за нами во тёмную ночь,
Во тёмную ночь морозную?»

«Я скажу вам, братцы любезные,
Что лиха беда со мною приключилася:
Опозорил семью нашу честную
Злой опричник царский Кирибеевич;
А такой обиды не стерпеть душе
Да не вынести сердцу молодецкому.
Уж как завтра будет кулачный бой
На Москве-реке при самом царе,
И я выйду тогда на опричника,
Буду на смерть биться, до последних сил;
А побьёт он меня — выходите вы
За святую правду-матушку.
Не сробейте, братцы любезные!
Вы моложе меня, свежэй силою,
На вас меньше грехов накопилось,
Так авось Господь вас помилует!»

И в ответ ему братья молвили:
«Куда ветер дует в поднёбесьи,
Туда мчатся и тучки послушные,
Когда сизый орёл зовёт голосом
На кровавую долину побоища,
Зовет пир пировать, мертвецов убирать,
К нему малые орлята слетаются:
Ты наш старший брат, нам второй отец;

Делай сам, как знаешь, как ведаешь,
А уж мы тебя, родного, не выдадим».

* * *

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дело разумеите!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

III

Над Москвой великой, златоглавою,
Над стеной кремлёвской белокаменной
Из-за дальних лесов, из-за синих гор,
По тесовым кровелькам играючи,
Тучки серые разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистые,
Умывается снегами рассыпчатыми,
Как красавица, глядя в зеркальцо,
В небо чистое смотрит, улыбается.
Уж зачем ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?

Как сходилися, собиралися
Удалые бойцы московские
На Москву-реку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потешиться.
И приехал царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велел растянуть цепь серебряную,
Чистым золотом в кольцах спаянную.
Оцепили место в 25 сажень,
Для охотничьего¹ бою, одиночного.
И велел тогда царь Иван Васильевич
Клич кликать звонким голосом:
«Ой, уж где вы, добрые молодцы?
Вы потешьте царя нашего батюшку!

¹ Охотничий — здесь: добровольный, для тех, кто хочет.

«Песня про... купца Калашникова». *Художник И. Билибин*

Выходите-ка во широкий круг;
Кто побьёт кого, того царь наградит;
А кто будет побит, тому Бог простит!»

И выходит удалой Кирибеевич,
Царю в пояс молча кланяется,
Скидает с могучих плеч шубу бархатную,
Подпершился в бок рукою правою,
Поправляет другой шапку алую,
Ожидает он себе противника...
Трижды громкий клич прокликали —
Ни один боец и не тронулся,
Лишь стоят да друг друга поталкивают.

На просторе опричник похаживает,
Над плохими бойцами подсмеивает:
«Присмирели, небось, призадумались!
Так и быть, обещаюсь, для праздника,
Отпущу живого с покаянием,
Лишь потешу царя нашего батюшку».

Вдруг толпа раздалась в обе стороны —
И выходит Степан Парамонович,
Молодой купец, удалой боец,
По прозванию Калашников,
Поклонился прежде царю грозному,
После белому Кремлю да святым церквам,
А потом всему народу русскому.
Горят очи его соколиные,
На опричника смотрят пристально.
Супротив него он становится,
Боевые рукавицы натягивает,
Могутные плечи распрямливает
Да кудряву бороду поглаживает.

И сказал ему Кирибеевич:
«А поведай мне, добрый молодец,
Ты какого рода, племени,
Каким именем прозываешься?
Чтобы знать, по ком панихиду¹ служить,
Чтобы было чем и похвастаться».

Отвечает Степан Парамонович:
«А зовут меня Степаном Калашниковым,
А родился я от честнова отца,
И жил я по закону Господнему:
Не позорил я чужой жены,
Не разбойничал ночью тёмною,
Не таился от свету небесного...
И промолвил ты правду истинную:
По одном из нас будут панихиду петь,
И не позже, как завтра в час полуденный;
И один из нас будет хвастаться,
С удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смешить
К тебе вышел я теперь, бусурманский сын,
Вышел я на страшный бой, на последний бой!»

И услышав то, Кирибеевич
Побледнел в лице, как осенний снег:

¹ *Панихи́да* — церковная служба по умершему.

«Песня про... купца Калашникова».
Художник И. Билибин

Бойки очи его затуманились,
Между сильных плеч пробежал мороз,
На раскрытых устах слово замерло...

Вот молча оба расходятся,
Богатырский бой начинается.

Размахнулся тогда Кирибеевич
И ударил впервой купца Калашникова,
И ударил его посередь груди —
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степан Парамонович;

«Песня про... купца Калашникова».
Художник И. Билибин

На груди его висел медный крест
Со святыми мощами из Киева,
И погнулся крест и вдавился в грудь;
Как роса из-под него кровь закапала;
И подумал Степан Парамонович:
«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до последнева!»
Изловчился он, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударил своего ненавистника
Прямо в левый висок со всего плеча.

И опричник молодой застонал слегка,
Закачался, упал замертво;
Повалился он на холодный снег,
На холодный снег, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыром бору
Под смолистый под корень подрубленная.
И увидев то, царь Иван Васильевич
Прогневался гневом, топнул о землю
И нахмурил брови чёрные;
Повелел он схватить удалова купца
И привезть его пред лицо своё.

Как возгворил православный царь:
«Отвечай мне по правде, по совести,
Вольной волею или нехотя,
Ты убил насмерть мово верного слугу,
Мово лучшего бойца Кирибеевича?»

«Я скажу тебе, православный царь:
Я убил его вольной волею,
А за что про что — не скажу тебе,
Скажу только Богу единому.
Прикажи меня казнить — и на плаху несть
Мне головушку повинную;
Не оставь лишь малых детушек,
Не оставь молодую вдову
Да двух братьев моих своей милостью...»

«Хорошо тебе, детинушка,
Удалой боец, сын купеческий,
Что ответ держал ты по совести.
Молодую жену и сирот твоих
Из казны моей я пожалую,
Твоим братьям велю от сего же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, беспошлинно.
А ты сам ступай, детинушка,
На высокое место лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топор велю наточить-наострить,
Палача велю одеть-нарядить,

В большой колокол прикажу звонить,
Чтобы знали все люди московские,
Что и ты не оставлен моей милостью...»

Как на площади народ собирается,
Заунывный гудит-воет колокол,
Разглашает всюду весть недобрую.
По высокому месту лобному
Во рубахе красной с яркой запонкой,
С большим топором наостренным,
Руки голые потираючи,
Палач весело похаживает,
Удалова бойца дожидается,
А лихой боец, молодой купец,
Со родными братьями прощается:

«Уж вы, братцы мои, други кровные.
Поцалуемтесь да обнимемтесь
На последнее расставание.
Поклонитесь от меня Алёне Дмитревне,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моим детушкам не сказывать.
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всем нашим товарищам,
Помолитесь сами в церкви Божией
Вы за душу мою, душу грешную!»

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка бесталанная¹
Во крови на плаху покатилася.

Схоронили его за Москвой-рекой,
На чистом поле промеж трёх дорог:
Промеж Тульской, Рязанской, Владимирской;
И бугор земли сырой тут насыпали,
И кленовый крест тут поставили.
И гуляют, шумят ветры буйные
Над его безымянной могилкою.

¹ Бесталанный — несчастный (от старинного слова «талан» — доля, судьба).

И проходят мимо люди добрые:
Пройдёт стар человек — перекрестится,
Пройдёт молодец — приосанится,
Пройдёт девица — пригорюнится,
А пройдут гусяры — споют песенку.

* * *

Гей вы, ребята удалые,
Гусяры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали — красно и кончайте,
Каждому правдою и честью воздайте!
Тароватому боярину слава!
И красавице-боярыне слава!
И всему народу христианскому слава!

Размышляем о прочитанном

1. Какое чувство осталось у вас после чтения поэмы¹, судьбы каких героев взволновали вас? Почему поэма названа Лермонтовым песней?
2. Нарисуйте устно картины пира в царских палатах и кулачного боя. Какими предстают в этих эпизодах царь, Кирибеевич, Калашников?
- 3★. В чём характер Алёны Дмитриевны близок народному идеалу женщины, жены? Как речь Алёны Дмитриевны, Калашникова, Кирибеевича характеризует каждого из них? Дайте устный ответ на эти вопросы, заранее выписав цитаты из текста «Песни...», которыми вы будете подтверждать свои мысли.

Творческое задание

1. По мнению учёных-историков, образ Грозного сложен. Царь казнит Калашникова после того, как тот убивает Кирибеевича, не зная причины этого убийства — оскорбления жены купеческой. Он обещает позаботиться о семье Калашникова, но в то же время его слова пронизаны жестокостью к осуждённому:

Я топор велю наточить-наострить...
В большой колокол прикажу звонить,

¹ Проверьте по словарю, правильно ли вы понимаете термин «поэма».

Чтобы знали все люди московские,
Что и ты не оставлен моей милостью...

Таким образом, царский суд расходится с судом народа, который поёт славу Калашникову. Согласны ли вы с этим суждением? Подготовьте развёрнутый устный ответ на этот вопрос.

2. В. Г. Белинский так характеризовал трёх главных героев:

«...Взгляд очей его — молния, звук речей его — гром небесный, порыв гнева его — смерть и пытка; но сквозь всего этого, как молния сквозь тучи, проблескивает величие падшего... но сильного и благородного по природе своей духа...»

«Какая сильная, могучая натура! Её страсть — лава, её горесть тяжела и трудна... Вы видите, что любовь... — не шуточное дело, не простое волокитство, но страсть природы сильной, души могучей. Вы понимаете, что для этого человека нет середины: или получить, или погибнуть!»

«...Это один из тех упругих и тяжёлых характеров, которые тихи и кротки только до тех пор, пока обстоятельства не расколышат их, одна из тех железных натур, которые и обиды не стерпят и сдачи дадут... Есть души, лозунг которых — всё или ничего, которые не хотят запятанного блаженства, раз потемнённой славы...»

К кому относится каждая характеристика? Совпадает ли она с авторским, народным и вашим отношением к героям? Подготовьте ответ-рассуждение на эту тему, обоснуйте свои выводы, подтвердите их цитатами из текста поэмы.

Учимся читать выразительно

Подготовьте выразительное чтение «Песни...», учитывая связь с устным народным творчеством, передавая характеры героев, их речь, поступки, обратив внимание на распевность зачина и концовки, использованные автором сравнения, метафоры, инверсию.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

М. Ю. Лермонтов. «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»

1. М. Ю. Лермонтов, подражая фольклорным произведениям, начинает «Песню...» с зачина. От чьего имени звучит зачин? К кому он обращён, к читателю или слушателю? Почему? Какое настроение создаёт у слушателя зачин песни, к чему готовит?

2. Какие интонации преобладают в голосе народного артиста России Сергея Сазонтьева, читающего описание царского пира?
3. Как актёру удаётся при чтении передать черты характера царя Ивана Грозного и молодого опричника Кирибеевича? Что в характерах этих персонажей подчёркивает актёр?
4. Как Кирибеевич рассказывает о себе царю и как — красавице, которая на него смотрит? Как вы думаете, почему в этом разговоре актёр подчёркивает самовлюблённость Кирибеевича, его уязвлённое самолюбие?
5. Как меняется характер чтения актёра, когда он переходит к описанию лавки и дома купца Степана Парамоновича Калашникова?
6. Какие качества характера Алёны Дмитриевны удалось передать актёру при исполнении её рассказа мужу о том, что с нею произошло? Чем она была напугана, что терзало её душу?
7. Какие чувства звучат в голосе актёра, читающего описание московского утра в день кулачного боя? В чём причина сложности, противоречивости этих чувств?
8. Какие черты характера Кирибеевича и Калашникова подчёркивает в своём чтении актёр, воспроизводя события, предшествующие началу боя?
9. Какие средства выразительного чтения делают столь эмоциональной сцену казни Степана Калашникова в исполнении актёра?
10. Подготовьте выразительное чтение монолога одного из героев «Песни...»: царя Ивана Васильевича, Степана Парамоновича Калашникова, Алёны Дмитриевны, опричника Кирибеевича. Постарайтесь в своём чтении выразить характер персонажа, его душевное состояние.

ЧИТАТЕЛИ ЛЕРМОНТОВА О СВОИХ ВПЕЧАТЛЕНИЯХ

Известно, что замечательный русский писатель Иван Бунин хотел написать о Лермонтове, но мечта его не сбылась. Однако остались его высказывания о поэте: «Просто представить себе нельзя, до какой высоты этот человек поднялся бы, если б не погиб двадцати семи лет». Он часто повторял, читая лермонтовские стихи: «Как необыкновенно! Ни на Пушкина и ни на кого не похоже! Изумительно, другого слова нет».

Русский поэт и философ Д. С. Мережковский пишет так о своём отношении к Лермонтову.

«...Почему приблизился к нам Лермонтов? Почему вдруг захотелось о нём говорить?»

Рассказывают, будто бы у Лермонтова был такой „тяжёлый взгляд“, что на кого он смотрел пристально, тот невольно обочивался. Не так ли мы сейчас к нему обернулись невольно?

Стихи его для нас как заученные с детства молитвы. Мы до того привыкли к ним, что уже почти не понимаем. Слова действуют помимо смысла.

Помню, когда мне было лет 7—8, я учил наизусть „Ангела“ из старенькой хрестоматии с истрёпанным зелёным корешком. Я твердил: „По небу полуночи“, не понимая, что „полуночи“ родительный падеж от „полночь“; мне казалось, что это два слова: „по“ и „луночь“. Я видел картину, изображавшую ангела, который летит по тёмно-синему, лунному небу: это и была для меня „луночь“. Потом узнал, в чём дело; но до сих пор читаю: „по небу, по луночи“, бессмысленно, как детскую молитву.

Есть сила благодатная
В созвучьи слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

Я также узнал, что нельзя сказать: „Из пламя и света“, а надо: из пламени. Но мне нравилась эта грамматическая ошибка: она приближала ко мне Лермонтова.

Потом, в 12—13 лет, я уже для собственного удовольствия учил его наизусть. Переписывал „Мцыри“ тщательно, в золото-обрезную тетрадку, и мне казалось, что эти стихи я сам сочинил.

Пушкина я тогда не любил: он был для меня взрослый; Лермонтов такой ребенок, как я.

В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полёт
Прилежный взор следить бы мог.

Вот чего Пушкин не сказал бы ни за что. Взор его был слишком трезв, точен и верен действительности. Он говорит просто:

Последняя туча рассеянной бури,
Одна ты несёшься по ясной лазури...

Но эта пушкинская „ясная лазурь“, по сравнению с бездонно-глубоким лермонтовским небом, казалась мне плоской, как голубая эмаль.

С годами я полюбил Пушкина, понял, что он велик больше, чем Лермонтов. Пушкин оттеснил, умалил и как-то обидел во мне Лермонтова: так иногда взрослые нечаянно обижают детей.

Но где-то в самой глубине души остался уголок, не утолщенный Пушкиным.

Я буду любить Пушкина, пока я жив; но когда придёт смерть, боюсь, что это примирение:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять, —

покажется мне холодным, жестоким, ничего не примиряющим — и я вспомню тогда детские молитвы, вспомню Лермонтова.

Не потому ли уже и теперь, сквозь вечеряющий пушкинский день, таинственно мерцает Лермонтов, как первая звезда.

Пушкин — дневное, Лермонтов — ночное светило русской поэзии. Вся она между ними колеблется, как между двумя полюсами — созерцанием и действием...»

* * *

Прочитайте стихотворения «Молитва», «Ангел» и «Когда волнуется желтеющая нива...». Какими настроениями они наполнены? Какие краски, литературные приёмы использует поэт, чтобы передать эти настроения читателям? Помогают ли они понять вам признания Д. С. Мережковского и И. А. Бунина?

Молитва

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучьи слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

М. Ю. Лермонтов. «Молитва»

1. Как меняется настроение, эмоциональное состояние актрисы, читающей стихотворение?
2. Помогает ли музыка Эдварда Грига глубже почувствовать содержание стихотворения? Какими эпитетами вы охарактеризовали бы музыку: грустная, скорбная, весёлая, светлая, нежная, радостная?..
3. Как вы думаете, может ли грусть быть светлой? Переживали ли вы такое состояние? Когда?
4. Выучите стихотворение наизусть. Подготовьте его выразительное чтение, передавая движение чувств от грусти к тихой, светлой радости.

Ангел

По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел;
И месяц, и звёзды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

Он душу младую в объятиях нёс
Для мира печали и слёз;
И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой.

И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

М. Ю. Лермонтов. «Ангел»

1. Как актриса средствами художественного чтения передаёт неземную возвышенность, одухотворённость видения летящего ангела, небесных звуков его песни?
2. С грустными, печальными или просветлённо-радостными интонациями актриса читает строки о земной жизни души, слышавшей звуки ангельской песни? Согласны ли вы с актрисой? Почему? Подготовьте развёрнутый ответ на эти вопросы.
3. Подготовьте выразительное чтение стихотворения.

* * *

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зелёного листка;

Когда росой обрызганный душистой
Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо качает головой;

Когда студёный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он, —

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, —
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога...

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

М. Ю. Лермонтов. «Когда волнуется желтеющая нива...»

1. В стихотворении «Ангел» юный поэт противопоставляет «скучные песни земли» «звукам небес». Услышали ли вы такое противопоставление в чтении стихотворения «Когда волнуется желтеющая нива...» народной артисткой России Алиной Покровской? Противопоставлены ли здесь звуки земли (шум леса, звуки ветерка, лепет родника) и видение Бога в небесах?
2. Первые три строфы стихотворения — однородные придаточные предложения, начинающиеся с союза «когда», актриса читает примерно с одной интонацией, со схожей эмоциональной окрашенностью. Права ли она, ведь изображённые поэтом картины так различны: «желтеющая нива» — осень, «ландыш серебристый» — весна? Обоснуйте свой ответ.
3. Подготовьте выразительное чтение стихотворения.

Размышляем о прочитанном

1. Какие переживания, связанные с красотой природы, передаёт поэт в стихотворении «Ангел» (блаженство, полнота жизни)?
2. Какие чувства вызывает в поэте молитва («созвучье слов живых») в стихотворении «Молитва»?
3. Когда и почему в стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива...» «смирятся души тревога» у поэта? Что делает его счастливым?

Творческое задание

Что заинтересовало вас в воспоминаниях и высказываниях о Лермонтове? Подготовьте устный развёрнутый ответ на этот вопрос, напишите сочинение-эссе «Мой Лермонтов».

Учимся читать выразительно

Подготовьтесь к выразительному чтению стихотворений наизусть, стараясь передать настроение лирического героя.

Литература и другие виды искусства

Рассмотрите репродукцию портрета Лермонтова, фотографию памятника поэту, расскажите о своих впечатлениях.

Какие ещё памятники Лермонтову вы видели? Расскажите о них.

Обогащаем свою речь

1. Прочитайте начало «Песни... про купца Калашникова». На какие произведения фольклора похожи напевные интонации этого произведения? Характерны ли они для современной русской речи?
2. Как вы понимаете словосочетания: *православный народ ею тешил-ся; Опостыли мне кони лёгкие, / Опостыли наряды парчовые; Твоему горю пособить постараюсь; Заря алая подымается; лепечет мне таинственную сагу; Внимали той песне святой; есть сила благодатная?*

Литература и изобразительное искусство

Среди иллюстраторов «Песни... про купца Калашникова» есть знаменитые художники (И. Билибин, В. Васнецов, Б. Кустодиев). Кто из них, по вашему мнению, вернее передал быт, одежду, характеры героев? Отличаются ли трактовки характеров героев «Песни...» в иллюстрациях художников?

Проект

Подготовьте программу вечера, посвящённого Лермонтову (электронная презентация «Лермонтовские места России», конкурс чтецов, чтение фрагментов воспоминаний о поэте, исполнение песен и романсов на стихи Лермонтова).

Николай Васильевич ГОГОЛЬ

1809—1852

Гоголь не пишет, а рисует; его изображения дышат живыми красками действительности. Видишь и слышишь их...

В. Г. Белинский

Николай Васильевич Гоголь родился в 1809 году в местечке Великие Сорочинцы Полтавской губернии. Детство будущего писателя прошло на Украине в селе Васильевке. Его отец, Василий Афанасьевич, был человеком образованным, одним из первых украинских писателей, автором комедий из народной жизни.

В 1818 году Н. В. Гоголь поступил в Полтавское уездное училище, потом в Нежинскую гимназию высших наук, где проявлялся дух свободомыслия и куда проникали отголоски декабристских настроений. В Гоголе рано пробудился интерес к литературе...

В 30-е годы писатель знакомится с Пушкиным, Жуковским, читает лекции в педагогическом институте. В 1832 году его имя приобретает известность, и он целиком посвящает себя литературной деятельности.

Историческая повесть «Тарас Бульба», комедии «Женитьба», «Ревизор» явились событиями для читающей публики.

В «Тарасе Бульбе» Гоголь изображает богатырские характеры самого Тараса, Остапа, других запорожских «рыцарей», их самоотверженную борьбу за родную землю, за свою национальную независимость. Писатель в своей повести не стремится к соблюдению исторической точности. Его Тарас близок к народному представлению о героическом, богатырском характере. Любовь и верность родине, товариществу для Тараса и Остапа выше личной привязанности, кровного родства, любовного чувства. Повесть полна восхищения перед беззаветным мужеством народа и его героической борьбой за независимость и свободу родины.

Постановка «Ревизора» вызвала негодующий отклик реакционных¹ кругов. «Теперь я вижу, — пишет Гоголь в это время, — что значит быть комическим писателем. Малейший признак истины — и против тебя восстают, и не один человек, а целые сословия». Это тяжёлое разочарование в своей миссии «комического писателя» было началом душевного кризиса Гоголя, сказавшегося позднее. Он едет за границу с тем, чтобы отдохнуть, поправить своё расшатавшееся здоровье и, наконец, «глубоко обдумать свои обязанности авторские», в частности закончить начатые по сюжету, предложенному А. С. Пушкиным, «Мёртвые души». В Париже он узнаёт о гибели Пушкина. «Никакой вести нельзя хуже было получить из России, — писал он. — Всё наслаждение моей жизни, всё моё высшее наслаждение исчезло с ним».

Вышедшие в 1842 году из печати «Мёртвые души» Н. В. Гоголя, по словам Герцена, «потрясли Россию». Большое место в поэме занимают раздумья автора о судьбах родины. В 1848 году Гоголь возвращается на родину, продолжает работу над вторым томом «Мёртвых душ», однако книга его не удовлетворяет.

В 1852 году в припадке болезненного отчаяния он сжигает рукопись второй части «Мёртвых душ», а через несколько дней после этого умирает от истощения сил.

Похороны писателя превратились в широкую общественную демонстрацию: его хоронила вся передовая Россия. Тургенев пишет о Гоголе как о «человеке, который своим именем ознаменовал эпоху в истории нашей литературы».

Гоголь — подлинный мастер языка. Яркая речь его произведений то поэтически проникновенная, когда писатель рисует русскую или украинскую природу... то выпуклая, наглядная, передающая все оттенки характера, душевных свойств его героев. Он замечательный мастер детали, подробности, настолько точно и удачно найденной, что ярко передает особенности данного лица или обстановки.

Творчество Н. В. Гоголя оказало большое влияние на многих выдающихся русских писателей.

Н. Л. Степанов

¹ *Редкция* — жестокое подавление всякого общественного прогресса.

Гоголь писал по утрам, — об этом свидетельствуют и сам он, и все его наблюдавшие. Иногда, впрочем, бывало, что он работал целые дни напролёт. «Когда Гоголь начинал писать, — говорил его знакомый, — то предварительно делался задумчив и крайне молчалив. Подолгу молча ходил он по комнате, и когда с ним заговаривали, то просил замолчать и не мешать ему».

В дни того особенного умственного подъёма, который обыкновенно называют вдохновением, он писал Погодину: «Я почувствовал, что в голове моей шевелятся мысли, как разбуженный рой пчёл; воображение моё стало чутко. О, какая это была радость!..»

Для повести «Тарас Бульба» Гоголь пользовался сочинениями по истории, быту и нравам украинского казачества... Но ещё больше пользовался Гоголь для этой повести украинскими песнями. Вся повесть пропитана духом этих песен, стиль её совершенно песенный, и текст прямо просится на переложение в былинный стих.

Взыскательность¹ к себе Гоголя была поистине изумительна. Беранже говорит в своей автобиографии: «Ничто в такой степени не просвещает писателя, как пламя его рукописей, мужественно брошенных в печку». Вся творческая жизнь Гоголя освещена этим благородным пламенем. Ещё в молодости он предал сожжению свой роман «Гетман», «потому что сам автор не был им доволен». Уничтожил комедию «Владимир 3-й степени». Два, по-видимому, раза сжёг второй том „Мёртвых душ“ (не считая предсмертного, третьего сожжения). И писал по этому поводу: «Затем сожжён второй том „Мёртвых душ“, что так было нужно».

А. В. Никитенко рассказывает в своих записках: «Однажды Гоголь просил Жуковского выслушать вновь написанную им пьесу и сказать о ней своё мнение. Чтение пришлось как раз после обеда, а в это время Жуковский любил немножечко подремать. Не в состоянии бороться со своею привычкою, он и теперь, слушая автора, мало-помалу погрузился в тихий сон. Наконец, он проснулся.

„Вот видите, Василий Андреевич, — сказал ему Гоголь, — я просил у вас критики на моё сочинение. Ваш сон есть лучшая на него критика“.

¹ *Взыскательность* — требовательность, строгость.

И с этими словами бросил рукопись в тут же топившийся камин».

Письма его переполнены призывами к друзьям о критике самой жёсткой и самой откровенной. «Сообщите мне ваши замечания. Будьте строги и неумолимы как можно больше...» Он при чтении зорко вглядывается в лица слушателей, чутко ловит еле уловимые впечатления...

И в «Авторской исповеди» он пишет: «Автор, творя творение своё, должен почувствовать и убедиться, что он исполняет тот долг, для которого он призван на Землю, для которого именно даны ему способности и силы, и что, исполняя его, он служит в то же самое время также государству своему...»

В. В. Вересаев

Проверьте себя

В чём особенность творческой манеры Н. В. Гоголя? Отвечая на вопрос используйте книгу В. Вересаева «Как работал Гоголь» или статью в учебнике.

Тарас Бульба (В сокращении)

I

— А поворотись-ка, сын! Экий ты смешной какой! Что это на вас за поповские подрясники? И эдак все ходят в академии?

Такими словами встретил старый Бульба двух сыновей своих, учившихся в киевской бурсе¹ и приехавших уже на дом к отцу.

Сыновья его только что слезли с коней. Это были два дюжие молодца, ещё смотревшие исподлобья, как недавно выпущенные семинаристы. Крепкие, здоровые лица их были покрыты первым пухом волос, которого ещё не касалась бритва. Они были очень смущены таким приемом отца и стояли неподвижно, потупив глаза в землю.

— Стойте, стойте! Дайте мне разглядеть вас хорошенько, — продолжал он, поворачивая их, — какие же длин-

¹ Бурса — духовное училище.

ные на вас свитки! Экие свитки¹! Таких свиток ещё и на свете не было. А побегу который-нибудь из вас! я посмотрю, не шлёпнется ли он на землю, запутавшись в полы.

— Не смейся, не смейся, батьку! — сказал, наконец, старший из них.

— Смотри ты, какой пышный²! А отчего ж бы не смеяться?

— Да так, хоть ты мне и батько, а как будешь смеяться, то, ей-богу, поколочу!

— Ах ты, сякой-такой сын! Как, батька?.. — сказал Тарас Бульба, отступивши с удивлением несколько шагов назад.

— Да хоть и батька. За обиду не посмотрю и не уважу никого.

— Как же хочешь ты со мною биться? разве на кулаки?

— Да уж на чём бы то ни было.

— Ну, давай на кулаки! — говорил Бульба, засучив рукава, — посмотрю я, что за человек ты в кулаке!

И отец с сыном, вместо приветствия после давней отлучки, начали садить друг другу тумачи и в бока, и в поясницу, и в грудь, то отступая и оглядываясь, то вновь наступая.

— Смотрите, добрые люди: одурел старый! совсем спятил с ума! — говорила бледная, худощавая и добрая мать их, стоявшая у порога и не успевшая ещё обнять ненаглядных детей своих. — Дети приехали домой, больше года их не видели, а он задумал невесть что: на кулаки биться!

— Да он славно бьётся! — говорил Бульба, остановившись. — Ей-богу, хорошо! — продолжал он, немного оправляясь, — так, хоть бы даже и не пробовать. Добрый будет козак! Ну, здорово, сынку! почеломкаемся! — И отец с сыном стали целоваться. — Добре, сынку! Вот так колоти всякого, как меня тузил. Никому не спускай! А всё-таки на тебе смешное убранство: что это за верёвка висит? А ты, бейбас³, что стоишь и руки

¹ *Свитка* — верхняя длинная одежда.

² *Пышный* — здесь: гордый, недотрога.

³ *Бейбас* — балбес.

«Тарас Бульба». Художник П. Соколов

опустил? — говорил он, обращаясь к младшему, — что ж ты, собачий сын, не колотишь меня?

— Вот ещё что выдумал! — говорила мать, обнимавшая между тем младшего. — И придёт же в голову этакое, чтобы дитя родное било отца. Да будто и до того теперь: дитя молодое, проехало столько пути, утомилось... (это дитя было двадцати с лишним лет и ровно в сажень ростом). Ему бы теперь нужно опочить и поесть чего-нибудь, а он заставляет его биться!

— Э, да ты мазунчик¹, как я вижу! — говорил Бульба. — Не слушай, сынку, матери: она баба, она ничего не знает. Какая вам нежба? Ваша нежба — чистое поле да добрый конь: вот ваша нежба! А видите вот эту саблю! вот ваша мать! Это всё дрянь, чем набивают головы ваши: и академия, и все те книжки, буквари и философия, и всё это *ка зна що*², я плевать на всё это!.. — А вот, лучше, я вас на той же неделе отправлю на Запорожье. Вот где наука, так наука! Там вам школа; там только наберётесь разуму.

— И всего только одну неделю быть им дома? — говорила жалостно, со слезами на глазах, худощавая старуха

¹ Мазунчик — избалованный, маменькин сын.

² Ка зна що — чёрт знает что.

мать. — И погулять им, бедным, не удастся; не удастся и дому родного узнать, и мне не удастся наглядеться на них!

— Полно, полно выть, старуха! Козак не на то, чтобы возиться с бабами. Ты бы спрятала их обоих себе под юбки да и сидела бы на них, как на куриных яйцах. Ступай, ступай, да ставь нам скорее на стол всё, что есть. Не нужно пампушек, медовиков, маковников и других пундиков¹; тащи нам всего барана, козу давай, мёды со-рокалетние! Да горелки побольше, не с выдумками горелки, с изюмом и всякими вытребёнками², а чистой, пенной горелки, чтобы играла и шипела, как бешеная.

Бульба повёл сыновей своих в светлицы, откуда проворно выбежали две красивые девки-прислужницы, в червонных монистах³, прибиравшие комнаты. Они, как видно, напугались приезда паничей, не любивших спускаться никому, или же просто хотели соблюсти свой женский обычай: вскрикнуть и броситься опретью, увидевши мужчину, и потом долго закрываться от сильного стыда рукавом. Светлица была убрана во вкусе того времени, о котором живые намёки остались только в песнях да в народных думах, уже не поющих более на Украине бородатыми старцами-слепцами, в сопровождении тихого треньканья бандуры⁴ и в виду обступившего народа; во вкусе того бранного, трудного времени, когда начались разыгрываться схватки и битвы на Украине за унию⁵. Всё было чисто, вымазано цветной глиною. На стенах — сабли, нагайки, сетки для птиц, невода и ружья, хитро обделанный рог для пороху, золотая уздечка на коня и путы с серебряными бляхами. Окна в светлице были маленькие, с круглыми, тусклыми стеклами, какие встречаются ныне только в старинных церквах, сквозь которые иначе нельзя было глядеть, как приподняв подвижное стекло. Вокруг окон и дверей были красные отводы⁶. На полках по углам стояли кувшины, бутылки и фляжки зелёного

¹ Пундики — сладости.

² Вытребёнки — причуды, затей.

³ Червонное монисто — красное ожерелье.

⁴ Бандура — народный украинский музыкальный инструмент.

⁵ Уния — объединение Православной церкви с Католической под властью Папы Римского.

⁶ Отводы — деревянные украшения.

и синего стекла, резные серебряные кубки, позолоченные чарки всякой работы: венецейской¹, турецкой, черкесской, зашедшие в светлицу Бульбы всякими путями через третьи и четвертые руки, что было весьма обыкновенно в те удалые времена. Берестовые² скамьи вокруг всей комнаты; огромный стол под образами в парадном углу; широкая печь с запечьями, уступами и выступами, покрытая цветными, пёстрыми изразцами, — всё это было очень знакомо нашим двум молодцам, приходившим каждый год домой на каникулярное время, приходившим потому, что у них не было ещё коней, и потому, что не в обычае было позволять школярам ездить верхом. У них были только длинные чубы, за которые мог выдрать их всякий козак, носивший оружие. Бульба только при выпуске их послал им из табуна своего пару молодых жеребцов.

Бульба по случаю приезда сыновей велел созвать всех сотников и весь полковой чин, кто только был налицо; и когда пришли двое из них и есаул³ Дмитро Товкач, старый его товарищ, он им тот же час сыновей представил, говоря:

— Вот, смотрите, какие молодцы! На Сечь их скоро пошлю.

Гости поздравили и Бульбу, и обоих юношей и сказали им, что доброе дело делают и что нет лучшей науки для молодого человека, как Запорожская Сечь.

— Ну ж, паны братья, садись всякий, где кому лучше за стол. Ну, сынки! прежде всего выпьем горелки! — так говорил Бульба. — Боже, благослови! Будьте здоровы, сынки: и ты, Остап, и ты, Андрий! Дай же Боже, чтоб вы на войне всегда были удачливы! Чтобы бусурманов⁴ били, и турков бы били, и татарву били бы; когда и ляхи начнут что против веры нашей чинить, то и ляхов бы били! Ну, подставляй свою чарку; что, хороша горелка? А как по-латыни горелка? То-то, сынку, дурни были латынцы: они и не знали, есть ли на свете горелка. Как

¹ Венецейская — венецианская.

² Берестовые — сделанные из вяза, который на Украине называют берестом.

³ Есаул — средний офицерский чин в казачьих войсках.

⁴ Бусурман (басурман) — иноверец; здесь: иноземец.

бишь, того звали, что латинские вирши¹ писал? Я грамоте разумею не сильно, а потому и не знаю; Гораций², что ли?

«Вишь, какой батько! — подумал про себя старший сын, Остап, — всё, старый собака, знает, а ещё и прикидывается».

— Я думаю, архимандрит³ не давал вам и понюхать горелки, — продолжал Тарас. — А признайтесь, сынки, крепко стегали вас березовыми и свежим вишняком по спине и по всему, что ни есть у козака? А может, так как вы сделались уже слишком разумные, так, может, и плетюганями пороли? Чай, не только по субботам, а доставалось и в среду и в четверги?

— Нечего, батько, вспоминать, что было, — отвечал хладнокровно Остап: — что было, то прошло!

— Пусть теперь попробует! — сказал Андрей, — пускай только теперь кто-нибудь зацепит. Вот пусть только подвернется теперь какая-нибудь татарва, будет знать она, что за вещь козацкая сабля!

— Добре, сынку! ей-богу, добре! Да когда на то пошло, то и я с вами еду! ей-богу, еду! Какого дьявола мне здесь ждать! Чтоб я стал гречкосеем, домоводом, глядеть за овцами да за свиньями, да бабиться с женой? Да пропади она: я козак, не хочу! Так что же, что нет войны? Я так поеду с вами на Запорожье, погулять. Ей-богу, еду! — И старый Бульба мало-помалу горячился, горячился, наконец, рассердился совсем, встал из-за стола и, приосанившись, топнул ногою. — Завтра же едем! Зачем откладывать! Какого врага мы можем здесь высидеть? На что нам эта хата? К чему нам всё это? На что эти горшки? — Сказавши это, он начал колотить и швырять горшки и фляжки.

Бедная старушка, привыкшая уже к таким поступкам своего мужа, печально глядела, сидя на лавке. Она не смела ничего говорить; но, услыша о таком страшном для неё решении, она не могла удержаться от слёз; взглянула

¹ Вирши — стихи.

² Гораций — древнеримский поэт.

³ Архимандрит — монашеский чин; здесь: настоятель, т. е. начальник духовного училища.

на детей своих, с которыми угрожала ей такая скорая разлука, — и никто бы не мог описать всей безмолвной силы её горести, которая, казалось, трепетала в глазах её и в судорожно сжатых губах. <...>

Тарас был один из числа коренных, старых полковников: весь был он создан для бранной тревоги и отличался грубой прямою своего нрава. Тогда влияние Польши начинало уже оказываться на русском дворянстве. Многие перенимали уже польские обычаи, заводили роскошь, великолепные прислуги, соколов, ловчих, обеды, дворы. Тарасу было это не по сердцу. Он любил простую жизнь козаков и перессорился с теми из своих товарищей, которые были наклонны к варшавской стороне, называя их холопьями польских панов. Неугомонный вечно, он считал себя законным защитником православия. Самоуправно входил в сёла, где только жаловались на притеснения арендаторов и на прибавку новых пошлин с дыма¹. Сам с своими козаками производил над ними расправу и положил себе правило, что в трёх случаях всегда следует взяться за саблю, именно: когда комиссары² не уважили в чём старшин и стояли пред ними в шапках; когда поглумились над православием и не почтили предковского закона и, наконец, когда враги были бусурманы и турки, против которых он считал во всяком случае позволительным поднять оружие во славу христианства. Теперь он тешил себя заранее мыслью, как он явится с двумя сыновьями своими на Сечь и скажет: «Вот посмотрите, каких я молодцов привел к вам!»; как представит их всем старым, закалённым в битвах товарищам; как поглядит на первые подвиги их в ратной науке³ и бражничестве, которое почитал тоже одним из главных достоинств рыцаря. Он сначала хотел было отправить их одних. Но при виде их свежести, рослости, могучей телесной красоты вспыхнул воинский дух его, и он на другой же день решился ехать с ними сам, хотя необходимостью этого была одна упрямая воля. Он уже хлопотал и отдавал приказы, выбирал коней и сбрую для молодых сыновей, наведывал-

¹ С дыма — здесь: с каждой хаты.

² Комиссары — здесь: польские сборщики податей.

³ Ратная наука — военная наука.

ся и в конюшни и в амбары, отобрал слуг, которые должны были завтра с ними ехать. Есаулу Товкачу передал свою власть вместе с крепким наказом явиться сей же час со всем полком, если только он подаст из Сечи какую-нибудь весть. Хотя он был и навеселе и в голове ещё бродил хмель, однако ж не забыл ничего. Даже отдал приказ напоить коней и всыпать им в ясли крупной и первой пшеницы, и пришёл усталый от своих забот.

— Ну, дети, теперь надобно спать, а завтра будем делать то, что Бог даст. Да не стели нам постель! Нам не нужна постель. Мы будем спать на дворе.

Ночь ещё только что обняла небо, но Бульба всегда ложился рано. Он развалился на ковре, накрылся бараньим тулупом, потому что ночной воздух был довольно свеж и потому что Бульба любил укрыться потеплее, когда был дома. Он вскоре захрапел, и за ним последовал весь двор; всё, что ни лежало в разных его углах, храпело и запело; прежде всего заснул сторож, потому что более всех напился для приезда паничей. Одна бедная мать не спала. Она приникла к изголовью дорогих сыновей своих, лежавших рядом; она расчёсывала гребнем их молодые, небрежно всклоченные кудри и смачивала их слезами; она глядела на них вся, глядела всеми чувствами, вся превратилась в одно зрение и не могла наглядеться. Она вскормила их собственною грудью, она возрстила, взлелеяла их — и только на один миг видеть их перед собою. «Сыны мои, сыны мои милые! что будет с вами? что ждёт вас?» — говорила она, и слёзы остановились в морщинах, изменивших её когда-то прекрасное лицо. В самом деле, она была жалка, как всякая женщина того удалого века. <...> Она видела мужа в год два-три дня, и потом несколько лет о нём не бывало слуха. Да и когда виделась с ним, когда они жили вместе, что за жизнь её была? Она терпела оскорбления, даже побои; она видела из милости только оказываемые ласки, она была какое-то странное существо в этом сборище безжённых рыцарей, на которых разгульное Запорожье набрасывало суровый колорит¹ свой. <...> Вся любовь, все чувства, всё, что есть нежного и страстного в женщине, всё

¹ Колорит — оттенок.

обратилось у ней в одно материнское чувство. Она с жаром, с страстью, с слезами, как степная чайка, вилась над детьми своими. Её сыновей, её милых сыновей берут от неё, берут для того, чтобы не увидеть их никогда! Кто знает, может быть, при первой битве татарин срубит им головы, и она не будет знать, где лежат брошенные тела их, которые расклюёт хищная подорожная птица и за каждый кусочек которых, за каждую каплю крови она отдала бы всё. Рыдая, глядела она им в очи, которые всемогущий сон начинал уже смыкать, и думала: «Авось-либо Бульба, проснувшись, отсрочит денька на два отъезд; может быть, он задумал оттого так скоро ехать, что много выпил».

Месяц с вышины неба давно уже озарял весь двор, наполненный спящими, густую кучу верб и высокий бурьян, в котором потонул частокол, окружавший двор. Она всё сидела в головах милых сыновей своих, ни на минуту не сводила с них глаз своих и не думала о сне. Уже кони, чуя рассвет, все легли на траву и перестали есть; верхние листья верб начали лепетать, и мало-помалу лепечущая струя спустилась по ним до самого низу. Она просидела до самого света, вовсе не была утомлена и внутренно желала, чтобы ночь протянулась как можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржание жеребёнка; красные полосы ясно сверкнули на небе. Бульба вдруг проснулся и вскочил. Он очень хорошо помнил всё, что приказывал вчера.

— Ну, хлопцы, полно спать! Пора, пора! Напойте коней! А где старá? (так он обыкновенно называл жену свою). Живее, старá, готовь нам есть, потому что путь великий лежит!

Бедная старушка, лишённая последней надежды, уныло поплелась в хату. Между тем как она со слезами готовила всё, что нужно к завтраку, Бульба раздавал свои приказания, возился на конюшне и сам выбирал для детей своих лучшие убрания. Бурсаки вдруг преобразились: на них явились, вместо прежних запачканных сапогов, сафьянные¹ красные, с серебряными подковами; шаровары, шириною в Чёрное море, с тысячью складок

¹ Сафьян — кожа высокого качества.

и со сборами, перетянулись золотым очкуром¹; к очкуру прицеплены были длинные ремешки, с кистями и прочими побрякушками, для трубки. Казакин² алого цвета, сукна яркого, как огонь, опоясался узорчатым поясом; чеканные турецкие пистолеты были задвинуты за пояс; сабля брякала по ногам их. Их лица, ещё мало загоревшие, казалось, похорошели и побелели; молодые чёрные усы теперь как-то ярче оттеняли белизну их и здоровый, мощный цвет юности; они были хороши под чёрными бараньими шапками с золотым верхом. Бедная мать! Она как увидела их, она и слова не могла промолвить, и слёзы остановились в глазах её.

— Ну, сыны, всё готово! нечего мешкать! — произнёс, наконец, Бульба. — Теперь, по обычаю христианскому, нужно перед дорогою всем присесть.

Все сели, не выключая даже и хлопцев, стоявших почтительно у дверей.

— Теперь благослови, мать, детей своих! — сказал Бульба, — моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь рыцарскую³, чтобы стояли всегда за веру Христову, а не то — пусть лучше пропадут, чтобы и духу их не было на свете! Подойдите, дети, к матери: молитва материнская и на воде и на земле спасает.

Мать, слабая как мать, обняла их, вынула две небольшие иконы, надела им, рыдая, на шею.

— Пусть хранит вас... Божья Матерь... Не забывайте, сынки, мать вашу... пришлите хоть весточку о себе...

Далее она не могла говорить.

— Ну, пойдём, дети! — сказал Бульба.

У крыльца стояли осёдланные кони. Бульба вскочил на своего Чёрта, который бешено отшатнулся, почувствовав на себе двадцатипудовое бремя, потому что Бульба был чрезвычайно тяжёл и толст. Когда увидела мать, что уже и сыны её сели на коней, она кинулась к меньшому, у которого в чертах лица выражалось более какой-то нежности; она схватила его за стремя, она прилипнула к седлу его и с отчаяньем во всех чертах не выпускала его из рук своих.

¹ Очку́р — шнурок, которым затягивали шаровары.

² Казаки́н — мужское верхнее платье на крючках со сборками сзади.

³ Рыцарскую.

Два дюжих козака взяли её бережно и унесли в хату. Но когда выехали они за ворота, она со всею лёгкостью дикой козы, несообразной её летам, выбежала за ворота, с неопостижимой силою остановила лошадь и обняла одного из сыновей с какою-то помешанною, бесчувственною горячностью; её опять увели. Молодые козаки ехали смутно¹ и удерживали слёзы, боясь отца своего, который, однако же, с своей стороны, тоже был несколько смущён, хотя не старался этого показывать. День был серый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали как-то в разлад. Они, проехавши, оглянулись назад: хутор их как будто ушёл в землю; только стояли на земле две трубы от их скромного домика да одни только вершины дерев, по сучьям которых они лазили, как белки; один только дальний луг ещё стлался перед ними, — тот луг, по которому они могли припомнить всю историю жизни, от лет, когда катались по росистой траве его, до лет, когда поджидали в нём чернобровую козачку, боязливо летевшую через него с помощью своих свежих, быстрых ножек. Вот уже один только шест над колодцем с привязанным вверху колесом от телеги одиноко торчит на небе; уже равнина, которую они проехали, кажется издали горою и всё собою закрыла. — Прощайте и детство, и игры, и всё, и всё!

II

Все три всадника ехали молчаливо. Старый Тарас думал о давнем: перед ним проходила его молодость, его лета, его протёкшие лета, о которых всегда почти плачет козак, желавший бы, чтобы вся жизнь его была молодость. Он думал о том, кого он встретит на Сечи из своих прежних сотоварищей. Он вычислял, какие уже перемёрли, какие живут ещё. Слеза тихо круглилась на его зенице, и поседевшая голова его уныло понурилась.

Сыновья его были заняты другими мыслями. Но нужно сказать поболее о сыновьях его. Они были отданы по двенадцатому году в Киевскую академию, потому что все почётные сановники тогдашнего времени считали необходимою дать воспитание своим детям, хотя это делалось с тем, чтобы после совершенно позабыть его. Они тогда

¹ *Смутно* — здесь: печально.

были, как все поступавшие в бурсу, дики, воспитаны на свободе, и там уже они обыкновенно несколько шлифовались¹ и получали что-то общее, делавшее их похожими друг на друга. Старший, Остап, начал с того своё поприще, что в первый год ещё бежал. Его возвратили, высекли страшно и засадили за книгу. Четыре раза закапывал он свой букварь в землю, и четыре раза, отодравши его бесчеловечно, покупали ему новый. Но, без сомнения, он повторил бы и в пятый, если бы отец не дал ему торжественного обещания продержатъ его в монастырских служках целые двадцать лет и не поклялся наперёд, что он не увидит Запорожья вовеки, если не выучится в академии всем наукам. Любопытно, что это говорил тот же самый Тарас Бульба, который бранил всю учёность и советовал, как мы уже видели, детям вовсе не заниматься ею. С этого времени Остап начал с необыкновенным старанием сидеть за скучною книгою и скоро стал наряду с лучшими. <...>

Остап считался всегда одним из лучших товарищей. Он редко предводительствовал другими в дерзких предприятиях — обобрать чужой сад или огород, но зато он был всегда одним из первых, приходивших под знамёна предприимчивого бурсака, и никогда, ни в каком случае, не выдавал своих товарищей. Никакие плети и розги не могли заставить его это сделать. Он был суров к другим побуждениям, кроме войны и разгульной пирушки; по крайней мере никогда почти о другом не думал. Он был прямодушен с равными. Он имел доброту в таком виде, в каком она могла только существовать при таком характере и в тогдашнее время. Он душевно был тронут слезами бедной матери, и это одно только его смущало и заставляло задумчиво опустить голову.

Меньшой брат его, Андрий, имел чувства несколько живее и как-то более развитые. Он учился охотнее и без напряжения, с каким обыкновенно принимается тяжёлый и сильный характер. Он был более изобретателен, нежели его брат; чаще являлся предводителем довольно опасного предприятия и иногда, с помощью изобретательного ума своего, умел увёртываться от наказания, тогда как брат

¹ Шлифовать — здесь: воспитывать, обучать, улучшать.

его Остап, отложивши всякое попечение, скидал с себя свитку и ложился на пол, вовсе не думая просить о помиловании. Он также кипел жаждою подвига, но вместе с нею душа его была доступна и другим чувствам. <...> Вообще в последние годы он реже являлся предводителем какой-нибудь ватаги, но чаще бродил один где-нибудь в уединённом закоулке Киева, потопленном в вишнёвых садах, среди низеньких домиков, заманчиво глядевших на улицу. Иногда он забирался и в улицу аристократов, в нынешнем старом Киеве, где жили малороссийские и польские дворяне и дома были выстроены с некоторою прихотливостью. Один раз, когда он зазевался, наехала почти на него колымага какого-то польского пана, и сидевший на козлах возница с престрашными усами хлынул его довольно исправно бичом. Молодой бурсак вскипел: с безумною смелостию хватил он мощною рукою своею за заднее колесо и остановил колымагу. Но кучер, опасаясь разделки, ударил по лошадям, они рванули, — и Андрий, к счастью, успевший отхватить руку, шлёпнулся на землю, прямо лицом в грязь. Самый звонкий и гармонический¹ смех раздался над ним. Он поднял глаза и увидел стоявшую у окна красавицу, какой ещё не видывал отроду: черноглазую и белую, как снег, озарённый утренним румянцем солнца. Она смеялась от всей души, и смех придавал сверкающую силу её ослепительной красоте. Он оторопел. Он глядел на неё, совсем потерявшись, рассеянно обтирая с лица своего грязь, которою ещё более замазывался. Кто бы была эта красавица? Он хотел было узнать от дворни, которая кучею, в богатом убранстве, стояла за воротами, окруживши игравшего молодого бандуриста. Но дворня подняла смех, увидевши его запачканную рожу, и не удостоила его ответом. Наконец он узнал, что это была дочь приехавшего на время ковенского воеводы. В следующую же ночь, с свойственною одним бурсакам дерзостию, он пролез чрез частокол в сад, взлез на дерево, раскинувшееся ветвями, упиравшимися в самую крышу дома; с дерева перелез на крышу и через трубу камина пробрался прямо в спальню красавицы, которая в это время сидела перед свечою и вынимала

¹ *Гармонический* — здесь: нежный, благозвучный, красивый.

из ушей своих дорогие серьги. Прекрасная полячка так испугалась, увидевши вдруг перед собою незнакомого человека, что не могла произнести ни одного слова; но, когда увидела, что бурсак стоял, потупив глаза и не смея от робости поворотить рукою, когда узнала в нём того же самого, который хлопнулся перед её глазами на улице, смех вновь овладел ею. Притом в чертах Андрия ничего не было страшного: он был очень хорош собою. Она от души смеялась и долго забавлялась над ним. <...> Он представлял смешную фигуру, раскрывши рот и глядя неподвижно в её ослепительные очи. Раздавшийся у дверей стук пробудил в ней испуг. Она велела ему спрятаться под кровать, и как только беспокойство прошло, она кликнула свою горничную, пленную татарку, и дала ей приказание осторожно вывести его в сад и оттуда отправить через забор. <...> Вот о чём думал Андрий, повесив голову и потупив глаза в гриву коня своего.

А между тем степь уже давно приняла их всех в свои зелёные объятия, и высокая трава, обступивши, скрыла их, и только козачьи чёрные шапки одни мелькали между её колосьями.

— Э, э, э! что же это вы, хлопцы, так притихли? — сказал, наконец, Бульба, очнувшись от своей задумчивости. — Как будто какие-нибудь чернецы¹! Ну, разом, разом! Все думки к нечистому! Берите в зубы люльки² да закурим, да пришпорим коней, да полетим так, чтобы и птица не угналась за нами!

И козаки, прилѣгши несколько к коням, пропали в траве. Уже и чёрных шапок нельзя было видеть; одна только быстрая молния сжимаемой травы показывала бег их.

Солнце выглянуло давно на расчищенном небе и живительным, теплотворным светом своим облило степь. Всё, что смутно и сонно было на душе у козаков, вмиг слетело; сердца их встрепенулись, как птицы.

Степь, чем далее, тем становилась прекраснее. Тогда весь юг, всё то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию, до самого Чёрного моря, было зелё-

¹ Чернец — монах.

² Люлька — здесь: трубка для курения.

ною, девственной пустынею. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений. Одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, вытоптывали их. Ничто в природе не могло быть лучше их. Вся поверхность земли представлялась зелёно-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волошки¹; жёлтый дрок² выскакивал вверх своєю пирамидальною верхушкою; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности; занесённый бог знает откуда колос пшеницы наливался в гуще. Под тонкими их корнями шныряли куропатки, вытянув свои шеи. Воздух был наполнен тысячью разных птичьих свистов. В небе неподвижно стояли ястребы, распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву. Крик двигавшейся в стороне тучи диких гусей отдавался бог знает в каком дальнем озере. Из травы подымалась мерными взмахами чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха. Вон она пропала в вышине и только мелькает одною чёрною точкою. Вон она перевернулась крылами и блеснула перед солнцем. Чёрт вас возьми, степи, как вы хороши! Наши путешественники несколько минут только останавливались для обеда, причём ехавший с ними отряд из десяти козаков слезал с лошадей, отвязывал деревянные баклажки с горелкою и тыквы, употребляемые вместо сосудов. Ели только хлеб с салом или коржи, пили только по одной чарке, единственно для подкрепления, потому что Тарас Бульба не позволял никогда напиваться в дороге, и продолжали путь до вечера. Вечером вся степь совершенно переменалась. Всё пёстрое пространство её охватывалось последним ярким отблеском солнца и постепенно темнело, так что видно было, как тень перебегала по нём, и она становилась тёмно-зелёною; испарения подымались гуще, каждый цветок, каждая травка испускала амбру³, и вся степь курилась благовонием. По небу, изголуба-тёмному, как будто исполинскою⁴ кистью наляпаны были широкие полосы из

¹ *Волошки* — васильки.

² *Дрок* — степное растение из семейства бобовых.

³ *Амбра* — ароматическое вещество; здесь: аромат, приятный запах.

⁴ *Исполинский* — огромный, большой, гигантский.

розового золота; изредка белели клоками лёгкие и прозрачные облака, и самый свежий, обольстительный, как морские волны, ветерок едва колыхался по верхушкам травы и чуть дотрогивался до щек. Вся музыка, наполнявшая день, утихала и сменялась другою. Пёстрые овражки¹ выползвали из нор своих, становились на задние лапки и оглашали степь свистом. Трещание кузнечиков становилось слышнее. Иногда слышался из какого-нибудь уединённого озера крик лебедя и, как серебро, отдавался в воздухе. Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлег, раскладывали огонь и ставили на него котёл, в котором варили себе кулиш²; пар отделялся и косвенно дымился на воздухе. Поужинав, казаки ложились спать, пустивши по траве спутанных коней своих. Они раскидывались на свитках. На них прямо глядели ночные звёзды. Они слышали своим ухом весь бесчисленный мир насекомых, наполнявших траву, весь их треск, свист, краканье; всё это звучно раздавалось среди ночи, очищалось в свежем ночном воздухе и доходило до слуха гармоническим. Если же кто-нибудь из них подымался и вставал на время, то ему представлялась степь усеянную блестящими искрами светящихся червей. Иногда ночное небо в разных местах освещалось дальним заревом от выжигаемого по лугам и рекам сухого тростника, и тёмная вереница лебедей, летевших на север, вдруг освещалась серебряно-розовым светом, и тогда казалось, что красные платки летели по тёмному небу.

Путешественники ехали без всяких приключений. Нигде не попадались им деревья, всё та же бесконечная, вольная, прекрасная степь. По временам только в стороне синели верхушки отдалённого леса, тянувшегося по берегам Днепра. Один только раз Тарас указал сыновьям на маленькую, черневшую в дальней траве точку, сказавши: «Смотрите, детки, вон скачет татарин!» Маленькая головка с усами устала издали прямо на них узенькие глаза свои, понюхала воздух, как гончая собака, и, как серна, пропала, увидевши, что казаков было тринадцать человек. «А ну, дети, попробуйте догнать тата-

¹ Овражки — здесь: суслики.

² Кулиш — жидкая каша с салом.

рина!.. и не пробуйте — вовеки не поймаете: у него конь быстрее моего Чёрта». Однако ж Бульба взял предосторожность, опасаясь где-нибудь скрывшейся засады. Они прискакали к небольшой речке, называвшейся Татаркою, впадающей в Днепр, кинулись в воду с конями своими и долго плыли по ней, чтобы скрыть след свой, и тогда уже, выбравшись на берег, они продолжали далее путь. Чрез три дни после этого они были уже недалеко от места, служившего предметом их поездки. В воздухе вдруг заволодело; они почувствовали близость Днепра. Вот он сверкает вдали и тёмною полоскою отделился от горизонта. Он веял холодными волнами и расстилался ближе, ближе и, наконец, обхватил половину всей поверхности земли. Это было то место Днепра, где он, дотоле спёртый порогами, брал, наконец, своё и шумел, как море, разлившись по воле; где брошенные в середину его острова вытесняли его ещё далее из берегов и волны его стлались по самой земле, не встречая ни утесов, ни возвышений. Козаки сошли с коней своих, взошли на паром и чрез три часа плавания были уже у берегов острова Хортицы, где была тогда Сечь, так часто переменявшая своё жилище. Куча народа бранилась на берегу с перевозчиками. Козаки оправили коней. Тарас приосанился, стянул на себе покрепче пояс и гордо провел рукою по усам. Молодые сыны его тоже осмотрели себя с ног до головы с каким-то страхом и неопределённым удовольствием, и все вместе въехали в предместье, находившееся за полверсты от Сечи. При въезде их оглушили пятьдесят кузнецких молотов, ударявших в двадцати пяти кузницах, покрытых дёрном и вырытых в земле. Сильные кожевники сидели под навесом крылец на улице и мяли своими дюжими руками бычачьи кожи. Крамари под ятками¹ сидели с кучами кремней, огнивами и порохом. Армянин развесил дорогие платки. Татарин ворочал на рожнах бараньи катки с тестом². <...> Но первый, кто попался им навстречу, это был запорожец, спавший на самой середине дороги, раскинув руки и ноги.

¹ Крамарй под ятками — торговцы под навесами.

² Ворбчал на рожнах бараньи катки с тестом — жарил на вертеле куски баранины в тесте.

Тарас Бульба не мог не остановиться и не полюбоваться на него.

— Эх, как важно развернулся! Фу ты, какая пышная фигура! — говорил он, остановивши коня.

В самом деле, это была картина довольно смелая: запорожец, как лев, растянулся на дороге. Закинутый гордо чуб его захватывал на пол-аршина земли. Шаровары алого дорогого сукна были запачканы дёгтем для показания полного к ним презрения. Полюбовавшись, Бульба пробирался далее сквозь тесную улицу, которая была загромождена мастеровыми, тут же отправлявшими ремесло своё, и людьми всех наций, наполнявшими это предместье Сечи, которое было похоже на ярмарку и которое одевало и кормило Сечь, умевшую только гулять да палить из ружей.

Наконец они минули предместье и увидели несколько разбросанных куреней¹, покрытых дёрном или, по-татарски, войлоком. Иные уставлены были пушками. Нигде не видно было забора или тех низеньких домиков с навесами на низеньких деревянных столбиках, какие были в предместье. Небольшой вал и засека, не хранимые решительно никем, показывали страшную беспечность. Несколько дюжих запорожцев, лежавших с трубками в зубах на самой дороге, посмотрели на них довольно равнодушно и не сдвинулись с места. Тарас осторожно проехал с сыновьями между них, сказавши: «Здравствуйте, панове!» — «Здравствуйте и вы!» — отвечали запорожцы. Везде, по всему полю, живописными кучами пестрел народ. По смуглым лицам видно было, что все они были закалены в битвах, испробовали всяких невзгод. Так вот она, Сечь! Вот то гнездо, откуда вылетают все те гордые и крепкие, как львы! Вот откуда разливается воля и козачество на всю Украину! Путники выехали на обширную площадь, где обыкновенно собиралась рада². На большой опрокинутой бочке сидел запорожец без рубашки; он держал в руках её и медленно зашивал на ней дыры. Им опять перегородила дорогу целая толпа музыкантов, в середине

¹ *Курень* — подразделение запорожского войска; здесь: шалаши, в которых жили запорожцы.

² *Рада* — совет; здесь: военный совет запорожского войска.

которых отплясывал молодой запорожец, заломивши чѣртом свою шапку и вскинувши руками. Он кричал только: «Живее играйте, музыканты! Не жалея, Фома, горелки православным христианам!» <...>

— Эх, если бы не конь! — вскричал Тарас, — пустился бы, право, пустился бы сам в танец!

А между тем меж народом стали попадаться и степенные, уважаемые по заслугам всею Сечью, седые, старые чубы, бывавшие не раз старшинами. Тарас скоро встретил множество знакомых лиц. <...>

III

Уже около недели Тарас Бульба жил с сыновьями своими на Сечи. Остап и Андрий мало занимались военной школою. Сечь не любила затруднять себя военными упражнениями и терять время; юношество воспитывалось и образовывалось в ней одним опытом, в самом пылу битв, которые оттого были почти непрерывны. Промежутки козаки почитали скучным занимать изучением какой-нибудь дисциплины, кроме разве стрельбы в цель да изредка конной скачки и гоньбы за зверем в степях и лугах; всё прочее время отдавалось гульбе — признаку широкого размаха душевной воли. Вся Сечь представляла необыкновенное явление. Это было какое-то непрерывное пиршество, бал, начавшийся шумно и потерявший конец свой. Некоторые занимались ремёслами, иные держали лавочки и торговали; но большая часть гуляла с утра до вечера, если в карманах звучала возможность и добытое добро не перешло ещё в руки торгашей и шинкарей¹. <...> Остапу и Андрию показалось чрезвычайно странным, что при них же приходила на Сечь гибель народа, и хоть бы кто-нибудь спросил их, откуда они, кто они и как их зовут. Они приходили сюда, как будто бы возвращались в свой собственный дом, из которого только за час пред тем вышли. Пришедший являлся только к кошевому², который обыкновенно говорил: «Здравствуй! Что, во Христа веруешь?» — «Верую!» — отвечал приходивший... — «И в церковь ходишь?» — «Хожу!» — «А ну,

¹ Шинкарь — хозяин кабака, шинка.

² Кошевой — атаман.

перекрестись!» Пришедший крестился. «Ну, хорошо, — отвечал кошевой, — ступай же, в который сам знаешь, курень». Этим оканчивалась вся церемония. <...> Сечь состояла из шестидесяти с лишком куреней, которые очень походили на отдельные, независимые республики, а ещё более походили на школу и бурсу детей, живущих на всём готовом. Никто ничем не заводился и не держал у себя. Всё было на руках у куренного атамана, который за это обыкновенно носил название батька. У него были на руках деньги, платья, весь харч, саламата¹, каша и даже топливо; ему отдавали деньги под сохран. <...> Остап и Андрий кинулись со всею пылкостью юношей в это разгульное море и забыли вмиг и отцовский дом, и бурсу, и всё, что волновало прежде душу, и предались новой жизни. Всё занимало их: разгульные обычаи Сечи и немногосложная управа и законы, которые казались им иногда даже слишком строгими среди такой своевольной республики. Если козак провинился, украл какую-нибудь безделицу, это считалось уже поношением всему козачеству: его, как бесчестного, привязывали к позорному столбу и клали возле него дубину, которою всякий проходящий обязан был нанести ему удар, пока таким образом не забивали его насмерть. Не платившего должника приковывали цепью к пушке, где должен был он сидеть до тех пор, пока кто-нибудь из товарищей не решался его выкупить и заплатить за него долг. Но более всего произвела впечатление на Андрия страшная казнь, определённая за смертоубийство. Тут же, при нём, вырыли яму, опустили туда живого убийцу и сверх него поставили гроб, заключавший тело им убиенного, и потом обоих засыпали землёю. Долго потом всё чудился ему страшный обряд казни и всё представлялся этот заживо засыпанный человек вместе с ужасным гробом.

Скоро оба молодые козака стали на хорошем счету у козаков. <...> Они стали уже заметными между другими молодыми прямою удалью и удачливостью во всём. Бойко и прямо стреляли в цель, переплывали Днепр против течения — дело, за которое новичок принимался торжественно в козацкие круги. Но старый Тарас гото-

¹ Саламата — мучная похлёбка.

вил другую им деятельность. Ему не по душе была такая праздная жизнь — настоящего дела хотел он. Он всё придумывал, как бы поднять Сечь на отважное предприятие, где бы можно было разгуляться, как следует, рыцарю. <...>

IV

<...> **Т**арас Бульба уже совещался с новым кошевым, как поднять запорожцев на какое-нибудь дело. Кошевой был умный и хитрый козак, знал вдоль и поперёк запорожцев и сначала сказал: «Не можно клятвы преступить, никак не можно. — А потом, помолчавши, прибавил: — Ничего, можно; клятвы мы не преступим, а так кое-что придумаем. Пусть только соберётся народ, да не то, чтобы по моему приказу, а просто своею охотою. Вы уж знаете, как это сделать. А мы с старшинами тотчас и прибежим на площадь, будто бы ничего не знаем».

Не прошло часу после их разговора, как уже грянули в литавры¹. Нашлись вдруг и хмельные и неразумные козаки. Миллион козацких шапок высыпал вдруг на площадь. <...>

В тот же час отправились несколько человек на противоположный берег Днепра, в войсковую скарбницу, где, в неприступных тайниках, под водою и в камышах, скрывалась войсковая казна и часть добытых у неприятеля оружий. Другие все бросились к челнам осматривать их и снаряжать в дорогу. Вмиг толпою народа наполнился берег. <...>

В это время большой паром начал причаливать к берегу. Стоявшая на нём куча людей ещё издали махала руками. Это были козаки в оборванных свитках. Беспорядочный наряд — у многих ничего не было, кроме рубашки и коротенькой трубки в зубах — показывал, что они или только что избегнули какой-нибудь беды, или же до того загулялись, что прогуляли всё, что ни было на теле. Из среды их отделился и стал впереди приземистый, плечистый козак, человек лет пятидесяти. Он кричал и махал рукою сильнее всех, но за стуком и криками рабочих не было слышно его слов.

¹ *Литавры* — ударный музыкальный инструмент.

— А с чем приехали? — спросил кошевой, когда паром приворачивал к берегу. Все рабочие, остановив свои работы, подняв топоры, долота, прекратили стукотню и смотрели в ожидании.

— С бедою! — кричал с парома приземистый козак.

— С какою?

— Позвольте, панове запорожцы, речь держать?

— Говори!

— Или хотите, может быть, собрать раду?

— Говори, мы все тут. — Берег весь стеснился в одну кучу.

— А вы разве ничего не слышали о том, что делается на Гетьманщине¹?

— А что? — произнёс один из куренных атаманов.

— Э! что? Видно, вам татарин заткнул клейтухом² уши, что вы ничего не слышали.

— Говори же, что там делается?

— А то делается, что и родились и крестились, ещё не видали такого.

— Да говори нам, что делается, собачий сын! — закричал один из толпы, как видно потеряв терпение.

— Такая пора теперь завелась, что уже церкви святые теперь не наши.

— Как не наши? <...>

— Стой, стой! — прервал кошевой, дотоле стоявший, углубивши глаза в землю, как и все запорожцы, которые в важных делах никогда не отдавались первому порыву, но молчали и между тем в тишине совокупляли грозную силу негодования. — Стой! и я скажу слово. А что ж вы, — что ж вы делали? Разве у вас сабель не было, что ли? Как же вы пустили такому беззаконию?

— Э, как пустили такому беззаконию? А попробовали бы вы, когда пятьдесят тысяч было одних ляхов, да — и нечего греха таить — были тоже собаки и между нашими, уж приняли их веру.

— А гетьман ваш, а полковники что делали?

— Наделали полковники таких дел, что не приведи Бог и нам никому.

¹ *Гетьманщина* (гетманщина) — область, управляемая начальником козацкого войска и верховным правителем, гетманом.

² *Клейтух* — пыж — комок войлока, пеньки или шерсти.

— Как?

— А так, что уж теперь гетьман, зажаренный в медном быке, лежит в Варшаве, а полковничьи руки и головы развозят по ярмаркам напоказ всему народу. Вот что наделали полковники!

Колебнулась вся толпа. Сначала на миг пронеслось по всему берегу молчание, которое устанавливается перед свирепой бурей, и потом вдруг поднялись речи, и весь заговорил берег. <...>

— ...Чтобы вот так поступали с полковниками и гетьманом! Да не будет же сего, не будет!

Такие слова перелетали по всем концам. Зашумели запорожцы и почуяли свои силы. Тут уже не было волнений легкомысленного народа: волновались всё характеры тяжёлые и крепкие, которые не скоро накалялись, но, накалившись, упорно и долго хранили в себе внутреннй жар. <...>

Теперь уже все хотели в поход, и старые и молодые; все, с совета всех старшин, куренных, кошевого и с воли всего запорожского войска, положили идти прямо на Польшу, отмстить за всё зло и посрамленье веры и козацкой славы, набрать добычи с городов, пустить пожар по деревням и хлебам и пустить далеко по степи о себе славу. Всё тут же опоясывалось и вооружалось. Кошевой вырос на целый аршин. Это уже не был тот робкий исполнитель ветреных желаний вольного народа; это был неограниченный повелитель. <...>

Со всех сторон раздавались топот коней, пробная стрельба из ружей, бряканье саблей, бычачье мычанье, скрип поворачиваемых возов, говор и яркий крик и понуканье. И скоро далеко-далеко вытянулся козацкий табор по всему полю. И много досталось бы бежать тому, кто бы захотел перебежать всё пространство от головы до хвоста его. В деревянной небольшой церкви служил священник молебен, окропил всех святою водою; все целовали крест. Когда тронулся табор и потянулся из Сечи, все запорожцы обратили головы назад.

— Прощай, наша мать! — сказали они почти в одно слово, — пусть же тебя хранит Бог от всякого несчастья! <...>

Скоро весь польский юго-запад сделался добычею страха. Всюду пронеслись слухи: «Запорожцы!.. показались запорожцы!..» Всё, что могло спастись, спасалось. Всё подымалось и разбегалось в сей нестройный, изумительно беспечный век, когда не воздвигалось ни крепостей, ни замков, а просто как попало становил на время соломенное жилище своё человек, думая: «Не тратить же на него работу и деньги, когда оно и без того будет снесено дотла татарским набегом!» Всё всполохнулось: кто менял волов и плуг на коня и ружьё и отправлялся в полки; кто прятался, угоняя скот и унося, что только было можно унести. Попадались иногда по дороге такие, которые встречали (хотя бесплодно) вооружённою рукою гостей, но больше было таких, которые бежали заранее. Все знали, что трудно иметь дело с сей закаленной вечной бранью толпой, известной под именем запорожского войска... А старому Тарасу любо было видеть, как оба сына его были одни из первых. Остапу, казалось, был на роду написан битвенный путь и трудное знанье вершить ратные дела. Ни разу не растерявшись и не смутившись ни от какого случая, с хладнокровием, почти неестественным для двадцатидвухлетнего, он в один миг мог вымерить всю опасность и всё положение дела, тут же мог найти средства, как уклониться от неё, но уклониться с тем, чтобы потом верней преодолеть её. Уже испытанной уверенностью стали теперь означаться его движения, и в них не могли не быть заметны наклонности будущего вождя. Крепкое слышалось в его теле, и рыцарские его качества уже приобрели широкую силу качеств льва.

— О! да этот будет со временем добрый полковник! — говорил старый Тарас, — ей-ей, будет добрый полковник, да ещё такой, что и батька за пояс заткнёт!

Андрий весь погрузился в очаровательную музыку пуль и мечей. Он не знал, что такое значит обдумывать, или рассчитывать, или измерять заранее свои и чужие силы. Бешеную негу и упоенье он видел в битве: что-то пиршественное зрелось ему в те минуты, когда разгорится у человека голова, в глазах всё мелькает и мешается, летят головы, с громом падают на землю кони, а он не-

сётся, как пьяный, в свисте пуль, в сабельном блеске и в собственном жару, нанося всем удары и не слыша нанесённых. И не раз дивился старый Тарас, видя, как Андрий, понуждаемый одним только запальчивым увлечением, устремлялся на то, на что бы никогда не отважился хладнокровный и разумный, и одним бешеным натиском своим производил такие чудеса, которым не могли не изумиться старые в боях. Дивился старый Тарас и говорил:

— И это добрый — враг бы не взял его! — вояка! не Остап, а добрый, добрый также вояка!

Войско решилось идти прямо на город Дубно, где, носились слухи, было много казны, богатых обывателей. В полтора дня поход был сделан, и запорожцы показались перед городом. Жители решились защищаться до последних сил и крайности и лучше хотели умереть на площадях и улицах перед своими порогами, чем пустить неприятеля в дома. Высокий земляной вал окружал город; где вал был ниже, там высывалась каменная стена или дом, служивший батареей, или, наконец, дубовый частокол. Гарнизон был силён и чувствовал важность своего дела. Запорожцы жарко было полезли на вал, но были встречены сильною картечью. Мещане и городские обыватели, как видно, тоже не хотели быть праздными и стояли кучею на городском валу. В глазах их можно было читать отчаянное сопротивление; даже женщины решились участвовать, и на головы запорожцам полетели камни, бочки, горшки, горячий вар и, наконец, мешки песку, слепившего очи. Запорожцы не любили иметь дело с крепостями, вести осады была не их часть. Кошевой повелел отступить и сказал:

— Ничего, паны братья, мы отступим. Но будь я поганый татарин, а не христианин, если мы выпустим их хоть одного из города! Пусть их все передохнут, собаки, с голоду!

Войско, отступив, облегло весь город... запорожцы, протянув вокруг всего города в два ряда свои телеги, расположились так же, как и на Сечи, куренями, курили свои люльки, менялись добытым оружием, играли в чехарду, в чёт и нечет и посматривали с убийственным хладнокровием на город... Молодым, и особенно сынам

Тараса Бульбы, не нравилась такая жизнь. Андрий заметно скучал. «Неразумная голова, — говорил ему Тарас. — Терпи, козак, — атаманом будешь! Не тот ещё добрый воин, кто не потерял духа в воинском деле, а тот добрый воин, кто и на безделье не соскучит, кто всё вытерпит, и хоть ты ему что хочь, а он всё-таки поставит на своём». Но не сойтись пылкому юноше с старцем. Другая натура у обоих, и другими очами глядят они на то же дело.

А между тем подоспел Тарасов полк, приведённый Товкачем; с ним было ещё два есаула, писарь и другие полковые чины; всех козаков набралось больше четырёх тысяч. Было между ними немало и охочекомонных¹, которые сами поднялись своею волею, без всякого позыва, как только услышали, в чём дело. Есаулы привезли сыновьям Тараса благословенье от старухи матери и каждому по кипарисному образу из Межигорского киевского монастыря. Надели на себя святые образа оба брата и невольно задумались, припомнив старую мать свою. Что-то пророчит им и говорит это благословенье? Благословенье ли на победу над врагом и потом весёлый возврат на отчизну с добычей и славой на вечные песни бандуристам, или же?.. Но неизвестно будущее, и стоит оно пред человеком подобно осеннему туману, поднявшемуся из болот. Безумно летают в нём вверх и вниз, черкая крыльями, птицы, не распознавая в очи друг друга, голубка — не видя ястреба, ястреб — не видя голубки, и никто не знает, как далеко летает он от своей гибели...

Остап уже занялся своим делом и давно отошёл к куреням. Андрий же, сам не зная отчего, чувствовал какую-то духоту на сердце. Уже козаки окончили свою вечерю, вечер давно потухнул; июльская чудная ночь обняла воздух; но он не отходил к куреням, не ложился спать и глядел невольно на всю бывшую перед ним картину. На небе бесчисленно мелькали тонким и острым блеском звёзды. Поле далеко было занято раскиданными по нём возами с висячими мазницами², облитыми дёгтем, и всяким добром и провиантом, набранным у врага. Возле те-

¹ *Охочекомонные казаки* — конные добровольцы.

² *Мазницы* — вёдра для дёгтя.

лег, под телегами и подале от телег — везде были видны разметавшиеся на траве запорожцы. Все они спали в картинных положениях: кто, подмостив себе под голову куль или шапку или употребивши просто бок своего товарища. Сабля, ружьё-самопал, короткочубучная трубка, с медными бляхами, железными провёртками и огнивом, висели почти у каждого пояса. Тяжёлые волю лежали, подвернувши под себя ноги, большими беловатыми массаами и казались издали серыми камнями, раскиданными по отлогости поля. Со всех сторон из травы уже стал подыматься густой храп спящего воинства, на который отзывались из поля звонкими ржаньями жеребцы, негодующие на свои спутанные ноги. А между тем величественное и грозное примешалось к красоте июльской ночи. Это были зарева вдали догоравших окрестностей. <...> Над огнём вились вдали птицы, казавшиеся кучею тёмных мелких крестиков на огненном поле. Обложенный город, казалось, уснул. Шпицы, и кровли, и частокол, и стены его тихо вспыхивали отблесками отдаленных пожарищ. Он обошёл козацкие ряды. Костры, у которых сидели сторожа, готовились ежеминутно погаснуть, и самые сторожа спали, как видно, перекусивши сильно чего-нибудь во весь козацкий аппетит. Он подивился немного такой беспечности, подумавши: «Хорошо, что нет близко никакого сильного неприятеля и некого опасаться». Наконец, и сам подошёл он к одному из возов, взлез на него и лёг на спину, подложивши себе под голову сложенные назад руки; но не мог заснуть и долго глядел на небо. Оно всё было открыто пред ним; чистота и прозрачность стояли в воздухе. Густина звезд, составлявшая Млечный путь, косвенным поясом переходившая небо, вся была залита в свету. Временами он как будто позабывался, и какой-то лёгкий туман дремоты заслонял на миг пред ним небо, и потом оно опять очищалось и вновь становилось видно. В это время, показалось ему, мелькнул пред ним какой-то странный образ человеческого лица. Думая, что было то простое обаяние сна и сей же час рассеется, он раскрыл сильнее глаза свои и увидел, что к нему, точно, наклонилось какое-то измождённое, высохшее лицо и смотрело прямо ему в очи. Длинные и чёрные, как уголь, волосы, неприбранные, растрёпанные, лезли из-под тёмного на-

брошенного на голову покрывала. И странный блеск взгляда, и мертвенная смуглота лица, выступавшего резкими чертами, заставили бы скорее подумать, что это был призрак. Он схватился невольно рукой за пищаль¹ и произнёс почти судорожно: — Кто ты? Коли дух нечистый, сгинь с глаз; коли живой человек, не в пору завёл шутку, — убью с одного прицела.

В ответ на это привидение приставило палец к губам и, казалось, молило о молчании. Он опустил руку и стал вглядываться в него внимательней. По длинным волосам, шее и полуобнажённой смуглой груди распознал он женщину. Но она была не здешняя уроженка. Всё лицо было смугло, изнурено недугом; широкие скулы выступали сильно над опавшими под ними щеками; узкие очи подымались дугообразным разрезом кверху, и чем более он всматривался в черты её, тем более находил в них что-то знакомое. Наконец, он не вытерпел, чтобы не спросить:

— Скажи, кто ты? Мне кажется, как будто я знал тебя или видел где-нибудь?

— Два года назад тому в Киеве.

— Два года назад... в Киеве... — повторил Андрий, стараясь перебрать всё, что уцелело в его памяти от прежней бурсацкой жизни. Он посмотрел ещё раз на неё пристально и вдруг вскрикнул во весь голос: — Ты — татарка! служанка панночки, воеводиной дочки!..

— Чшш! — произнесла татарка, сложив с умоляющим видом руки, дрожа всем телом и оборотя в то же время голову назад, чтобы видеть, не проснулся ли кто-нибудь от такого сильного вскрика, произведённого Андрием.

— Скажи, скажи, отчего, как ты здесь? — говорил Андрий, шёпотом, почти задышающимся и прерывающимся всякую минуту от внутреннего волнения. — Где панночка? жива ещё?

— Она тут, в городе.

— В городе? — произнёс он, едва опять не вскрикнувши, и почувствовал, что вся кровь вдруг прихлынула к сердцу, — отчего ж она в городе?

— Оттого, что сам старый пан в городе. Он уже полтора года, как сидит воеводой в Дубне.

¹ Пищаль — старинное тяжёлое ружьё, заряжаемое со ствола.

— Что ж, она замужем? Да говори же, — какая ты странная! что она теперь?..

— Она другой день ничего не ела.

— Как?..

— Ни у кого из городских жителей нет уже давно куска хлеба, все давно едят одну землю.

Андрей остолбенел.

— Панночка видала тебя с городского валу вместе с запорожцами. Она сказала мне: «Ступай, скажи рыцарю: если он помнит меня, чтобы пришёл ко мне; а не помнит, — чтобы дал тебе кусок хлеба для старухи, моей матери, потому что я не хочу видеть, как при мне умрёт мать. Пусть лучше я прежде, а она после меня. Проси и хватай его за колени и ноги. У него также есть старая мать, — чтоб ради её дал хлеба!»

Много всяких чувств пробудилось и вспыхнуло в молодой груди козака.

— Но как же ты здесь? Как ты пришла?

— Подземным ходом.

— Разве есть подземный ход?

— Есть.

— Где?

— Ты не выдашь, рыцарь?

— Клянусь крестом святым!

— Спустишься в яр и перейдя проток, там, где тростник.

— И выходит в самый город?

— Прямо к городскому монастырю.

— Идем, идем сейчас!

— Но, ради Христа и святой Марии, кусок хлеба!

— Хорошо, будет. Стой здесь возле воза или, лучше, ложись на него: тебя никто не увидит, все спят; я сейчас ворочусь.

И он отошёл к возам, где хранились запасы, принадлежавшие их куреню. Сердце его билось. <...>

Он шёл, а биение сердца становилось сильнее, сильнее при одной мысли, что увидит её опять, и дрожали молодые колени. Пришедши к возам, он совершенно позабыл, зачем пришёл: поднёс руку ко лбу и долго тёр его, стараясь припомнить, что ему нужно делать. Наконец вздрогнул, весь исполнен испуга: ему вдруг пришло на мысль, что она умирает от голода. Он бросился к возу и схватил

несколько больших чёрных хлебов себе под руку, но подумал тут же: не будет ли эта пища, годная для дюжего, неприхотливого запорожца, груба и неприлична её нежному сложению. Тут вспомнил он, что вчера кошевой попрекал кашеваров за то, что сварили за один раз всю гречневую муку на саламату, тогда как бы её стало на добрых три раза. В полной уверенности, что он найдёт вдоволь саламаты в казанах¹, он вытащил отцовский походный казанок и с ним отправился к кашевару их куреня, спавшему у двух десятиведерных казанов, под которыми ещё теплилась зола. Заглянувши в них, он изумился, видя, что оба пусты. Нужно было нечеловеческих сил, чтобы всё это съесть, тем более, что в их курене считалось меньше людей, чем в других. Он заглянул в казаны других куреней, — везде ничего. Поневоле пришла ему в голову поговорка: «Запорожцы, как дети: коли мало — съедят, коли много — тоже ничего не оставят». Что делать? Был однако же где-то, кажется, на возу отцовского полка, мешок с белым хлебом, который нашли, ограбивши монастырскую пекарню. Он прямо подошёл к отцовскому возу, но на возе уже его не было: Остап взял его себе под головы и, растянувшись возле на земле, храпел на всё поле. Он схватил мешок одной рукой и дернул его вдруг так, что голова Остапа упала на землю, а он сам вскочил впросонках и, сидя с закрытыми глазами, закричал, что было мочи: «Держите, держите чёртова ляха, да ловите коня, коня ловите!» — «Замолчи, я тебя убью!» — закричал в испуге Андрий, замахнувшись на него мешком. Но Остап и без того уже не продолжал речи, присмирел и пустил такой храп, что от дыхания шевелилась трава, на которой он лежал. Андрий робко оглянулся на все стороны, чтобы узнать, не пробудил ли кого-нибудь из козаков сонный бред Остапа. Одна чубатая голова, точно, приподнялась в ближайшем курене и, поведя очами, скоро опустилась опять на землю. Переждав минуты две, он, наконец, отправился с своею ношею. Татарка лежала, едва дыша. «Вставай, идём! Все спят, не бойся! Подымешь ли ты хоть один из этих хлебов, если мне будет несподручно захватить всё?» Сказав это, он

¹ *Казан* — котёл.

взвалил себе на спину мешки, стащил, проходя мимо одного воза, ещё один мешок с просом, взял даже в руки те хлебы, которые хотел было отдать нести татарке, и, несколько понагнувшись под тяжестью, шёл отважно между рядами спавших запорожцев.

«Андрий!» — сказал старый Бульба в то время, когда он проходил мимо его.

Сердце его замерло. <...>

Андрий стоял ни жив ни мёртв, не имея духа взглянуть в лицо отцу. И потом, когда поднял глаза и посмотрел на него, увидел, что уже старый Бульба спал, положив голову на ладонь.

Он перекрестился. Вдруг отхлынул от сердца испуг ещё скорее, чем прихлынул. Когда же поворотился он, чтобы взглянуть на татарку, она стояла перед ним, подобно тёмной гранитной статуе, вся закутанная в покрывало, и отблеск отдалённого зарева, вспыхнув, озарил только одни её очи, одеревеневшие, как у мертвеца. Он дёрнул за рукав её, и оба пошли вместе, беспрестанно оглядываясь назад, и наконец опустились отлогостью в низменную лощину, — почти яр, называемый в некоторых местах балками, — по дну которой лениво пресмыкался проток, поросший осокой и усеянный кочками. Опустясь в сию лощину, они скрылись совершенно из виду всего поля, занятого запорожским табором. <...> Пробираясь меж тростников, остановились они перед наваленным хворостом и фашиником¹. Отклонив хворост, нашли они род земляного свода — отверстие, мало чем большее отверстия, бывающего в хлебной печи. Татарка, наклонив голову, вошла первая; вслед за нею Андрий, нагнувшись сколько можно ниже, чтобы можно было пробраться с своими мешками, и скоро очутились оба в совершенной темноте.

VI

Андрий едва двигался в тёмном и узком земляном коридоре, следуя за татаркой и таща на себе мешки хлеба. <...> Они перешли через церковь, не замеченные никем, и вышли потом на площадь, бывшую перед нею. Заря уже

¹ Фашиник — прутья; фашина — связка прутьев хвороста, камыша.

давно румянилась на небе: всё возвещало восхождение солнца. <...> Они поворотили в улицы и были остановлены вдруг каким-то беснующимся, который, увидев у Андрия драгоценную ношу, кинулся на него, как тигр, вцепился в него, крича: «Хлеба!» Но сил не было у него, равных бешенству; Андрий оттолкнул его: он полетел на землю. Движимый состраданием, он швырнул ему один хлеб, на который тот бросился, подобно бешеной собаке, изгрыз, искусал его и тут же на улице в страшных судорогах испустил дух от долгой отвычки принимать пищу. Почти на каждом шагу поражали их страшные жертвы голода. <...> При виде сих поражающих свидетельств Андрий не вытерпел не спросить татарку:

— Неужели они, однако ж, совсем не нашли, чем пробавить жизнь? Если человеку приходит последняя крайность, тогда, делать нечего, он должен питаться тем, чем дотоле брезгал; он может питаться теми тварями, которые запрещены законом; всё может тогда пойти в снедь.

— Всё переели, — сказала татарка, — всю скотину. Ни коня, ни собаки, ни даже мыши не найдёшь во всём городе. У нас в городе никогда не водилось никаких запасов; всё привозилось из деревень.

— Но как же вы, умирая такую лютою смертью, всё ещё думаете оборонить город?

— Да, может быть, воевода и сдал бы, но вчера утром полковник, который в Буджаках, пустил в город ястреба с запиской, чтобы не отдавали города; что он идёт на вырубку с полком, да ожидает только другого полковника, чтоб идти обоим вместе. И теперь всякую минуту ждут их... Но вот мы пришли к дому.

<...> Андрий уже было хотел идти прямо в широкую дубовую дверь, украшенную гербом и множеством резных украшений, но татарка дёрнула его за рукав и указала маленькую дверь в боковой стене. <...> Он не помнил, как взошёл и как затворилась за ним дверь. В комнате горели две свечи; лампада теплилась перед образом: под ним стоял высокий столик, по обычаю католическому, со ступеньками для преклонения коленей во время молитвы. Но не того искали глаза его. Он повернулся в другую сторону и увидел женщину, казалось, застывшую и окаменевшую в каком-то быстром движении. <...>

В это время вошла в комнату татарка. Она уже успела нарезать ломтями принесённый рыцарем хлеб, несла его на золотом блюде и поставила перед своею панною. Красавица взглянула на неё, на хлеб и возвела очи на Андрия, — и много было в очах тех. <...>

Она взяла хлеб и поднесла его ко рту...

— Довольно! не ешь больше! Ты так долго не ела, тебе хлеб будет теперь ядовит.

И она опустила тут же свою руку, положила хлеб на блюдо и, как покорный ребенок, смотрела ему в очи... <...> И глаза её вдруг наполнились слезами... <...>

— Отчего же ты так печальна? Скажи мне, отчего ты так печальна?

Бросила прочь она от себя платок, отдернула налезавшие на очи длинные волосы косы своей и вся разлилася в жалостных речах, выговаривая их тихим-тихим голосом. <...>

— Не обманывай, рыцарь, и себя и меня, — говорила она, качая тихо прекрасной головой своей, — знаю, и, к великому моему горю, знаю слишком хорошо, что тебе нельзя любить меня; и знаю я, какой долг и завет твой: тебя зовут твои отец, товарищи, отчизна, а мы — враги тебе.

— А что мне отец, товарищи и отчизна? — сказал Андрий, встряхнув быстро головою и выпрямив весь прямой, как надречная осокорь¹, стан свой. — Так если ж так, так вот что: нет у меня никого! Никого, никого! — повторил он тем голосом и сопроводив его тем движением руки, с каким упругий, несокрушимый козак выражает решимость на дело неслыханное и невозможное для другого. — Кто сказал, что моя отчизна Украина? Кто дал мне её в отчизны? Отчизна есть то, чего ищет душа наша, что милее для неё всего. Отчизна моя — ты! Вот моя отчизна! И понесу я отчизну сию в сердце моём, понесу её, пока станет моего веку, и посмотрю, пусть кто-нибудь из козаков вырвет её оттуда! И всё, что ни есть, продам, отдам, погублю за такую отчизну! <...> В это время вбежала к ним с радостным криком татарка. «Спасены, спасены! — кричала она, не помня себя. — Наши вошли

¹ *Осокорь* — серебристый тополь.

в город, привезли хлеба, пшена, муки и связанных запорожцев». Но не слышал никто из них, какие «наши» вошли в город, что привезли с собою и каких связали запорожцев. <...>

И погиб козак! Пропал для всего козацкого рыцарства! Не видать ему больше ни Запорожья, ни отцовских хуторов своих, ни церкви Божьей! Украине не видать тоже храбрейшего из своих детей, взявшихся защищать её. Вырвет старый Тарас седой клоч волос из своей чупрыны¹ и проклянёт и день, и час, в который породил на позор себе такого сына.

VII

Шум и движение происходили в запорожском таборе. Сначала никто не мог дать верного ответа, как случилось, что войска прошли в город. Потом уже оказалось, что весь Переяславский курень, расположившийся перед боковыми городскими воротами, был пьян мертвецки; стало быть, дивиться нечего, что половина была перебита, а другая перевязана прежде, чем все могли узнать, в чём дело. Покамест ближние курени, разбуженные шумом, успели схватиться за оружие, войско уже уходило в ворота, и последние ряды отстреливались от устремившихся на них в беспорядке сонных и полупротрезвившихся запорожцев. Кошевой дал приказ собраться всем, и, когда все стали в круг и затихли, снявши шапки, он сказал:

— Так вот что, панове братове, случилось в эту ночь. Вот до чего довёл хмель! Вот какое поруганье оказал нам неприятель! У вас, видно, уже такое заведение: коли позволишь удвоить порцию, так вы готовы так натянуться, что враг Христова воинства не только снимет с вас шаровары, но в самое лицо вам начихает, так вы того не услышите.

Козаки все стояли, понутив головы, зная вину; один только незамайновский куренной атаман Кукубенко отозвался.

— Постой, батька! — сказал он, — хоть оно и не в законе, чтобы сказать какое возражение, когда говорит кошевой перед лицом всего войска, да дело не так было,

¹ Чупрына — чуб, хохол на голове.

так нужно сказать. Ты не совсем справедливо попрекнул всё христианское войско. Козаки были бы повинны и достойны смерти, если бы напились в походе, на войне, на трудной, тяжкой работе. Но мы сидели без дела, маячились попусту перед городом. Ни поста, ни другого христианского воздержанья не было: как же может случиться, чтобы на безделье не напился человек? Греха тут нет. А мы вот лучше покажем им, что такое нападать на безвинных людей. Прежде били добре, а уж теперь побьём так, что и пят не унесут домой.

Речь куренного атамана понравилась козакам. Они приподняли уже совсем было понурившиеся головы, и многие одобрительно кивнули головой, примолвивши:

— Добре сказал Кукубенко!

А Тарас Бульба, стоявший недалеко от кошевого, сказал:

— А что, кошевой, видно, Кукубенко правду сказал? Что ты скажешь на это?

— А что скажу? Скажу: блажен и отец, родивший такого сына! Ещё не большая мудрость сказать укорительное слово, но большая мудрость сказать такое слово, которое бы, не поругавшись над бедою человека, ободрило бы его, придало бы духу ему, как шпоры придают духу коню, освежённому водопоем. Я сам хотел вам сказать потом утешительное слово, да Кукубенко догадался прежде.

— Добре сказал и кошевой! — отозвалось в рядах запорожцев. — Доброе слово! — повторили другие. И самые седые, стоявшие, как сизые голуби, и те кивнули головою и, моргнувши седым усом, тихо сказали:

— Добре сказанное слово!

— Слушайте же, панове! — продолжал кошевой. — Брать крепость, карабкаться и подкапываться, как делают чужеземные, немецкие мастера — пусть ей враг прикинется! — и неприлично и не козацкое дело. А судя по тому, что есть, неприятель вошёл в город не с большим запасом; телег что-то было с ним немного. Народ в городе голодный; стало быть, всё съест духом, да и коням тоже сена... уж я не знаю, разве с неба кинет им на вилы какой-нибудь их святой... только про это ещё Бог знает; а ксендзы-то их горазды на одни слова. За тем или за другим, а уж они выйдут из города. Разделяйся же на

три кучи и становись на три дороги перед тремя воротами. Перед главными воротами пять куреней, перед другими по три куреня. Дядькивский и Корсунский курень на засаду! Полковник Тарас с полком на засаду! Тытаревский и Тymoшевский курень на запас с правого бока обо-за! Щербиновский и Стебликивский верхний — с левого боку! Да выбирайтесь из ряда, молодцы, которые позубастее на слово, задирать неприятеля! У ляха пустоголовая натура: брани не вытерпит; и, может быть, сегодня же все они выйдут из ворот. Куренные атаманы, перегляди всякий курень свой: у кого недочёт, пополни его останками Переяславского. <...>

Так распоряжал кошевой, и все поклонились ему в пояс и, не надевая шапок, отправились по своим возам и таборам и, когда уже совсем далеко отошли, тогда только надели шапки. Все начали снаряжаться: пробовали сабли и палаша, насыпали порох из мешков в пороховницы, откатывали и становили возы и выбирали коней. Уходя к своему полку, Тарас думал и не мог придумать, куда девался Андрий, полонили ли его вместе с другими и связали сонного? Только нет, не таков Андрий, чтобы отдаться живым в плен. Между убитыми козаками тоже не было его видно. Задумался крепко Тарас и шёл перед полком. <...>

Наконец повёл он свой полк в засаду и скрылся с ним за лесом, который один был не выжжен ещё козаками. А запорожцы, и пешие, и конные, выступали на три дороги к трем воротам... В городе слышали козацкое движение. Все высыпали на вал, и предстала перед козаками живая картина: польские витязи¹, один другого красивей, стояли на валу. Медные шапки сияли, как солнца, оперённые белыми, как лебедь, перьями. На других были лёгкие шапочки, розовые и голубые, с перегнутыми набекрень верхами; кафтаны с откидными рукавами, шитые и золотом и просто выложенные шнурками; у тех сабли и оружия в дорогих оправах, за которые дорого приплачивались паны, — и много было всяких других убранств. Напереди стоял спесиво в красной шапке, убранной золотом, буджаковский полковник. Грузен был полковник,

¹ Витязь — здесь: воин.

всех выше и толще, и широкий дорогой кафтан в силу облекал его. На другой стороне, почти к боковым воротам, стоял другой полковник, небольшой человек, весь высохший; но малые зоркие очи глядели живо из-под густо наросших бровей, и оборачивался он скоро на все стороны, указывая бойко тонкою, сухою рукою своею, раздавая приказанья; видно было, что, несмотря на малое тело своё, знал он хорошо ратную науку. Недалеко от него стоял хорунжий¹, длинный-длинный, с густыми усами, и, казалось, не было у него недостатка в краске на лице. Любил пан крепкие мёды и добрую пирушку. И много было видно за ним и всякой шляхты², вооружившейся кто на свои червонцы, кто на королевскую казну. <...> Козацкие ряды стояли тихо перед стенами. Не было на них ни на ком золота, только разве кое-где блестело оно на сабельных рукоятях и ружейных оправах. Не любили козаки богато выражаться на битвах; простые были на них кольчуги и свиты, и далеко чернели и червонели чёрные червоноверхие бараньи их шапки.

Два козака выехало вперёд из запорожских рядов: один ещё совсем молодой, другой постарее, оба зубастые на слово, на дело тоже не плохие козаки: Охрим Наш и Мыкыта Голокопытенко. Следом за ними выехал и Демид Попович, коренастый козак, уже давно маячивший на Сечи, бывший под Адрианополем и много натерпевшийся на веку своём: горел в огне и прибежал на Сечь с обсмалённою, почерневшею головою и выгоревшими усами. Но раздобрел вновь Попович, пустил за ухо оселедец³, вырастил усы густые и чёрные, как смоль. И крепок был на едкое слово Попович.

— А, красные жупаны⁴ на всём войске, да хотел бы я знать, красная ли сила у войска?

— Вот я вас! — кричал сверху дюжий полковник, — всех перевяжу! Отдавайте, холопы, ружья и коней. Видели, как перевязал я ваших? Выведите им на вал запорожцев! — И вывели на вал скрученных верёвками запорожцев. Впереди их был куренной атаман Хлеб, без шаровар и

¹ Хорунжий — знаменосец; хоругвь — знамя.

² Шляхта — польское дворянство.

³ Оселедец — прядь волос на темени.

⁴ Жупан — верхняя одежда у поляков и украинцев.

верхнего убранства, — так, как схватили его хмельного. Потупил в землю голову атаман, стыдясь наготы своей перед своими же козаками и что попал в плен, как собака, сонный. И в одну ночь поседела крепкая голова его.

— Не печалься, Хлиб! Выручим! — кричали ему снизу козаки.

— Не печалься, дзурьяка! — отозвался куренной атаман Бородатый. — В том нет вины твоей, что схватили тебя нагого. Беда может быть со всяким человеком; но стыдно им, что выставили тебя на позор, не прикрывши прилично наготы твоей.

— Вы, видно, на сонных людей храброе войско! — говорил, поглядывая на вал, Голокопытенко.

— Вот, погодите, обрежем мы вам чубы! — кричали им сверху.

— А хотел бы я поглядеть, как они нам обрежут чубы! — говорил Попович, поворотившись перед ними на коне. И потом, поглядевши на своих, сказал: — А что ж? Может быть, ляхи и правду говорят. Коли выведет их вот тот, пузатый, им всем будет добрая защита.

— Отчего ж, ты думаешь, будет им добрая защита? — сказали козаки, зная, что Попович, верно, уже готовился что-нибудь сказать.

— А оттого, что позади его упрячется всё войско, и уж чёрта с два из-за его пуза достанешь которого-нибудь копьём!

Все засмеялись козаки. И долго многие из них ещё покачивали головою, говоря: «Ну, уж Попович! Уж коли кому закрутит слово, так только ну...» Да уж и не сказали козаки, что такое «ну».

— Отступайте, отступайте скорей от стен! — закричал кошевой. Ибо ляхи, казалось, не выдержали едкого слова, и полковник махнул рукой.

Едва только посторонились козаки, как грянули с валу картечью. На валу засуетились, показался сам седой воевода на коне. Ворота отворились, и выступило войско. Впереди выехали ровным конным строем шитые гусары. За ними кольчужники, потом латники¹ с копьями, потом

¹ *Латник* — воин, который носит латы; *латы* — металлическая броня, защищавшая грудь и спину воина от удара холодным оружием.

все в медных шапках, потом ехали особняком лучшие шляхтичи, каждый одетый по-своему. Не хотели гордые шляхтичи смешаться в ряды с другими, и у которого не было команды, тот ехал один с своими слугами. Потом опять ряды, и за ними выехал хорунжий; за ним опять ряды, и выехал дюжий полковник; а позади всего уже войска выехал последним низенький полковник. «Не давать им, не давать им строиться и становиться в ряды! — кричал кошевой. — Разом напирайте на них все курени! Оставьте прочие ворота! Тытаревский курень, нападай сбоку! Дядькивский курень, нападай с другого! Напирайте на тыл, Кукубенко и Палывода! Мешайте, мешайте и розните их!» И ударили со всех сторон козаки, сбили и смешали их, и сами смешались. Не дали даже и стрельбы произвести; пошло дело на мечи да на копыя. Все сбились в кучу, и каждому привёл случай показать себя. <...>

И польстился корыстью Бородатый: нагнулся, чтобы снять... дорогие доспехи... И не услышал Бородатый, как налетел на него сзади красноносый хорунжий, уже разбитый им с седла и получивший добрую зазубрину на память. Размахнулся он со всего плеча и ударил его саблей по нагнувшейся шее. <...>

Как плавающий в небе ястреб, давши много кругов сильными крылами, вдруг останавливается распластаный на одном месте и бьёт оттуда стрелой на раскричавшегося у самой дороги самца-перепела, — так Тарасов сын, Остап, налетел вдруг на хорунжего и сразу накиннул ему на шею верёвку. Побагровело ещё сильнее красное лицо хорунжего, когда затянула ему горло жестокая петля: схватился он было за пистолет, но судорожно сведённая рука не могла направить выстрела, и даром полетела в поле пуля. Остап тут же, у его же седла, отвязал шёлковый шнур, который возил с собою хорунжий для вязания пленных, и его же шнуром связал его по рукам и ногам, прицепил конец верёвки к седлу и поволок его через поле, сзывая громко всех козаков Уманского куреня, чтобы шли отдать последнюю честь атаману. Как слышали уманцы, что куренного их атамана Бородатого нет уже в живых, бросили поле битвы и прибежали прибрать его тело; и тут же стали совещаться, кого выбрать в куренные. Наконец сказали: «Да на что совещаться?

Лучше не можно поставить в куренные никого, кроме Бульбенка Остапа. Он, правда, младший всех нас, но разум у него, как у старого человека». Остап, сняв шапку, всех поблагодарил козаков-товарищей за честь, не стал отговариваться ни молодостью, ни молодым разумом, зная, что время военное и не до того теперь, а тут же повёл их прямо на кучу и уж показал им всем, что недаром выбрали его в атаманы. Почувствовали ляхи, что уже становилось дело слишком жарко, отступили и перебежали поле, чтобы собраться на другом конце его. А низенький полковник махнул на стоявшие отдельно, у самых ворот, четыре свежих сотни, и грянули оттуда картечью в козацкие кучи. Но мало кого достали: пули хватили по быкам козацким, дико глядевшим на битву. Взревели испуганные быки, поворотили на козацкий табор, переломали возы и многих перетоптали. Но Тарас в это время, вырвавшись из засады с своим полком, с криком бросился навпереймы¹. Поворотилось назад всё бешеное стадо, испуганное криком, и метнулось на ляшские полки, опрокинуло конницу, всех смяло и рассыпало.

— О, спасибо вам, волы! — кричали запорожцы, — служили всё походную службу, а теперь и военную сослужили! — И ударили с новыми силами на неприятеля.

Много тогда перебили врагов. Многие показали себя: Метельця, Шило, оба Пысаренки, Вовтузенко, и немало было всяких других. Увидели ляхи, что плохо наконец приходит, выкинули хоругвь и закричали отворять городские ворота. Со скрыпом отворились обитые железом ворота и приняли толпившихся, как овец в овчарню, изнурённых и покрытых пылью всадников. Многие из запорожцев погнались было за ними, но Остап своих уманцев остановил, сказавши: «Подальше, подальше, паны братья, от стен! Не годится близко подходить к ним». И правду сказал, потому что со стен грянули и посыпали всем, чем ни попало, и многим досталось. В это время подъехал кошевой и похвалил Остапа, сказавши: «Вот и новый атаман, а ведёт войско так, как бы и старый!» Оглянулся старый Бульба поглядеть, какой там новый атаман, и увидел, что впереди всех уманцев сидел

¹ *Навпереймы* — наперерез.

на коне Остап, и шапка заломлена набекрень, и атаманская палица в руке. «Вишь ты какой!» — сказал он, глядя на него; и обрадовался старей, и стал благодарить всех уманцев за честь, оказанную сыну.

Козаки вновь отступили, готовясь идти к таборам, а на городском валу вновь показались ляхи, уже с изорванными епанчами¹. Запеклася кровь на многих дорогих кафтанах, и пылью покрылися красивые медные шапки.

— Что, перевязали? — кричали им снизу запорожцы.

— Вот я вас! — кричал всё так же сверху толстый полковник, показывая верёвку; и всё ещё не переставали грозить запылённые, изнурённые воины и перекинулись с обеих сторон все бывшие позадорнее бойкими словами.

Наконец, разошлись все. Кто расположился отдыхать, истомившись от боя; кто присыпал землёй свои раны и драл на перевязки платки и дорогие одежды, снятые с убитого неприятеля. Другие же, которые были посвежее, стали прибираться тела и отдавать им последнюю почесть...

VIII

Ещё солнце не дошло до половины неба, как все запорожцы собрались в круги. Из Сечи пришла весть, что татары, во время отлучки козаков, ограбили в ней всё, вырыли скарб, который втайне держали козаки под землёю, избили и забрали в плен всех, которые оставались, и со всеми забранными стадами и табунами направили путь прямо к Перекопу. Один только козак, Максим Голлодуха, вырвался дорогою из татарских рук, заколол мирзу², отвязал у него мешок с цехинами³ и на татарском коне, в татарской одежде полтора дни и две ночи уходил от погони, загнал насмерть коня, пересел дорогою на другого, загнал и того, и уже на третьем приехал в запорожский табор, разведав на дороге, что запорожцы были под Дубном. Только и успел объявить он, что случилось такое зло; но отчего оно случилось, курнули ли оставшиеся запорожцы по козацкому обычаю и пьяными отдались в плен, и как узнали татары место, где был зарыт

¹ *Епанча* — длинный и широкий плащ.

² *Мирза* — татарский князь.

³ *Цехины* — турецкие деньги.

войсковой скарб, — того ничего не сказал он. Сильно истомился козак, распух весь, лицо пожгло и опалило ему ветром; упал он тут же и заснул крепким сном.

В подобных случаях водилось у запорожцев гнаться в ту же минуту за похитителями, стараясь настигнуть их на дороге, потому что пленные как раз могли очутиться на базарах Малой Азии, в Смирне, на Критском острове, и Бог знает, в каких местах не показались бы чубатые запорожские головы. Вот отчего собрались запорожцы. Все до единого стояли они в шапках, потому что пришли не с тем, чтобы слушать по начальству атаманский приказ, но совещаться как равные между собою.

— Давай совет прежде старшие! — закричали в толпе.

— Давай совет кошевой! — говорили другие.

И кошевой снял шапку, уж не так, как начальник, а как товарищ, благодарил всех козаков за честь и сказал:

— Много между нами есть старших и советом умнейших, но, коли меня почтили, то мой совет: не терять, товарищи, времени и гнаться за татаринном. Ибо вы сами знаете, что за человек татарин. Он не станет с награбленным добром ожидать нашего прихода, а мигом размытарит¹ его, так что и следов не найдёшь. Так мой совет: идти. Мы здесь уже погуляли. Ляхи знают, что такое козаки; за веру, сколько было по силам, отместили; корысти же с голодного города не много. Итак, мой совет — идти!

— Идти! — раздалось голосно в запорожских куренях.

Но Тарасу Бульбе не пришлись по душе такие слова, и навесил он ещё ниже на очи свои хмурые, исчерна-белые брови, подобные кустам, повывраставшим по высокому темени горы, которых верхушки вплоть занёс иглистый северный иней.

— Нет, не прав совет твой, кошевой! — сказал он. — Ты не так говоришь. Ты позабыл, видно, что в плену остаются наши, захваченные ляхами? Ты хочешь, видно, чтоб мы не уважили первого, святого закона товарищества, оставили бы собратьев своих на то, чтобы с них с живых содрали кожу или, исчетвертовав на части козацкое тело, развозили бы их по городам и сёлам, как сделали они

¹ Размытарить — растратить.

доселе с гетьманом и лучшими русскими витязями на Украине. Разве мало они поругались и без того над святынею? Что ж мы такое? спрашиваю я всех вас. Что ж за козак тот, который кинул в беде товарища, кинул его, как собаку, пропасть на чужбине? Коли уж на то пошло, что всякий ни во что ставит козацкую честь, позволив себе плюнуть в седые усы свои и попрекнуть себя обидным словом, так не укорит же никто меня. Один остаюсь!

Поколебались все стоявшие запорожцы.

— А разве ты позабыл, бравый полковник, — сказал тогда кошевой, — что у татар в руках тоже наши товарищи, что если мы теперь их не выручим, то жизнь их будет продана на вечное невольничество язычникам, что хуже всякой лютой смерти? Позабыл разве, что у них теперь вся казна наша, добытая христианскою кровью?

Задумались все козаки и не знали, что сказать. Никому не хотелось из них заслужить обидную славу. Тогда вышел вперёд всех старейший годами во всём запорожском войске Касьян Бовдюг. В чести был он от всех козаков; два раза уже был избираем кошевым и на войнах тоже был сильно добрый козак, но уже давно состарёлся и не бывал ни в каких походах; не любил тоже и советов давать никому, а любил старый вояка лежать на боку у козацких кругов, слушая рассказы про всякие бывалые случаи и козацкие походы. Никогда не вмешивался он в их речи, а всё только слушал да прижимал пальцем золу из своей коротенькой трубки, которой не выпускал изо рта, и долго сидел он потом, прижмурив слегка очи, и не знали козаки, спал ли он или всё ещё слушал. Все походы оставался он дома, но сей раз разобрало старого. Махнул рукою по-козацки и сказал: «А не куды пошло! пойду и я: может, в чём-нибудь буду пригоден козачеству!» Все козаки притихли, когда выступил он теперь перед собранием, ибо давно не слышали от него никакого слова. Всякий хотел знать, что скажет Бовдюг.

— Пришла очередь и мне сказать слово, паны братья! — так он начал. — Послушайте, дети, старого. Мудро сказал кошевой; и, как голова козацкого войска, обязанный приберегать его и печись о войсковом скарбе¹, мудрее

¹ Печись о войсковом скарбе — заботиться о войсковом имуществе и казне.

ничего он не мог сказать. Вот что! Это пусть будет первая моя речь! А теперь послушайте, что скажет моя другая речь. А вот что скажет моя другая речь: большую правду сказал и Тарас-полковник, — дай Боже ему побольше веку и чтоб таких полковников было побольше на Украине! Первый долг и первая честь козака есть соблюсти товарищество. Сколько ни живу я на веку, не слышал я, паны братья, чтобы козак покинул где или продал как-нибудь своего товарища. И те и другие нам товарищи; меньше их или больше — всё равно, все товарищи, все нам дороги. Так вот какая моя речь: те, которым милы захваченные татарами, пусть отправляются за татарами, а которым милы полонённые ляхами и не хочется оставлять правого дела, пусть остаются. Кошевой по долгу пойдёт с одною половиною за татарами, а другая половина выберет себе наказного атамана. А наказным атаманом, коли хотите послушать белой головы, не пригоже быть никому другому, как только одному Тарасу Бульбе. Нет из нас никого равного ему в доблести.

Так сказал Бовдюг и затих; и обрадовались козаки, что навёл их таким образом на ум старый. Все вскинули вверх шапки и закричали:

— Спасибо тебе, батько! Молчал, молчал, долго молчал, да вот, наконец, и сказал. Недаром говорил, когда собирался в поход, что будешь пригоден козачеству: так и сделалось.

— Что, согласны вы на то? — спросил кошевой.

— Все согласны! — закричали козаки.

— Стало быть, раде конец?

— Конец раде! — кричали козаки.

— Слушайте же теперь войскового приказа, дети! — сказал кошевой, выступил вперёд и надел шапку, а все запорожцы, сколько их ни было, сняли свои шапки и остались с непокрытыми головами, утупив очи в землю, как бывало всегда между козаками, когда собирался что говорить старший.

— Теперь отделяйтесь, паны братья! Кто хочет идти, ступай на правую сторону; кто остаётся, отходи на левую! Куды бóльшая часть куреня переходит, туды и атаман; коли меньшая часть переходит, приставай к другим куреням.

И все стали переходить, кто на правую, кто на левую сторону. Которого куреня большая часть переходила, туда и куренной атаман переходил; которого малая часть, та приставала к другим куреням; и вышло без малого не поровну на всякой стороне. Захотели остаться: весь почти Незамайновский курень, большая половина Поповичевского куреня, весь Уманский курень, весь Каневский курень, большая половина Стебликивского куреня, большая половина Тymoшевского куреня. Все остальные вызвались идти в догон за татарами. Много было на обеих сторонах дюжих и храбрых козаков. Между теми, которые решились идти вслед за татарами, был Череватый, добрый старый козак, Покотыполе, Лемиш, Прокопович Хома; Демид Попович тоже перешёл туда, потому что был сильно завязаного нрава козак — не мог долго высидеть на месте; с ляхами попробовал уже он дела, хотелось попробовать ещё с татарами. Куренные были: Ностюган, Покрышка, Невылычкий; и много ещё других славных и храбрых козаков захотело попробовать меча и могучего плеча в схватке с татаринoм. Не мало было также сильно и сильно добрых козаков между теми, которые захотели остаться: куренные Демитрович, Кукубенко, Вертыхвист, Балабан, Бульбенко Остап. Потом много было ещё других именитых и дюжих козаков: Вовтузенко, Черевыченко, Степан Гуска, Охрим Гуска, Мыкола Густый, Задорожный, Метельця, Иван Закрутыгуба, Мосий Шило, Дегтяренко, Сыдоренко, Пысаренко, потом другой Пысаренко, потом ещё Пысаренко, и много было других добрых козаков. Все были хожалые, ежжалые; ходили по анатольским берегам, по крымским солончакам и степям, по всем речкам большим и малым, которые впадали в Днепр, по всем заходам и днепровским островам; бывали в молдавской, волошской, в турецкой земле; изъездили всё Чёрное море двухрульными козацкими челнами; нападали в пятьдесят челнов в ряд на богатейшие и превысокие корабли, перетопили немало турецких галер и много-много выстреляли пороху на своём веку. <...> Такие-то были козаки, захотевшие остаться и отмстить ляхам за верных товарищей и Христову веру! Старый козак Бовдюг захотел также остаться с ними, сказавши: «Теперь не такие мои лета, чтобы гоняться за татарами, а тут есть место, где опочить

доброю козацкою смертью. Давно уже просил я у Бога, чтобы, если придется кончать жизнь, то чтобы кончить её на войне за святое и христианское дело. Так оно и случилось. Славнейшей кончины уже не будет в другом месте для старого козака».

Когда отделились все и стали на две стороны в два ряда куренями, кошевой прошёл промеж рядов и сказал:

— А что, панове братове, довольны одна сторона другою?

— Все довольны, батько! — отвечали козаки.

— Ну, так поцелуйтесь же и дайте друг другу прощанье, ибо, Бог знает, приведётся ли в жизни ещё увидеться. Слушайте своего атамана, а исполняйте то, что сами знаете: сами знаете, что велит козацкая честь.

И все козаки, сколько их ни было, перецеловались между собою. Начали первые атаманы и, поведши рукою седые усы свои, поцеловались навкрест и потом взялись за руки и крепко держали руки. Хотел один другого спросить: «Что, пане брате, увидимся или не увидимся?» — да и не спросили, замолчали, — и загадались обе седые головы. А козаки все до одного прощались, зная, что много будет работы тем и другим; но не повершили, однако ж, тотчас разлучиться, а повершили дожидаться тёмной ночной поры, чтобы не дать неприятелю увидеть убыль в козацком войске. Потом все отправились по куреням обедать. После обеда все, которым предстояла дорога, легли отдыхать и спали крепко и долгим сном, как будто чуя, что, может, последний сон доведётся им вкушать на такой свободе. Спали до самого заходу солнечного; а как зашло солнце и немного стемнело, стали мазать телеги. Снарядясь, пустили вперёд возы, а сами, пошاپковавшись¹ ещё раз с товарищами, тихо пошли вслед за возами. Конница чинно, без покрика и посвиста на лошадей, слегка затопотела вслед за пешими, и скоро стало их не видно в темноте. Глухо отдавалась только конская топь да скрып иного колеса, которое ещё не расходилось или не было хорошо подмазано за ночную темнотою.

Долго ещё остававшиеся товарищи махали им издали руками, хотя не было ничего видно. А когда сошли и во-

¹ *Пошайковавшись* — попрощавшись, сняв шапки.

ротились по своим местам, когда увидели при высветивших ясно звёздах, что половины телег уже не было на месте, что многих, многих нет, невесело стало у всякого на сердце, и все задумались против воли, утупивши в землю гульливые свои головы.

Тарас видел, как смутны стали козацкие ряды и, как уныние, неприличное храброму, стало тихо обнимать козацкие головы, но молчал: он хотел дать время всему, чтобы пообыклись они и к унынию, наведенному прощаньем с товарищами. <...>

IX

В городе не узнал никто, что половина запорожцев выступила в погоню за татарами. С магистратской¹ башни приметили только часовые, что потянулась часть возов за лес; но подумали, что козаки готовились сделать засаду; то же думал и французский инженер. А между тем слова кошевого не прошли даром, и в городе оказался недостаток в съестных припасах. По обычаю прошедших веков войска не разочли, сколько им было нужно. Попробовали сделать вылазку, но половина смельчаков была тут же перебита козаками, а половина прогнана в город ни с чем. <...> Полковники... готовились дать сражение. Тарас уже видел то по движенью и шуму в городе и расторопно хлопотал, строил, раздавал приказы и наказания, оставил в три таборы курени, обнёсши их возами в виде крепостей, — род битвы, в которой бывали непобедимы запорожцы; двум куреням повелел забраться в засаду; убил часть поля острыми кольями, изломанным оружием, обломками копьев, чтобы при случае нагнать туда неприятельскую конницу. И когда всё было сделано, как нужно, сказал речь козакам, не для того, чтобы ободрить и освежить их, — знал, что и без того крепки они духом, — а просто самому хотелось высказать всё, что было на сердце.

— Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество. Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была земля наша: и грекам дала знать себя, и с Царьграда брала червонцы, и города были пыш-

¹ *Magistrat* — городское управление.

«Тарас Бульба». Художник Е. Кибрик

ные, и храмы, и князья, князья русского рода, свои князья. <...> Всё взяли бусурманы, всё пропало. Только остались мы, сирые, да, как вдовица после крепкого мужа, сирая так же, как и мы, земля наша! Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вот на чём стоит наше товарищество! Нет уз святее товарищества! Отец любит своё дитя, мать любит своё дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь своё дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей. Вам случалось не одному помногу пропадать на чужбине; видишь, и там люди! также Божий человек, и разговоришься с ним, как с своим; а как дойдёт до того, чтобы поведать сердечное слово, — видишь: нет, умные люди, да не те; такие же люди, да не те! Нет, братцы, так любить, как русская душа, — любить не то, чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал Бог, что ни есть в тебе, а... — сказал Тарас и махнул рукой, и потряс седою головою, и усом моргнул, и сказал: — Нет, так любить никто не может! Знаю, подло завелось теперь на земле нашей; думают только, чтобы при них были хлеб-

ные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребках запечатанные меды их. Перенимают чёрт знает какие бусурманские обычаи: гнушаются языком своим; свой с своим не хочет говорить; свой своего продаёт, как продают бездушную тварь на торговом рынке. Милость чужого короля, да и не короля, а паскудная милость польского магната¹, который жёлтым чоботом² своим бьёт их в морду, дороже для них всякого братства. Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства. И проснется оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело. Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество! Уж если на то пошло, чтобы умирать, — так никому ж из них не доведется так умирать!.. Никому, никому!.. Не хватит у них на то мышинной натуры их!

Так говорил атаман и, когда кончил речь, всё ещё потрясал посеребрившеюся в козацких делах головою. Всех, кто ни стоял, разобрала сильно такая речь, дошел далеко, до самого сердца. Самые старейшие в рядах стали неподвижны, потупив седые головы в землю; слеза тихо накатывалась в старых очах; медленно отирали они её рукавом. И потом все, как будто сговорившись, махнули в одно время рукою и потрясли бывалыми головами. Знать, видно, много напомнил им старый Тарас знакомого и лучшего, что бывает на сердце у человека, умудрённого горем, трудом, удалью и всяким невзгодьем жизни, или хотя и не познавшего их, но много почувствовавшего молодую жемчужною душою на вечную радость старцам-родителям, родившим его.

А из города уже выступало неприятельское войско, выгремливая в литавры и трубы, и, подбоченившись, выезжали паны, окружённые несметными слугами. Толстый полковник отдавал приказы. И стали наступать они тесно на козацкие таборы, грозя, нацеливаясь пищалями, сверкая очами и блеща медными доспехами. Как только уви-

¹ *Магнат* — крупный помещик.

² *Чобот* — сапог.

дели козаки, что подошли они на ружейный выстрел, все разом грянули в семипядные пищали и, не прерывая, всё палили они из пищалей. Далеко понеслось громкое хлопанье по всем окрестным полям и нивам, сливаясь в беспрерывный гул; дымом затянуло всё поле, а запорожцы всё палили, не переводя духу: задние только заряжали да передавали передним, наводя изумление на неприятеля, не могшего понять, как стреляли козаки, не заряжая ружей. Уже не видно было за великим дымом, обнявшим то и другое воинство, не видно было, как то одного, то другого не ставало в рядах; но чувствовали ляхи, что густо летели пули и жарко становилось дело; и когда попытались назад, чтобы посторониться от дыма и оглядеться, то многих не досчитались в рядах своих. А у козаков, может быть, другой-третий был убит на всю сотню. И всё продолжали палить козаки из пищалей, ни на минуту не давая промежутка. Сам иноземный инженер подивился такой, никогда им не виданной тактике, сказавши тут же, при всех: «Вот brave молодцы-запорожцы! Вот как нужно биться и другим в других землях!» И дал совет поворотить тут же на табор пушки. Тяжело ревнули широкими горлами чугунные пушки; дрогнула, далеко загудевши, земля, и вдвое больше затянуло дымом всё поле. Почуяли запах пороха среди площадей и улиц в дальних и крайних городах. Но нацелившие взяли слишком высоко: раскалённые ядра выгнули слишком высокую дугу. Страшно завизжав по воздуху, перелетели они через головы всего табора и углубились далеко в землю, взорвав и взметнув высоко на воздух чёрную землю. Ухватил себя за волосы французский инженер при виде такого искусства и сам принялся наводить пушки, не глядя на то, что жарили и сыпали пулями беспрерывно козаки.

Тарас видел ещё издали, что беда будет всему Незамайновскому и Стебликивскому куреню, и вскрикнул зычно: «Выбирайтесь скорей из-за возов и садись всякий на коня!» Но не успели бы сделать то и другое козаки, если бы Остап не ударил в самую середину; выбил фитили у шести пушкарей, у четырёх только не мог выбить. Отогнали его назад ляхи. А тем временем иноземный капитан сам взял в руку фитиль, чтобы выпалить из величайшей пушки, какой никто из козаков не видывал

дотоле. Страшно глядела она широкою пастью, и тысячи смертей глядело оттуда. И как грянула она, а за нею следом три другие, четырёхкратно потрясши глухо-ответную землю, — много нанесли они горя! Не по одному козаку взрыдает старая мать, ударяя себя костистыми руками в дряхлые перси¹. Не одна останется вдова в Глухове, Немирове, Чернигове и других городах. Будет, сердечная, выбегать всякий день на базар, хватаясь за всех проходящих, распознавая каждого из них в очи, нет ли между их одного, милейшего всех. Но много пройдёт через город всякого войска, и вечно не будет между ними одного, милейшего всех.

Так, как будто и не бывало половины Незамайновского куреня! Как градом выбивает вдруг всю ниву, где, что полновесный червонец, красовался всякий колос, так их выбило и положило.

Как же вскинулись козаки! Как схватились все! Как закипел куренной атаман Кукубенко, увидевши, что лучшей половины куреня его нет! Разом вбился он с остальными своими незамайновцами в самую середину. В гневе иссёк в капусту первого попавшегося, многих конников сбил с коней, доставши копьём и конника и коня, пробрался к пушкарям, и уже отбил одну пушку. А уж там, видит, хлопочет уманский куренной атаман и Степан Гуска уже отбивает главную пушку. Оставил он тех козаков и поворотил с своими в другую неприятельскую гущу. Там, где прошли незамайновцы — так там и улица, где поворотились — так уж там и переулочок! Так и видно, как редели ряды и снопами валились ляхи! А у самых возов Вовтузенко, а спереди Черевиченко, а у дальних возов Дегтяренко, а за ним куренной атаман Вертыхвист. Двух уже шляхтичей поднял на копьё Дегтяренко, да напал, наконец, на неподатливого третьего. Увертлив и крепок был лях, пышной сбруей украшен и пятьдесят одних слуг привёл с собою. Погнул он крепко Дегтяренка, сбил его на землю и уже, замахнувшись на него саблей, кричал:

— Нет из вас, собак-козаков, ни одного, кто бы посмел противустать мне!

¹ Перси — грудь.

— А вот есть же! — сказал и выступил вперёд Мосий Шило. Сильный был он козак, не раз атаманствовал на море и много натерпелся всяких бед. <...>

— Так есть же такие, которые бьют вас, собак! — сказал он, кинувшись на него.

И уж так-то рубились они! И наплечники, и зерцала¹ погнулись у обоих от ударов. Разрубил на нём вражий лях железную рубашку, достав лезвием самого тела: зачервонела козацкая рубашка. Но не поглядел на то Шило, а замахнулся всей жилистой рукою (тяжела была коренастая рука) и оглушил его внезапно по голове. Разлетелась медная шапка, зашатался и грянулся лях, а Шило принялся рубить и крестить оглушённого. Не добивай, козак, врага, а лучше повернись назад! Не повернулся козак назад, и тут же один из слуг убитого хватил его ножом в шею. Повернулся Шило и уж достал было смельчака, но он пропал в пороховом дыме. Со всех сторон поднялось хлопанье из самопалов. Пошатнулся Шило и почувал, что рана была смертельна. Упал он, наложил руку на свою рану и сказал, обратившись к товарищам:

— Прощайте, паны братья, товарищи! Пусть же стоит на вечные времена православная Русская земля и будет ей вечная честь!

И зажмурил ослабевшие свои очи, и вынеслась козацкая душа из сурового тела. А там уже выезжал Задорожный с своими, ломил ряды куренной Вертыхвист и выступал Балабан.

— А что, паны? — сказал Тарас, перекликнувшись с куренными. — Есть ещё порох в пороховницах? Не ослабела ли козацкая сила? Не гнутся ли козаки?

— Есть ещё, батько, порох в пороховницах. Не ослабела ещё козацкая сила; ещё не гнутся козаки!

И напёрли сильно козаки: совсем смешали все ряды. Низкорослый полковник ударил сбор и велел выкинуть восемь малёванных² знамён, чтобы собрать своих, рассыпавшихся далеко по всему полю. Все бежали ляхи к знамёнам; но не успели они ещё выстроиться, как уже ку-

¹ *Зерцало* — здесь: доспехи воина — блестящий металлический нагрудник вместе с наспинником.

² *Малёванный* — разрисованный, расписной.

ренной атаман Кукубенко ударил вновь с своими незамайновцами в середину и напал прямо на толстопузого полковника. Не выдержал полковник и, поворотив коня, пустился вскачь; а Кукубенко далеко гнал его через всё поле, не дав ему соединиться с полком. Завидев то с бокового куреня, Степан Гуска пустился ему навпереймы, с арканом в руке, всю пригнувши голову к лошадиной шее, и, улучивши время, с одного раза накиннул аркан ему на шею. Весь побагровел полковник, ухватясь за верёвку обеими руками и силясь разорвать её, но уже дюжий размах вогнал ему в самый живот гибельную пику. Так и остался он, пригвождённый к земле. Но не сдобровать и Гуске! Не успели оглянуться козаки, как уже увидели Степана Гуску, поднятого на четыре копыя. Только и успел сказать бедняк: «Пусть же пропадут все враги и ликует вечные веки Русская земля!» И там же испустил дух свой. Оглянулись козаки, а уж там, сбоку, козак Метельца угощает ляхов, шеломя¹ того и другого; а уж там, с другого, напирает с своими атаман Невылычкий; а у возов ворочает врага и бьётся Закрутыгуба; а у дальних возов третий Пысаренко отогнал уже целую ватагу. А уж там, у других возов, схватились и бьются на самых возах.

— Что, паны? — перекликнулся атаман Тарас, проехавши впереди всех. — Есть ли ещё порох в пороховницах? Крепка ли козацкая сила? Не гнутса ли ещё козаки?

— Есть ещё, батько, порох в пороховницах; ещё крепка козацкая сила; ещё не гнутса козаки!

А уж упал с воза Бовдюг. Прямо под самое сердце пришлась ему пуля, но собрал старый весь дух свой и сказал: «Не жаль расстаться с светом! Дай Бог и всякому такой кончины! Пусть же славится до конца века Русская земля!» И понеслась к вышинам Бовдюгова душа рассказать давно отошедшим старцам, как умеют биться на Русской земле и, ещё лучше того, как умеют умирать в ней за святую веру.

Балабан, куренной атаман, скоро после него грянулся также на землю. Три смертельные раны достались ему: от копыя, от пули и от тяжёлого палаша. А был один из доблестнейших козаков. <...> Поникнул он теперь голо-

¹ Шеломья (шеломить) — ударяя в бою по шлему.

вою, почуяв предсмертные муки, и тихо сказал: «Сдаётся мне, паны братья, умираю хорошою смертью: семерых изрубил, девятерых копьём исколол. Истоптал конём вдоволь, а уж не припомню, скольких достал пулею. Пусть же цветет вечно Русская земля!..» И отлетела его душа.

Козаки, козаки! не выдавайте лучшего цвета вашего войска! Уже обступили Кукубенка, уже семь человек только осталось из всего Незамайновского куреня; уже и те отбиваются через силу; уже окровавилась на нём одежда. Сам Тарас, увидя беду его, поспешил на выручку. Но поздно подоспели козаки: уже успело ему углубиться под сердце копье прежде, чем были отогнаны обступившие его враги. Тихо склонился он на руки подхватившим его козакам, и хлынула ручьём молодая кровь, подобно дорогому вину, которое несли в стеклянном сосуде из погреба неосторожные слуги, подскользнулись тут же у входа и разбили дорогую сулею¹: всё разлилось на землю вино, и схватил себя за голову прибежавший хозяин, сберегавший его про лучший случай в жизни, чтобы, если приведёт Бог на старости лет встретиться с товарищем юности, то чтобы помянуть бы вместе с ним прежде, иное время, когда иначе и лучше веселился человек... Повёл Кукубенко вокруг себя очами и проговорил: «Благодарю Бога, что довелось мне умереть при глазах ваших, товарищи! Пусть же после нас живут ещё лучше, чем мы, и красуется вечно любимая Христом Русская земля!» И вылетела молодая душа. <...>

— А что, паны? — перекликнулся Тарас с оставшимися куренями. — Есть ли ещё порох в пороховницах? Не иступились ли сабли? Не утомилась ли козацкая сила? Не погнулись ли козаки?

— Достанет ещё, батька, пороху! Годятся ещё сабли; не утомилась козацкая сила; не погнулись ещё козаки!

И рванулись снова козаки так, как бы и потерь никаких не потерпели. Уже три только куренных атамана осталось в живых. Червонели уже всюду красные реки; высоко гатились мосты из козацких и вражьих тел. Взглянул Тарас на небо, а уж по небу потянулась вереница кречетов. Ну, будет кому-то пожива! А уж там под-

¹ Сулея — плоская бутылка; здесь: драгоценный сосуд.

няли на копьё Метельцю. Уже голова другого Пысаренка, завертевшись, захлопала очами. Уже подломился и бухнулся о землю начетверо изрубленный Охрим Гуска. «Ну!» — сказал Тарас и махнул платком. Понял тот знак Остап и ударил сильно, вырвавшись из засады, в конницу. Не выдержали сильного напора ляхи, а он их гнал и нагнал прямо на место, где были убиты в землю копыя и обломки копьев. Пошли спотыкаться и падать кони и лететь через их головы ляхи. А в это время корсунцы, стоявшие последние за возами, увидевши, что уже достанет ружейная пуля, грянули вдруг из самопалов. Все сбились и растерялись ляхи, и приободрились козаки. «Вот и наша победа!» — раздались со всех сторон запорожские голоса, затрубили в трубы и выкинули победную хоругвь. Везде бежали и крылись разбитые ляхи. «Ну, нет, ещё не совсем победа!» — сказал Тарас, глядя на городские стены, и сказал он правду.

Отворились ворота, и вылетел оттуда гусарский полк, краса всех конных полков. Под всеми всадниками были все, как один, бурые аргамаки¹. Впереди перед другими понёсся витязь всех бойчее, всех красивее. Так и летели чёрные волосы из-под медной его шапки; вился завязанный на руке дорогой шарф, шитый руками первой красавицы. Так и оторопел Тарас, когда увидел, что это был Андрий. А он между тем, объятый пылом и жаром битвы, жадный заслужить навязанный на руку подарок, понёсся, как молодой борзый пёс, красивейший, быстрееший и молодший всех в стае. Атукнул на него опытный охотник — и он понёсся, пустив прямой чертой по воздуху свои ноги, весь покосившись на боё всем телом, взрывая снег и десять раз выпереживая самого зайца в жару своего бега. Остановился старый Тарас и глядел на то, как он чистил перед собою дорогу, разгонял, рубил и сыпал удары направо и налево. Не вытерпел Тарас и закричал: «Как?.. Своих?.. Своих, чёртов сын, своих бьёшь?..» Но Андрий не различал, кто перед ним был, свои или другие какие; ничего не видел он...

— Эй, хлопьята! заманите мне только его к лесу, заманите мне только его! — кричал Тарас. И вызвалось

¹ *Аргамак* — восточная породистая верховая лошадь.

тот же час тридцать быстрейших козаков заманить его. И, поправив на себе высокие шапки, тут же пустились на конях прямо наперерез гусарам. Ударили сбоку на передних, сбили их, отделили от задних, дали по гостинцу тому и другому, а Голокопытенко хватил плашмя по спине Андрия, и в тот же час пустились бежать от них, сколько достало козацкой мочи. Как вскинулся Андрий! Как забунтовала по всем жилкам молодая кровь! Ударив острыми шпорами коня, во весь дух полетел он за козаками, не глядя назад, не видя, что позади всего только двадцать человек успело поспевать за ним. А козаки летели во всю прыть на конях и прямо поворотили к лесу. Разогнался на коне Андрий и чуть было уже не настигнул Голокопытенка, как вдруг чья-то сильная рука ухватила за повод его коня. Оглянулся Андрий: перед ним Тарас! Затрясся он всем телом и вдруг стал бледен...

Так школьник, неосторожно задравши своего товарища и получивши за то от него удар линейкою ко лбу, вспыхивает, как огонь, бешеный выскакивает из лавки и гонится за испуганным товарищем своим, готовый разорвать его на части, и вдруг наталкивается на входящего в класс учителя: вмиг притихает бешеный порыв, и упадает бессильная ярость. Подобно ему, в один миг пропал, как бы не бывал вовсе, гнев Андрия. И видел он перед собою одного только страшного отца.

— Ну, что ж теперь мы будем делать? — сказал Тарас, смотря прямо ему в очи. Но ничего не умел на то сказать Андрий и стоял, утупивши в землю очи.

— Что, сынку, помогли тебе твои ляхи?

Андрий был безответен.

— Так продать? продать веру? продать своих? Стой же, слезай с коня!

Покорно, как ребёнок, слез он с коня и остановился ни жив ни мёртв перед Тарасом.

— Стой и не шевелись! Я тебя породил, я тебя и убью! — сказал Тарас и, отступивши шаг назад, снял с плеча ружьё. Бледен, как полотно, был Андрий; видно было, как тихо шевелились уста его и как он произносил чьё-то имя; но это не было имя отчизны, или матери, или братьев — это было имя прекрасной полячки. Тарас выстрелил.

«Тарас Бульба». Художник П. Соколов

Как хлебный колос, подрезанный серпом, как молодой барашек, почуявший под сердцем смертельное железо, повис он головой и повалился на траву, не сказавши ни одного слова.

Остановился сыноубийца и глядел долго на бездыханный труп. Он был и мёртвый прекрасен: мужественное лицо его, недавно исполненное силы и непобедимого для жён очарованья, всё ещё выражало чудную красоту; чёрные брови, как траурный бархат, оттеняли его побледневшие черты. «Чем бы не козак был? — сказал Тарас, — и станом высокий, и чернобровый, и лицо, как у дворяни-

на, и рука была крепка в бою! Пропал, пропал бесславно, как подлая собака!»

— Батько, что ты сделал? Это ты убил его? — сказал подъехавший в это время Остап.

— Я, сынку, — сказал Тарас, кивнувши головою.

Пристально поглядел мёртвому в очи Остап. Жалко ему стало брата и проговорил он тут же:

— Предадим же, батько, его честно земле, чтобы не поругались над ним враги и не растаскали бы его тело хищные птицы.

— Погребут его и без нас! — сказал Тарас, — будут у него плакальщики и утешницы!

И минуты две думал он, кинуть ли его на расхищенье волкам-сыромахам, или пощадить в нём рыцарскую доблесть, которую храбрый должен уважать в ком бы то ни было. Как видит, скачет к нему на коне Голокопытенко: «Беда, атаман, окрепли ляхи, прибыла на подмогу свежая сила!..»

Не успел сказать Голокопытенко, скачет Вовтузенко: «Беда, атаман, новая валит ещё сила!..» Не успел сказать Вовтузенко, Пысаренко бежит уже без коня: «Где ты, батьку? Ищут тебя козаки. Уж убит куренной атаман Невылычкий, Задорожный убит, Черевиченко убит. Но стоят козаки, не хотят умирать, не увидев тебя в очи: хотят, чтобы взглянул ты на них перед смертным часом».

«На коня, Остап!» — сказал Тарас и спешил, чтобы застать ещё козаков, чтобы поглядеть ещё на них и чтобы они взглянули перед смертью на своего атамана. Но не выехали они ещё из лесу, а уж неприятельская сила окружила со всех сторон лес, и меж деревьями везде показались всадники с саблями и копьями. «Остап!.. Остап, не поддавайся!..» — кричал Тарас, а сам, схвативши саблю наголо, начал честить первых попавшихся на все боки. А на Остапа уже наскочило вдруг шестеро; но не в добрый час, видно, наскочило: с одного полетела голова, другой перевернулся, отступивши; угодило копьё в ребро третьего; четвёртый был поотважней, уклонился головой от пули, и попала в конскую грудь горячая пуля, — вздыбился бешеный конь, грянулся о землю и задавил под собою всадника. «Добре, сынку!.. Добре, Остап!.. — кричал Тарас. — Вот я следом за тобою!..»

А сам всё отбивался от наступавших. Рубится и бьётся Тарас, сыплет гостинцы тому и другому на голову, а сам глядит всё вперёд на Остапа, и видит, что уже вновь схватилось с Остапом мало не восьмеро разом. «Остап!.. Остап, не поддавайся!..» Но уж одолевают Остапа; уже один накинул ему на шею аркан, уже вяжут, уже берут Остапа. «Эх, Остап, Остап!.. — кричал Тарас, пробиваясь к нему, рубя в капусту встречаемых и поперечных. — Эх, Остап, Остап!..» Но, как тяжёлым камнем, хватило его самого в ту же минуту. Всё закружилось и перевернулось в глазах его. На миг смешанно сверкнули пред ним головы, копыта, дым, блески огня, сучья с древесными листьями, мелькнувшие ему в самые очи. И грохнулся он, как подрубленный дуб, на землю. И туман покрыл его очи.

Х

— Долго же я спал! — сказал Тарас, очнувшись, как после трудного хмельного сна, и стараясь распознать окружавшие его предметы. Страшная слабость одолевала его члены. Едва метались пред ним стены и углы незнакомой светлицы. Наконец заметил он, что пред ним сидел Товкач и, казалось, прислушивался ко всякому его дыханию.

«Да, — подумал про себя Товкач, — заснул бы ты, может быть, и навеки!» Но ничего не сказал, погрозил пальцем и дал знак молчать.

— Да скажи же мне, где я теперь? — спросил опять Тарас, напрягая ум и стараясь припомнить бывшее.

— Молчи ж! — прикрикнул сурово на него товарищ, — чего тебе ещё хочется знать? Разве ты не видишь, что весь изрублен! Уж две недели, как мы с тобою скачем не переводя духу и как ты в горячке и жару несёшь и городишь чепуху. Вот в первый раз заснул покойно. Молчи ж, если не хочешь нанести сам себе беду.

Но Тарас всё старался и силился собрать свои мысли и припомнить бывшее. «Да ведь меня же схватили и окружили было совсем ляхи? Мне ж не было никакой возможности выбиться из толпы?»

— Молчи ж, говорят тебе, чёртова детина! — закричал Товкач сердито, как нянька, выведенная из терпения, кричит неугомонному повесе-ребенку. — Что пользы знать

тебе, как выбрался? Довольно того, что выбрался. Нашлись люди, которые тебя не выдали, — ну, и будет с тебя! Нам ещё немало ночей скакать вместе. Ты думаешь, что пошёл за простого козака? Нет, твою голову оценили в две тысячи червонных.

— А Остап? — вскрикнул вдруг Тарас, понатужился приподняться и вдруг вспомнил, как Остапа схватили и связали в глазах его и что он теперь уже в ляшских руках. И обнял горе старую голову. Сорвал и сдёрнул он все перевязки ран своих, бросил их далеко прочь, хотел громко что-то сказать — и вместо того понёс чепуху; жар и бред вновь овладели им, и понеслись без толку и связи безумные речи. А между тем верный товарищ стоял перед ним, бранясь и рассыпая без счёту жестокие укорительные слова и упрёки. Наконец схватил он его за ноги и руки, спеленал, как ребёнка, поправил все перевязки, увернул его в воловью кожу, увязал в луки и, прикрепивши верёвками к седлу, помчался вновь с ним в дорогу.

— Хоть неживого, да доведу тебя! Не попусти, чтобы ляхи поглумились над твоей козацкою породою, на куски рвали бы твоё тело да бросали его в воду. Пусть же, хоть и будет орел высмыкать¹ из твоего лоба очи, да пусть же степовой, наш орёл, а не ляшский, не тот, что прилетает из польской земли. Хоть неживого, а доведу тебя до Украины!

Так говорил верный товарищ. Скакал без отдыха дни и ночи и привез его, бесчувственного, в самую Запорожскую Сечь. Там принялся он лечить его неумоимо травами и смачиваньями. <...> Лекарства ли или своя железная сила взяла верх, только он через полтора месяца стал на ноги; раны зажили, и только одни сабельные рубцы давали знать, как глубоко когда-то был ранен старый козак. Однако же заметно стал он пасмурен и печален. Три тяжёлые морщины насунулись на лоб его и уже больше никогда не сходили с него. Оглянулся он теперь вокруг себя: всё новое на Сечи, все перемерли старые товарищи. Ни одного из тех, которые стояли за правое дело, за веру и братство. И те, которые отправились с ко-

¹ *Висмыкать (висмоктать)* — вытянуть; здесь: выклёвывать.

шевым в угон за татарами, и тех уже не было давно: все положили головы, все изгибли, кто, положив на самом бою честную голову, кто от безводья и бесхлебья среди крымских солончаков, кто в плену пропал, не вынесши позора, и самого прежнего кошевого уже давно не было на свете, и никого из старых товарищей; и уже давно поросла травкою когда-то кипевшая козацкая сила. Слышал он только, что был пир, сильный, шумный пир: вся перебита вдребезги посуда; нигде не осталось вина ни капли, расхитили гости и слуги все дорогие кубки и сосуды, — и смутный стоит хозяин дома, думая: «Лучше б и не было того пира». Напрасно старались занять и развеселить Тараса; напрасно бородатые, седые бандуристы, проходя по два и по три, расславляли его козацкие подвиги. Сурово и равнодушно глядел он на всё, и на неподвижном лице его выступала неугасимая горесть, и, тихо, понунив голову, говорил он: «Сын мой! Остап мой!»

<...> Он уходил в луга и степи, будто бы за охотою, но заряд его оставался невыстреленным. И, положив ружьё, полный тоски, садился он на морской берег. Долго сидел он там, понунив голову и всё говоря: «Остап мой, Остап мой!» Перед ним сверкало и расстилалось Чёрное море; в дальнем тростнике кричала чайка; белый ус его серебрился, и слеза капала одна за другою.

И не выдержал наконец Тарас. «Что бы ни было, пойду разведать, что он: жив ли он? в могиле? или уже и в самой могиле нет его? Разведаю во что бы то ни стало!»
<...>

XI

<...> Площадь, на которой долженствовала производиться казнь, нетрудно было отыскать: народ валил туда со всех сторон. <...> Но толпа вдруг зашумела, и со всех сторон раздались голоса: «Ведут... ведут!.. козаки!..»

Они шли с открытыми головами, с длинными чубами; бороды у них были отпущены. Они шли не боязливо, не угрюмо, но с какой-то тихою горделивостью; их платья из дорогого сукна износились и болтались на них ветхими лоскутьями; они не глядели и не кланялись народу. Впереди всех шёл Остап.

Что почувствовал старый Тарас, когда увидел своего Остапа? Что было тогда в его сердце? Он глядел на него из толпы и не проронил ни одного движения его. Они приблизились уже к лобному месту. Остап остановился. Ему первому приходилось выпить эту тяжёлую чашу. Он глянул на своих, поднял руку вверх и произнёс громко: «Дай же, Боже, чтобы все, какие тут ни стоят еретики, не услышали, нечестивые, как мучится христианин! чтобы ни один из нас не промолвил ни одного слова!» После этого он приблизился к эшафоту.

«Добре, сынку, добре!» — сказал тихо Бульба и устал в землю свою седую голову.

Палач сдёрнул с него ветхие лохмотья; ему увязали руки и ноги в нарочно сделанные станки, и... Не будем смущать читателей картиною адских мук, от которых дыбом поднялись бы их волосы. Они были порождение тогдашнего грубого, свирепого века, когда человек вёл ещё кровавую жизнь одних воинских подвигов и закалился в ней душою, не чуя человечества... Остап выносил терзания и пытки, как исполин. Ни крика, ни стону не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему на руках и ногах кости, когда ужасный хряск их послышался среди мёртвой толпы отдалёнными зрителями, когда панянки¹ отворотили глаза свои, — ничто, похожее на стон, не вырвалось из уст его, не дрогнулось лицо его. Тарас стоял в толпе, потупив голову и в то же время гордо приподняв очи, и одобрительно только говорил: «Добре, сынку, добре!»

Но, когда подвели его к последним смертным мукам, казалось, как будто стала подаваться его сила. И повёл он очами вокруг себя: Боже, всё неведомые, всё чужие лица! Хоть бы кто-нибудь из близких присутствовал при его смерти! Он не хотел бы слышать рыданий и сокрушения слабой матери или безумных воплей супруги, исторгающей волосы и бьющей себя в белые груди; хотел бы он теперь увидеть твёрдого мужа, который бы разумным словом освежил его и утешил при кончине. И упал он силою и воскликнул в душевной немощи: «Батько! где ты? Слышишь ли ты?»

¹ Панянка — знатная девица.

«Тарас Бульба». Художник *Е. Кибрик*

— Слышу! — раздалось среди всеобщей тишины, и весь миллион народа в одно время вздрогнул. Часть военных всадников бросилась заботливо рассматривать толпы народа... Но Тараса уже... не было: его и след простыл.

XII

Отыскался след Тарасов. Сто двадцать тысяч козацкого войска показалось на границах Украины. Это уже не была какая-нибудь малая часть или отряд, выступивший на добычу или на угон за татарами. Нет, поднялась вся

нация, ибо переполнилось терпение народа, — поднялась отметить за посмеянье прав своих, за позорное унижение своих нравов, за оскорбление веры предков и святого обычая, за посрамление церквей, за бесчинства чужеземных панов, за угнетенье, за унию, за позорное владычество жидовства на христианской земле — за всё, что копило и сугубило с давних времён суровую ненависть козачков. Молодой, но сильный духом гетьман Острианица предводил всею несметною козацкою силою. Возле был виден престарелый, опытный товарищ его и советник, Гуня. Восемь полковников вели двенадцатитысячные полки. Два генеральные есаула и генеральный бунчужный¹ ехали вслед за гетьманом. Генеральный хорунжий предводил главное знамя; много других хоругвей и знамён развевалось вдали; бунчуковые товарищи несли бунчуки. Много также было других чинов полковых: обозных, войсковых товарищей, полковых писарей и с ними пеших и конных отрядов; почти столько же, сколько было рейстровых козачков, набралось охочекомонных и вольных. Отвсюду поднялись козаки: от Чигирина, от Переяслава, от Батурина, от Глухова, от низовой стороны днепровской и от всех его верховий и островов. Без счёту кони и несметные таборы телег тянулись по полям. И между теми-то козаками, между теми восьмью полками отборнее всех был один полк, и полком тем предводил Тарас Бульба. Всё давало ему перевес пред другими: и преклонные лета, и опытность, и умение двигать своим войском, и сильнейшая всех ненависть к врагам. Даже самим козакам казалась чрезмерною его беспощадная свирепость и жестокость. Только огонь да виселицу определяла седая голова его, и совет его в войсковом совете дышал только одним истреблением. <...>

А что же Тарас? А Тарас гулял по всей Польше с своим полком, выжег восемнадцать местечек, близ сорока костёлов² и уже доходил до Кракова. Много избил он всякой шляхты, разграбил богатейшие и лучшие замки; распечатали и поразливали по земле козаки вековые мёды

¹ Генеральный бунчужный — хранитель бунчука, жезла — символа гетманской власти.

² Костёл — католический храм.

и вина, сохранно сберегавшиеся в панских погребах; изрубили и пережгли дорогие сукна, одежды и утвари, находимые в кладовых. «Ничего не жалейте!» — повторял только Тарас. <...> И такие поминки по Остапе отправлял он в каждом селении, пока польское правительство не увидело, что поступки Тараса были побольше чем обыкновенное разбойничество... Потоцкому поручено было с пятью полками поймать непременно Тараса.

Шесть дней уходили козаки просёлочными дорогами от всех преследований; едва выносили кони необыкновенное бегство и спасали козаков. Но Потоцкий на сей раз был достоин возложенного поручения; неумоимо преследовал он их и настиг на берегу Днестра, где Бульба занял для роздыха оставленную развалившуюся крепость.

Над самой кручей у Днестра-реки виднелась она своим оборванным валом и своими развалившимися останками стен. Щербом и разбитым кирпичом усеяна была верхушка утеса, готовая всякую минуту сорваться и слететь вниз. Тут-то, с двух сторон, прилегающих к полю, обступил его коронный гетьман Потоцкий. Четыре дни бились и боролись козаки, отбиваясь кирпичами и камнями. Но истощились запасы и силы, и решился Тарас пробиться сквозь ряды. И пробились было уже козаки, и, может быть, ещё раз послужили бы им верно быстрые кони, как вдруг среди самого бегу остановился Тарас и вскрикнул: «Стой! выпала люлька с табаком; не хочу, чтобы и люлька досталась вражьи́м ляхам!» И нагнулся старый атаман и стал отыскивать в траве свою люльку с табаком, неотлучную спутницу на морях и на суше, и в походах, и дома. А тем временем набежала вдруг ватага и схватила его под могучие плечи. Двинулся было он всеми членами, но уже не посыпались на землю, как бывало прежде, схватившие его гайдуки¹. «Эх, старость, старость!» — сказал он, и заплакал дебелий² старый козак. Но не старость была виною: сила одолела силу. Мало не тридцать человек повисло у него по рукам и по ногам. «Попалась ворона! — кричали ляхи. — Теперь нужно только придумать, какую бы ему, собаке, лучшую честь воздать».

¹ *Гайдуки* — легковооружённые пехотинцы.

² *Дебелий* — крепкий, большой, грузный.

И присудили, с гетьманского разрешения, сжечь его живого в виду всех. Тут же стояло нагое дерево, вершину которого разбило громом. Притянули его железными цепями к древесному стволу, гвоздём прибили ему руки и, приподняв его повыше, чтобы отовсюду был виден козак, принялись тут же раскладывать под деревом костёр. Но не на костёр глядел Тарас, не об огне он думал, которым собирались жечь его; глядел он, сердечный, в ту сторону, где отстреливались козаки: ему с высоты всё было видно, как на ладони. «Занимайте, хлопцы, занимайте скорее, — кричал он, — горку, что за лесом: туда не подступят они!» Но ветер не донёс его слов. «Вот, пропадут, пропадут ни за что!» — говорил он отчаянно и взглянул вниз, где сверкал Днестр. Радость блеснула в очах его. Он увидел выдвинувшиеся из-за кустарника четыре кормы, собрал всю силу голоса и зычно закричал: «К берегу! к берегу, хлопцы! Спускайтесь подгорной дорожкой, что налево. У берега стоят челны, все забирайте, чтобы не было погони!»

На этот раз ветер дунул с другой стороны, и все слова были услышаны козаками. Но за такой совет достался ему тут же удар обухом по голове, который переверотил всё в глазах его. <...>

Когда очнулся Тарас Бульба от удара и глянул на Днестр, уже козаки были на челнах и гребли вёслами: пули сыпались на них сверху, но не доставали. И вспыхнули радостные очи у старого атамана.

— Прощайте, товарищи! — кричал он им сверху. — Вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь да хорошенько погуляйте! <...>

А уже огонь подымался над костром, захватывал его ноги и разостлался пламенем по дереву... Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!

Немалая река Днестр, и много на ней заводьев, речных густых камышей, отмелей и глубоководных мест; блестит речное зеркало, оглашённое звонким ячаньем¹ лебедей, и гордый гоголь² быстро несётся по нём, и много

¹ Ячанье — стон, жалобный крик лебедей (ячать — стонать, жалобно кликать).

² Гоголь — птица из семейства утиных.

куликов, краснозобых курухтанов¹ и всяких иных птиц в тростниках и на побережьях. Козаки живо плыли на узких двухрульных челнах, дружно гребли вёслами, осторожно минали отмели, всплашивая подымавшихся птиц, и говорили про своего атамана.

Размышляем о прочитанном

1. Какие эпизоды повести показались вам забавными, смешными, какие — печальными, какие — трагическими? При чтении каких глав вы особенно волновались?
2. А. П. Чехов, вспоминая «Тараса Бульбу», назвал Гоголя «царём степи». Чем, по вашему мнению, заслужил писатель столь высокую оценку?
3. Каковы ваши впечатления от описаний степи? Подготовьте небольшой отрывок описания степи для выразительного чтения или для художественного пересказа (т. е. пересказа с максимальным сохранением художественных особенностей прочитанного).
4. Перескажите эпизоды повести, наиболее важные для характеристики Остапа, Андрия, Тараса Бульбы — на выбор. Подумайте над вопросом: каково авторское отношение к каждому герою? Дайте характеристику героям (внешность, характер, поступки). Вам помогут в подготовке и небольшая статья, и план характеристики.
5. «Поэмой о любви к родине» назвал повесть Гоголя В. Г. Белинский. Согласны ли вы с этим суждением?
6. Вместе с родителями ответьте на вопросы кроссворда «Н. В. Гоголь. „Тарас Бульба“» (кроссворд, напечатан в книге В. Я. Коровина «Читаем, думаем, спорим... 7 класс» (М., 2010); с. 89).

Учимся читать выразительно

При подготовке к выразительному чтению понравившегося отрывка из повести вспомните свидетельства о том, как читал сам Гоголь.

«Кто не слышал читавшего Гоголя, — рассказывает В. А. Соллогуб, — тот не знает вполне его произведений. Он придавал им особый колорит своим спокойствием, своим произношением, неуловимыми оттенками насмешливости и комизма, дрожавшими в его голосе и быстро пробежавшими по его оригинальному остроносому лицу, в то время как серые маленькие его глаза добродушно улыбались и он встряхивал всегда падавшими ему на лоб волосами».

¹ *Курухтан* — болотная птица.

Когда Гоголь читал про украинскую ночь, В. А. Соллогуб стоял как заворожённый. С ним творилось удивительное. Он видел, он ощущал синий небосвод, усеянный звёздами, свежесть, благоухание.

Обогащаем свою речь

Какой герой и при каких обстоятельствах произносит приведённые ниже слова: «Терпи, козак, — атаманом будешь!», «Что, сынку, помогли тебе твои ляхи?», «Есть ли ещё порох в пороховницах?»?

Как вы их понимаете? В каких жизненных ситуациях они могут быть произнесены и сегодня?

Творческое задание

Как проявляется в повести её народный характер? В чём сходство героев-запорожцев с былинными богатырями? Подготовьте к выразительному чтению речь Тараса о товариществе. Насколько близки вам мысли, выраженные в ней?

Если вам понравился этот текст, попытайтесь сами подготовить небольшую «речь» — «Обращение к друзьям», в котором выразите свои суждения, своё отношение к чувству дружбы и братства.

Литература и другие виды искусства

Используя ресурсы школьной библиотеки и Интернета, познакомьтесь с иллюстрациями художников к повести «Тарас Бульба». Чьи иллюстрации более полно, по вашему мнению, отражают характеры героев?

Подготовьте собственную иллюстрацию к одному из эпизодов повести или эскиз памятника одному из героев. Эскиз памятника сопроводите письменным аргументированным обоснованием, в котором объясните свой замысел.

Проект

Подготовьте электронную презентацию «Повесть Н. В. Гоголя „Тарас Бульба“ в произведениях книжной графики».

Иван Сергеевич ТУРГЕНЕВ

1818—1883

Внешность Тургенева хорошо известна. Он был очень красив: высокого роста, крепко сложенный, с мягкими седыми кудрями. Глаза его светились умом и не лишены были юмористического огонька, а манеры отличались... простотой и отсутствием аффектации¹... Голова его сразу говорила об очень большом развитии умственных способностей...

П. А. Кропоткин

Иван Сергеевич Тургенев родился в Орле в 1818 году. Детство и все лучшие годы жизни будущий писатель провёл в селе Спасском. Ещё мальчиком он подружился с дворовым человеком Пуниным, первым своим учителем. Под влиянием Пунина, который прекрасно знал русскую литературу, любил и умел читать стихи, в мальчике проснулся поэт.

Время учения Тургенева сначала в пансионе, затем в Московском и Петербургском университетах было временем романтических привязанностей, увлечений, большого интереса к наукам, искусствам: молодёжь зачитывалась Шиллером, вела постоянные споры о добре, красоте, истине. Уже в студенческие годы появились его первые переводы, небольшие поэмы, стихотворения, а в 1847 году и первые рассказы из будущих «Записок охотника», принёсших славу И. С. Тургеневу.

Основной темой «Записок охотника» были взаимоотношения помещиков и крестьян, поруганное человеческое достоинство русского мужика. Писатель выступил как непревзойденный мастер русского пейзажа, который соотносится с душевным состоянием автора и его героев.

¹ *Аффектация* — неестественная возбуждённость в поведении, речи.

Очерки Тургенева были восторженно встречены демократической критикой, общественностью, Белинским и Герценом, Некрасовым и Гончаровым. Зато в правительственных кругах «Записки охотника» вызвали резкое осуждение. Было проведено специальное следствие по поводу того, как цензура могла пропустить такое издание. Сам писатель был арестован и отправлен в ссылку в своё родовое имение, село Спасское-Лутовиново, где провёл около двух лет. Поводом к этому послужил некролог, написанный Тургеневым в связи со смертью Гоголя, но всем было ясно, что главная причина ареста и ссылки — «Записки охотника».

Долгие годы живёт впоследствии писатель вдали от России, но его мысли и сердце всегда с ней. Тургенев глубоко любил свою родину, свой народ, его культуру, его язык. Несмотря на длительное пребывание за границей и отличное знание нескольких иностранных языков, он за всю свою долгую жизнь не написал ни одного произведения на каком-либо другом языке, кроме своего родного.

По П. Г. Пустовойту

«ВСЯ МОЯ БИОГРАФИЯ В МОИХ СОЧИНЕНИЯХ...»

О Тургеневе осталось много воспоминаний, рассказов, среди них есть строгая оценка своего творчества самим писателем и признание его роли народом. И. С. Тургенев вспоминает: «По дороге из деревни в Москву, на одной маленькой станции вышел я на платформу. Вдруг подходят ко мне двое молодых людей... „Позвольте узнать, — спрашивает один из них, — вы будете Иван Сергеевич Тургенев?“ — „Я“. — „Тот самый, что написал «Записки охотника»?“ — „Тот самый“. Они оба сняли шапки и поклонились мне в пояс. „Кланяемся вам, — сказал один из них, — в знак уважения и благодарности от лица всего русского народа“».

Признание Тургенева как первоклассного мастера повести, романа пришло не сразу. Писательский путь Тургенева не был ровным и гладким: ему пришлось пережить немало обид, непонимания, расхождений с друзьями...

Тургеневу хотелось, чтобы его похоронили у ног Пушкина, но считал, что не заслуживает такой чести, и завещал похоро-

нить его рядом с Белинским. «Я — ученик Пушкина, — говорил Тургенев, — и у меня всегда было страстное желание, если напишу что-нибудь хорошее, посвятить памяти Пушкина. Теперь мне 61 год, много вещей уже написано, но я всякий раз говорил себе: нет, ещё рано, вот напишу что-нибудь лучше. И так до сих пор не нашёл ничего достойного его памяти...»

Совершенствуем свою речь

Познакомьтесь с книгой «И. С. Тургенев в воспоминаниях современников». Подготовьте устный рассказ о жизни писателя, используя статью учебника и материалы биографических словарей «Русские писатели XIX века».

Бирюк

Я ехал с охоты вечером один, на беговых дрожках. До дому ещё было вёрст восемь; моя добрая рысистая кобыла бодро бежала по пыльной дороге, изредка похрапывая и шевеля ушами, усталая собака, словно привязанная, ни на шаг не отставала от задних колёс. Гроза надвигалась. Впереди огромная лиловая туча медленно поднималась из-за леса; надо мною и мне навстречу неслись длинные серые облака; ракиты тревожно шевелились и лепетали. Душный жар внезапно сменился влажным холодом; тени быстро густели. Я ударил вожжой по лошади, спустился в овраг, перебрался через сухой ручей, весь заросший лозниками, поднялся в гору и въехал в лес. Дорога вилась передо мною между густыми кустами орешника, уже залитыми мраком; я подвигался вперёд с трудом. Дрожки прыгали по твёрдым корням столетних дубов и лип, беспрестанно пересекавшим глубокие продольные рытвины — следы тележных колёс; лошадь моя начала спотыкаться. Сильный ветер внезапно загудел в вышине, деревья забушевали, крупные капли дождя резко застучали, зашлёпали по листьям, сверкнула молния, и гроза разразилась. Дождь полил ручьями. Я поехал шагом и скоро принуждён был остановиться: лошадь моя вязла, я не видел ни зги. Кое-как приютился я к широкому кусту. Сгорбившись и закутавши лицо, ожидал я тер-

пеливо конца ненастья, как вдруг, при блеске молнии, на дороге почудилась мне высокая фигура. Я стал пристально глядеть в ту сторону, — та же фигура словно выросла из земли подле моих дрожек.

— Кто это? — спросил звучный голос.

— А ты кто сам?

— Я здешний лесник.

Я назвал себя.

— А, знаю! вы домой едете?

— Домой. Да видишь, какая гроза...

— Да, гроза, — отвечал голос.

Белая молния озарила лесника с головы до ног; трескучий и короткий удар грома раздался тотчас вслед за нею. Дождик хлынул с удвоенной силой.

— Не скоро пройдёт, — продолжал лесник.

— Что делать!

— Я вас, пожалуй, в свою избу проведу, — отрывисто проговорил он.

— Сделай одолжение.

— Извольте сидеть.

Он подошёл к голове лошади, взял её за узду и сдёрнул с места. Мы тронулись. Я держался за подушку дрожек, которые колыхались, «как в море челнок», и кликал собаку. Бедная моя кобыла тяжело шлёпала ногами по грязи, скользила, спотыкалась; лесник покачивался перед оглоблями направо и налево, словно привиденье. Мы ехали довольно долго; наконец мой проводник остановился. «Вот мы и дома, барин», — промолвил он спокойным голосом. Калитка заскрипела, несколько щенков дружно залаяло. Я поднял голову и, при свете молнии, увидел небольшую избушку посреди обширного двора, обнесённого плетнём. Из одного окошечка тускло светил огонёк. Лесник довёл лошадь до крыльца и застучал в дверь. «Сичас, сичас!» — раздался тоненький голосок, слышался топот босых ног, засов заскрипел, и девочка, лет двенадцати, в рубашонке, подпоясанная покрывалом, с фонарём в руке, показалась на пороге.

— Посвети барину, — сказал он ей, — а я ваши дрожки под навес поставлю.

Девочка глянула на меня и пошла в избу. Я отправился вслед за ней.

Изба лесника состояла из одной комнаты, закоптелой, низкой и пустой, без полатей и перегородок. Изорванный тулуп висел на стене. На лавке лежало одноствольное ружьё, в углу валялась груда тряпок; два больших горшка стояли возле печи. Лучина горела на столе, печально вспыхивая и погасая. На самой середине избы висела люлька, привязанная к концу длинного шеста. Девочка погасила фонарь, присела на крошечную скамейку и начала правой рукой качать люльку, левой поправлять лучину. Я посмотрел кругом, — сердце во мне заныло; не весело войти ночью в мужицкую избу. Ребёнок в люльке дышал тяжело и скоро.

— Ты разве одна здесь? — спросил я девочку.

— Одна, — произнесла она едва внятно.

— Ты лесникова дочь?

— Лесникова, — прошептала она.

Дверь заскрипела, и лесник шагнул, нагнув голову, через порог. Он поднял фонарь с полу, подошёл к столу и зажёл светильню.

— Чай, не привыкли к лучине? — проговорил он и тряхнул кудрями.

Я посмотрел на него. Редко мне случалось видеть такого молодца. Он был высокого роста, плечист и сложен на славу. Из-под мокрой замашной рубашки выпукло выставлялись его могучие мышцы. Чёрная курчавая борода закрывала до половины его суровое и мужественное лицо; из-под сросшихся широких бровей смело глядели небольшие карие глаза. Он слегка уперся руками в бока и остановился передо мною.

Я поблагодарил его и спросил его имя.

— Меня зовут Фомой, — отвечал он, — а по прозвищу — Бирюк¹.

— А, ты Бирюк?

Я с удвоенным любопытством посмотрел на него. От моего Ермолая и от других я часто слышал рассказы о леснике Бирюке, которого все окрестные мужики боялись, как огня. По их словам, не бывало ещё на свете такого мастера своего дела: «Вязанки хворосту не даст

¹ Бирюком называется в Орловской губернии человек одинокий и угрюмый. —
Примечание И. С. Тургенева.

«Бирюк». Художник П. Соколов

утащить; в какую бы ни было пору, хоть в самую полночь, нагрянет, как снег на голову, и ты не думай сопротивляться, — силён, дескать, и ловок, как бес... И ничем его взять нельзя: ни вином, ни деньгами; ни на какую приманку не идёт. Уж не раз добрые люди его сжить со свету собирались, да нет — не даётся».

Вот как отзывались соседние мужики о Бирюке.

— Так ты Бирюк, — повторил я, — я, брат, слышал про тебя. Говорят, ты никому спуску не даёшь.

— Должность свою справляю, — отвечал он угрюмо, — даром господский хлеб есть не приходится.

Он достал из-за пояса топор, присел на пол и начал колоть лучину.

— Аль у тебя хозяйки нет? — спросил я его.

— Нет, — отвечал он и сильно махнул топором.

— Умерла, знать?

— Нет... да... умерла, — прибавил он и отвернулся.

Я замолчал; он поднял глаза и посмотрел на меня.

— С прохожим мещанином сбежала, — произнёс он с жестокой улыбкой.

Девочка потупилась; ребёнок проснулся и закричал; девочка подошла к люльке.

— На, дай ему, — проговорил Бирюк, сунув ей в руку запачканный рожок. — Вот и его бросила, — продолжал он вполголоса, указывая на ребёнка.

Он подошёл к двери, остановился и обернулся.

— Вы, чай, барин, — начал он, — и нашего хлеба есть не станете, а у меня окромя хлеба...

— Я не голоден.

— Ну, как знаете. Самовар я бы вам поставил, да чаю у меня нету... Пойду посмотрю, что ваша лошадь.

Он вышел и хлопнул дверью. Я в другой раз осмотрелся. Изба показалась мне ещё печальнее прежнего. Горький запах остывшего дыма неприятно стеснял мне дыхание. Девочка не трогалась с места и не поднимала глаз; изредка подталкивала она люльку, робко наводила на плечо спускавшуюся рубашку; её голые ноги висели, не шевелясь.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Улитой, — проговорила она, ещё более понуриив своё печальное личико.

Лесник вошёл и сел на лавку.

— Гроза проходит, — заметил он после небольшого молчанья, — коли прикажете, я вас из лесу провожу.

Я встал. Бирюк взял ружьё и осмотрел полку.

— Это зачем? — спросил я.

— А в лесу шалят... У Кобыльского Верху¹ дерево рубят, — прибавил он в ответ на мой вопрошающий взор.

— Будто отсюда слышно?

— Со двора слышно.

Мы вышли вместе. Дождик перестал. В отдалении ещё толпились тяжёлые громады туч, изредка вспыхивали длинные молнии, но над нашими головами уже виднелось кое-где тёмно-синее небо, звёздочки мерцали сквозь жидкие, быстро летевшие облака. Очерки деревьев, обрызганных дождём и взволнованных ветром, начинали выступать из мрака. Мы стали прислушиваться. Лесник снял шапку и потупился. «Во... вот, — проговорил он вдруг и протянул руку, — вишь, какую ночку выбрал». Я ничего не слышал, кроме шума листьев.

¹ Верхом называется в Орловской губернии овраг. — *Примечание И. С. Тургенева.*

Бирюк вывел лошадь из-под навеса. «А эдак я, пожалуй, — прибавил он вслух, — и прозеваю его». — «Я с тобой пойду... хочешь?» — «Ладно, — отвечал он и попятил лошадь назад, — мы его духом поймаем, а там я вас провожу. Пойдёмте».

Мы пошли: Бирюк впереди, я за ним. Бог его знает, как он узнавал дорогу, но он останавливался только изредка, и то для того, чтобы прислушаться к стуку топора. «Вишь, — бормотал он сквозь зубы, — слышите? слышите?» — «Да где?» Бирюк пожимал плечами. Мы спустились в овраг, ветер затих на мгновение, — мерные удары ясно достигли до моего слуха. Бирюк глянул на меня и качнул головой. Мы пошли далее по мокрому папоротнику и крапиве. Глухой и продолжительный гул раздался...

— Повалил... — пробормотал Бирюк.

Между тем небо продолжало расчищаться; в лесу чуть-чуть светлело. Мы выбрались, наконец, из оврага. «Подождите здесь», — шепнул мне лесник, нагнулся и, подняв ружьё кверху, исчез между кустами. Я стал прислушиваться с напряжением. Сквозь постоянный шум ветра чудились мне недалеко слабые звуки: топор осторожно стучал по сучьям, колеса скрипели, лошадь фыркала... «Куда? стой!» — загремел вдруг железный голос Бирюка. Другой голос закричал жалобно, по-заячьи... Началась борьба. «Врё-ёшь, врё-ёшь, — твердил, задыхаясь, Бирюк: — не уйдёшь...» Я бросился в направлении шума и прибежал, спотыкаясь на каждом шагу, на место битвы. У срубленного дерева, на земле, копошился лесник; он держал под собою вора и закручивал ему кушаком руки на спину. Я подошёл. Бирюк поднялся и поставил его на ноги. Я увидел мужика мокрого, в лохмотьях, с длинной растрёпанной бородой. Дрянная лошадёнка, до половины закрытая угловатой рогожкой, стояла тут же вместе с тележным ходом. Лесник не говорил ни слова; мужик тоже молчал и только головой потряхивал.

— Отпусти его, — шепнул я на ухо Бирюку, — я заплачу за дерево.

Бирюк молча взял лошадь за чёлку левой рукой: правой он держал вора за пояс. «Ну, поворачивайся, ворона!» — промолвил он сурово. — «Топорик-то вон возьмите», — пробормотал мужик. — «Зачем ему пропадать?» —

сказал лесник и поднял топор. Мы отправились. Я шёл позади. Дождик начал опять накрапывать и скоро полил ручьями. С трудом добрались мы до избы. Бирюк бросил пойманную лошаде́нку посреди двора, ввёл мужика в комнату, ослабил узел кушака и посадил его в угол. Девочка, которая заснула было возле печки, вскочила и с молчаливым испугом стала глядеть на нас. Я сел на лавку.

— Эк его, какой полил, — заметил лесник, — переждать придётся. Не хотите ли прилечь?

— Спасибо.

— Я бы его, для вашей милости, в чуланчик запер, — продолжал он, указывая на мужика, — да, вишь, засов...

— Оставь его тут, не трогай, — перебил я Бирюка.

Мужик глянул на меня исподлобья. Я внутренне дал себе слово во что бы то ни стало освободить бедняка. Он сидел неподвижно на лавке. При свете фонаря я мог разглядеть его испитое, морщинистое лицо, нависшие жёлтые брови, беспокойные глаза, худые члены... Девочка улеглась на полу у самых его ног и опять заснула. Бирюк сидел возле стола, опершись головою на руки. Кузнечик кричал в углу... дождик стучал по крыше и скользил по окнам; мы все молчали.

— Фома Кузьмич, — заговорил вдруг мужик голосом глухим и разбитым, — а Фома Кузьмич.

— Чего тебе?

— Отпусти.

Бирюк не отвечал.

— Отпусти... с голодухи... отпусти.

— Знаю я вас, — угрюмо возразил лесник, — ваша вся слобода такая — вор на воре.

— Отпусти, — твердил мужик: — прикащик... разорены... во как... отпусти!

— Разорены!.. Воровать никому не след.

— Отпусти, Фома Кузьмич... не погуби. Ваш-то, сам знаешь, заест, во как.

Бирюк отвернулся. Мужика подёргивало, словно лихорадка его колотила. Он встряхивал головой и дышал неровно.

— Отпусти, — повторял он с унылым отчаяньем, — отпусти, ей-богу, отпусти! я заплачу, во как, ей-богу.

«Бирюк». Гравюра К. Вейермана с рисунка
художника П. Коверзнева

Ей-богу, с голодухи... детки пищат, сам знаешь. Круто, во как, приходится.

— А ты всё-таки воровать не ходи.

— Лошадёнку, — продолжал мужик, — лошадёнку-то, хоть её-то... один живот и есть, отпусти!

— Говорят, нельзя. Я тоже человек подневольный: с меня взыщут. Вас баловать тоже не приходится.

— Отпусти! Нужда, Фома Кузьмич, нужда, как есть того... отпусти!

— Знаю я вас!

— Да отпусти!

— Э, да что с тобой толковать; сиди смирно, а то у меня, знаешь? Не видишь, что ли, барина?

Бедняк потупился... Бирюк зевнул и положил голову на стол. Дождик всё не переставал. Я ждал, что будет.

Мужик внезапно выпрямился. Глаза у него загорелись, и на лице выступила краска. «Ну, на, ешь, на, подавись, на, — начал он, прищурился и опустив углы губ, — на, душегубец окаянный, пей христианскую кровь, пей...»

Лесник обернулся.

— Тебе говорю, тебе, азиат, кровопийца, тебе!

— Пьян ты, что ли, что ругаться вздумал? — заговорил с изумлением лесник. — С ума сошёл, что ли?

— Пьян!.. не на твои ли деньги, душегубец окаянный, зверь, зверь, зверь!

— Ах ты... да я тебя!..

— А мне что? Всё едино — пропадать; куда я без лошади пойду? Пришиби — один конец; что с голоду, что так — всё едино. Пропадай всё: жена, дети, — околевай все... А до тебя, погоди, доберёмся!

Бирюк приподнялся.

— Бей, бей, — подхватил мужик свирепым голосом, — бей, на, на, бей... (Девочка торопливо вскочила с полу и ушла на него.) Бей! Бей!

— Молчать! — загремел лесник и шагнул два раза.

— Полно, полно, Фома, — закричал я: — оставь его, бог с ним.

— Не стану я молчать, — продолжал несчастный. — Всё едино околевать-то. Душегубец ты, зверь, погибели на тебя нету... Да стой, недолго тебе царствовать! затянут тебе глотку, стой!

Бирюк схватил его за плечо... Я бросился на помощь мужику...

— Не троньте, барин! — крикнул на меня лесник.

Я бы не побоялся его угрозы и уже протянул было руку: но, к крайнему моему изумлению, он одним поворотом сдернул с локтей мужика кушак, схватил его за шиворот, нахлобучил ему шапку на глаза, растворил дверь и вытолкнул его вон.

— Убирайся к чёрту с своею лошадьёю! — закричал он ему вслед, — да смотри, в другой раз у меня...

Он вернулся в избу и стал копаться в углу.

— Ну, Бирюк, — промолвил я наконец: — удивил ты меня: ты, я вижу, славный малый.

— Э, полноте, барин, — перебил он меня с досадою, — не извольте только сказывать. Да уж я лучше вас провожу, — прибавил он. — Знать, дождика-то вам не переждать...

На дворе застучали колёса мужицкой телеги.

— Вишь, поплёлся! — пробормотал он, — да я его!.. Через полчаса он простился со мной на опушке леса.

Размышляем о прочитанном

- 1★. Прочитайте описание грозы, которая застала путника в лесу. Какие изобразительные приёмы использует писатель? Сопоставьте описание природы у Гоголя и Тургенева. Расскажите о результатах сравнения.
2. Какая сцена в этом маленьком рассказе может считаться самой важной? Объясните свой выбор. Подготовьте её исполнение в лицах.
3. Как относились мужики ближних деревень к Бирюку? Почему Бирюк отпустил провинившегося мужика и виновен ли мужик? Кто и когда называет героя рассказа Фомой, кто — Фомой Кузьмичом, кто — Бирюком? Как вы объясните это? Как Фома стал «бирюком»? Чем вызван его суровый и нелюдимый характер? Почему рассказ назван «Бирюк»?
4. Как, по вашему мнению, автор относится к героям рассказа «Бирюк»?

Совершенствуем свою речь

1. Опишите (устно) избу лесника. Мы читаем слова охотника: «Я посмотрел кругом, — сердце во мне заныло». Возникло ли у вас такое же чувство при чтении этого текста? Рассмотрите иллюстрации к рассказу. Так ли вы представляли себе героев?
2. Обратите внимание, насколько велико число синонимов к слову «сказал» у Тургенева (возразил, повторял, продолжал, заговорил, подхватил, загремел, закричал и т. д.) Подумайте, что достигается этим. Как через синонимы выражается отношение автора к сказанному и сказавшему?
3. Подготовьте художественный пересказ текста (описание портрета Бирюка или одного дня жизни лесника — на выбор).

Творческое задание

Известны свидетельства современников писателя о том, что в решении Александра II освободить крестьян «Записки охотника» сыграли большую роль.

Сам писатель хотел, чтобы на его памятнике после смерти были выгравированы слова о том, что его книга «Записки охотника» послужила делу освобождения крестьян.

Покажите на примере рассказа «Бирюк» значение подобного произведения в решении отмены крепостного права в России.

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

И. С. Тургенев. «Бирюк»

1. Какие средства выразительного чтения позволяют актёру передать особое, редкое явление природы — грозу в лесу? Какие чувства гроза заставляет пережить рассказчика, читателя и слушателя? К каким событиям подготавливает читателя и слушателя такое начало рассказа?
2. Какие чувства и мысли автора передаёт актёр при чтении описания избы лесника?
3. Как меняются интонации актёра, когда он переходит к описанию внешности лесника?
4. Как вы думаете, почему музыка начинает звучать после восклицания рассказчика: «А, ты Бирюк?!»
5. Как Бирюк разговаривает с барином? Какие черты характера лесника подчёркивает актёр, воспроизводя этот разговор?
6. Какие черты характера Бирюка стремится донести до слушателя актёр, читая диалог лесника и крестьянина-вора?
7. Как реагирует лесник на истошные обвинения и угрозы крестьянина?
8. Какое объяснение неукоснительного исполнения лесником своего долга звучит убедительнее: «Воровать никому не след» или «Я тоже человек подневольный»? Дайте развёрнутый ответ на этот вопрос.

СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ

Стихотворения в прозе — последние произведения И. С. Тургенева. Он много лет собирал заметки, записи и в конце своей жизни издал их под названием «Стихотворения в прозе». Стихотворения в прозе не имеют рифмы, они не записываются так, как мы обычно записываем стихи, но они доносят до нас мысли и чувства писателя.

«Последний день месяца, на тысячу вёрст кругом Россия — родной край» — так начинается лирическое раздумье «Деревня», один из первых опытов Тургенева, составивших со временем целую книгу стихотворений в прозе. Сюда вошли небольшие зарисовки, размышления в образах, микрорассказы, лирические миниатюры, своеобразные «лирические отступления», получившие самостоятельную жизнь.

Русский язык

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!

Близнецы

Я видел спор двух близнецов. Как две капли воды походили они друг на друга всем: чертами лица, их выражением, цветом волос, ростом, складом тела — и ненавидели друг друга непримиримо.

Они одинаково корчились от ярости. Одинаково пылали близко друг на дружку надвинутые до странности схожие лица; одинаково сверкали и грозились схожие глаза; те же самые бранные слова, произнесённые одинаковым голосом, вырывались из одинаково искривлённых губ. Я не выдержал, взял одного за руку, подвёл его к зеркалу и сказал ему:

— Бранись уж лучше тут перед этим зеркалом... Для тебя не будет никакой разницы... но мне-то не так будет жутко.

Два богача

Когда при мне перевозносят богача Ротшильда, который из громадных своих доходов уделяет целые тысячи на воспитание детей, на лечение больных, на призрение старых — я хвалю и умиляюсь. Но, и хваля и умиляясь, не могу я не вспомнить об одном убогом крестьянском семействе, принявшем сироту-племянницу в свой разорённый домишко.

— Возьмём мы Катьку, — говорила баба, — последние наши гроши на неё пойдут, — не на что будет соли добыть, похлёбку посолить...

— А мы её... и не солёную, — ответил мужик, её муж. Далёко Ротшильду до этого мужика.

Размышляем о прочитанном

1. Что говорит Тургенев о русском языке? Почему такие большие надежды возлагает писатель на русский язык?
2. Какую мысль стихотворением «Близнецы» пытается внушить читателю автор?

Учимся читать выразительно

Выучите наизусть одно из стихотворений в прозе и прочитайте его в классе, заключив чтение собственным отзывом на прочитанный текст.

В стихотворении «Два богача» Тургенев сравнивает богача Ротшильда и простого мужика. В чью пользу сравнение и почему?

Творческое задание

Подготовьте устное рассуждение «О богатстве материальном и душевном».

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

И. С. Тургенев. «Русский язык»

Прислушайтесь к музыке, сопровождающей чтение тургеневского стихотворения в прозе. Помогает ли музыка Модеста Петровича Мусоргского полнее прочувствовать мысли и переживания поэта? В чём музыка созвучна содержанию стихотворения?

«Близнецы»

1. Что более всего поразило автора в бранящихся близнецах? Почему ему стало жутко?
2. Как актёр средствами выразительного чтения сумел передать эмоциональное состояние автора?

«Два богача»

1. Когда автор говорит о Ротшильде, он «умиляется». С каким чувством читает эти слова актёр? Нет ли здесь иронии? Есть ли у актёра основание читать с иронией?
2. Как вы охарактеризуете чтение актёром диалога крестьянина и его жены? Сумел ли он передать характеры этих людей?

Воспоминания о Тургеневе характеризуют его и как художника, раскрывают особенности его писательского труда.

Он говорил об этом так: «...писатель не может, не должен поддаваться горю! Он изо всего должен извлекать пользу. Писатель, говорят, человек нервный, он чувствует сильнее других. Но потому-то он и обязан держать себя на узде, обязан решительно всегда наблюдать и себя и других. Ну вот, например, случилось с тобой большое горе, — садись и запиши, то-то и то-то случилось, то-то и то-то испытываю. Горе пройдёт, а превосходная страница останется. Иногда такая страница может сделаться ядром большого творения...»

П. А. Кропоткин записал в своих воспоминаниях о Тургеневе: «Он говорил, как и писал, образами. Желая развить мысль, он прибегал не к аргументам... он пояснял её какой-нибудь сценкой, переданной в такой художественной форме, как будто бы она была взята из его повести».

Есть свидетельства о его мучительной работе над сюжетом, образами, стилем, о его требовательности к себе: «Редко его произведение печаталось прежде, чем он прочтет его кому-нибудь из близких людей, не посоветуется; замечания возбуждали иногда спор, но принимались всегда без признака самолюбивого укола; рукопись потом сверху донизу перечитывалась, исправлялась и часто переписывалась заново», — рассказывал Д. В. Григорович.

Размышляем о прочитанном

1. В чём особенности творческой позиции И. С. Тургенева?
2. Подготовьте на основе прочитанного небольшой диалог о писателе («Разговор о жизни и творчестве Тургенева»).

Совершенствуем свою речь

Объясните значение слов и словосочетаний, введите их в свою речь: *кроткий румянец, могучее светило, окрестные места, малый был неказистым, сомнение, обаяние, держать себя в узде, изумление.*

Николай Алексеевич НЕКРАСОВ

1821—1878

Помнишь ли труб заунывные звуки,
Брызги дождя, полусвет, полутьму?
Плакал твой сын, и холодные руки
Ты согревала дыханьем ему...

«Еду ли ночью по улице тёмной...»

Стихотворение «Еду ли ночью по улице тёмной...» поразило всех своей особенной, пронзительной музыкой, своим горьким сочувствием отверженным. Оно показало — Россия приобретает великого поэта.

Под стихами стояла подпись: Н. Некрасов. Тургенев писал из Парижа: «Скажите от меня Некрасову, что его стихотворение... меня совершенно с ума свело; денно и ночью твержу я это удивительное произведение — и уже наизусть выучил». И разошлась по свету слава Некрасова. Люди разных взглядов приобщались к его огню, воспламеняющему душу.

Николай Алексеевич Некрасов родился на Украине, неподалёку от Винницы, в местечке Немиров. Мальчику не было и трёх лет, когда его отец, ярославский помещик и отставной офицер, перевёз семью в родовое имение Грешнево. Здесь прошло детство — среди яблонь обширного сада, вблизи Волги, которую Некрасов назвал своей колыбелью, и рядом со знаменитой Владимиркой, о которой вспоминал: «... всё, что по ней шло и ехало и было ведомо, начиная с почтовых троек и кончая арестантами, закованными в цепи, в сопровождении конвойных, было постоянной пищей нашего детского любопытства». А ещё была ловля птиц и грибы, крепкая дружба с крестьянской ребятнёй. Младенческие вирши семилетнего стихотворца, посвящённые «любезной маменьке».

На одиннадцатом году — Ярославская гимназия, чтение книг, мечты о славе... Тетрадь лирики и рукопись романа — это уже в семнадцать лет. С ними Некрасов приехал в Петербург: отец велел поступать в полк, а он решил — в университет. Отец лишил его средств. Начинается жизнь впроголодь, нищета.

Некрасов впитал стихию народной лирической поэзии с её демократизмом и простотой. И даже — былинную стихию. Впоследствии уже не народная песня диктовала Некрасову, а Некрасов создавал песни, которые подхватывал и пел народ.

В начале 40-х годов Некрасов сближается с Белинским. Как издатель журнала «Современник» Некрасов привлекает к сотрудничеству Тургенева и Герцена, Л. Н. Толстого, а позднее — М. Е. Салтыкова-Щедрина. В 1856 году вышла книга Некрасова «Стихотворения», куда вошли «Влас» и «Тройка», «Забывшая деревня» и «Несжатая полоса», поэма «Саша».

Он первым в печати прославил декабристов («Дедушка»), самоотверженных жен декабристов («Русские женщины»). Десять лет поэт работал над поэмой «Кому на Руси жить хорошо».

Поэт стремился воспитать новое поколение не в духе раболепства и угодничества, а в духе кровной вражды с общественной неправдой.

История, живая жизнь русской поэзии непредставима без Некрасова, ставшего, как и Пушкин, частью народного сознания, вошедшего в кровь и плоть отечественной культуры.

Вл. Приходько

Творческое задание

А. Т. Твардовский писал о книге стихотворений Некрасова, попавшей к нему в детские годы, как о самой дорогой, «заветной книге».

Есть ли у вас «заветная книга» или «заветное» стихотворение Некрасова? Расскажите о них.

О ПОЭМЕ «РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ»¹

В 1826 году декабристы были сосланы за участие в восстании 1825 года в Сибирь на каторжные работы. Вскоре за многими из них добровольно последовали их жёны: А. Г. Муравьёва, Е. И. Трубецкая, Е. П. Нарышкина, А. В. Розен, М. Н. Волконская и другие. «Жёны сосланных в каторжную работу, —

¹ Поэма «Русские женщины» состоит из двух частей («Княгиня Трубецкая» и «Княгиня М. Н. Волконская»), напечатаны они в 1872—1873 годах в журнале «Отечественные записки».

писал о них впоследствии А. Герцен, — лишались всех гражданских прав, бросали богатство, общественное положение и ехали на целую жизнь неволи в страшный климат Восточной Сибири, под ещё страшнейший гнёт тамошней полиции». Некрасов указал в примечании к «Русским женщинам», что не касается «политической стороны события», но всё-таки он впервые изобразил восстание на Сенатской площади¹. Читатели 70-х годов восторженно приняли обе части поэмы: в этом произведении они увидели отклик на свои собственные стремления и чувства.

Русские женщины

Княгиня Трубецкая²

Поэма

Часть первая

Покоен, прочен и лёгок
На диво слаженный возок;

Сам граф-отец не раз, не два
Его попробовал сперва.

Шесть лошадей в него впрягли,
Фонарь внутри его зажгли.

Сам граф подушки поправлял,
Медвежью полость³ в ноги стлал,
Творя молитву, образок⁴ «
Повесил в правый уголок
И — зарыдал... Княгиня-дочь...
Куда-то едет в эту ночь...

¹ *Сенатская площадь* — одна из площадей Санкт-Петербурга, где происходило восстание декабристов.

² Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая последовала в 1826 году за посланным мужем — декабристом Сергеем Петровичем Трубецким (1790—1860) в Сибирь, где и умерла в 1854 году.

³ *Медвежья полость* — покрывало на ноги в санях, экипаже, карете.

⁴ *Образок* — икона, уменьшительное от «образ».

I

« Да, рвём мы сердце пополам
 Друг другу, но, родной,
 Скажи, что ж больше делать нам?
 Поможешь ли тоской!
 Один, кто мог бы нам помочь,
 Теперь... Прости, прости!
 Благослови родную дочь
 И с миром отпусти!

II

Бог весть, увидимся ли вновь,
 Увы! надежды нет.
 Прости и знай: твою любовь,
 Последний твой завет
 Я буду помнить глубоко
 В далёкой стороне...
 Не плачу я, но нелегко
 С тобой расстаться мне!

III

О, видит Бог!.. Но долг другой,
 И выше и трудней,
 Меня зовёт... Прости, родной!
 Напрасных слёз не лей!
 Далёк мой путь, тяжёл мой путь,
 Страшна судьба моя,
 Но сталью я одеда грудь...
 Гордись — я дочь твоя!..»

Часть вторая

У же два месяца почти
 Бессменно день и ночь в пути
 На диво слаженный возок,
 А всё конец пути далёк!
 Княгинин спутник так устал,
 Что под Иркутском захворал.

«Русские женщины». Княгиня Е. И. Трубецкая.
Художник Н. Бестужев

Два дня прождав его, она
Помчалась далее одна...

Её в Иркутске встретил сам
Начальник городской;
Как мощи¹ сух, как палка прям,
Высокий и седой.
Сползла с плеча его доха²,
Под ней — кресты³, мундир,
На шляпе — перья петуха.
Почтенный бригадир,

¹ *Мощи* — высохшие останки людей, почитаемые Церковью как святые.

² *Доха* — шуба мехом и внутрь, и наружу.

³ *Кресты* — ордена.

Ругнув за что-то ямщика,
Поспешно подскочил
И дверцы прочного возка
Княгине отворил...

Княгиня
(входит в станционный дом)

В Нерчинск! Закладывай скорей!

Губернатор
Пришёл я — встретить вас.

Княгиня
Велите ж дать мне лошадей!

Губернатор
Прошу помедлить час.
Дорога наша так дурна,
Вам нужно отдохнуть...

Княгиня
Благодарю вас! Я сильна...
Уж недалёк мой путь...

Губернатор
Все ж будет вёрст до восьмисот,
А главная беда:
Дорога хуже тут пойдёт,
Опасная езда!..
Два слова нужно вам сказать
По службе, — и притом
Имел я счастье графа знать,
Семь лет служил при нём.
Отец ваш редкий человек
По сердцу, по уму.
Запечатлев в душе навек
Признательность к нему,
К услугам дочери его
Готов я... весь я ваш...

Княгиня

Но мне не нужно ничего!

(отворяя дверь в сени)

Готов ли экипаж?

Губернатор

Покуда я не прикажу,
Его не подадут...

Княгиня

Так прикажите ж! Я прошу...

Губернатор

Но есть зацепка тут:
С последней почтой прислана
Бумага...

Княгиня

Что же в ней:
Уж не вернуться ль я должна?

Губернатор

Да-с, было бы верней.

Княгиня

Да кто ж прислал вам и о чём
Бумагу? что же — там
Шутили, что ли, над отцом?
Он всё устроил сам!

Губернатор

Нет... Не решусь я утверждать.
Но путь ещё далёк...

Княгиня

Так что же даром и болтать!
Готов ли мой возок?

Губернатор

Нет! Я ещё не приказал...
Княгиня! здесь я — царь!
Садитесь! Я уже сказал,
Что знал я графа встарь,
А граф... хоть он вас отпустил
По доброте своей,
Но ваш отъезд его убил...
Вернитесь поскорей!

Княгиня

Нет! что однажды решено —
Исполню до конца!
Мне вам рассказывать смешно,
Как я люблю отца,
Как любит он. Но долг другой,
И выше и святей,
Меня зовет. Мучитель мой!
Давайте лошадей.

Губернатор

Позвольте-с. Я согласен сам,
Что дорог каждый час.
Но хорошо ль известно вам,
Что ожидает вас?
Бесплодна наша сторона,
А та — ещё бедней,
Короче нашей там весна,
Зима — ещё длинней.
Да-с, восемь месяцев зима
Там — знаете ли вы?
Там люди редки без клейма¹,
И те душой черствы;
На воле рыскают кругом
Там только варнаки²;
Ужасен там тюремный дом,
Глубоки рудники.

¹ Клеймо — печать, знак; здесь: клеймо каторжника.

² Варнак — лжец, буян, каторжник.

Вам не придётся с мужем быть
Минуты глаз на глаз:
В казарме общей надо жить,
А пища: хлеб да квас.
Пять тысяч каторжников там,
Озлоблены судьбой,
Заводят драки по ночам,
Убийства и разбой;
Короток им и страшен суд,
Грознее нет суда!
И вы, княгиня, вечно тут
Свидетельницей... Да!
Поверьте, вас не пощадят,
Не сжалятся никто!
Пускай ваш муж — он виноват..
А вам терпеть... за что?

Княгиня

Ужасна будет, знаю я,
Жизнь мужа моего.
Пускай же будет и моя
Не радостней его!

Губернатор

Но вы не будете там жить:
Тот климат вас убьёт!
Я вас обязан убедить,
Не ездите вперёд!
Ах! вам ли жить в стране такой,
Где воздух у людей
Не паром — пылью ледяной
Выходит из ноздрей?
Где мрак и холод круглый год,
А в краткие жары —
Непросыхающих болот
Зловредные пары?
Да... страшный край! Откуда прочь
Бежит и зверь лесной,
Когда стосуточная ночь
Повиснет над страной...

Княгиня

Живут же люди в том краю,
Привыкну я шутя...

Губернатор

Живут? Но молодость свою
Припомните... дитя!
Здесь мать — водицей снеговой,
Родив, омоет дочь,
Малютку грозной бури вой
Баюкает всю ночь,
А будит дикий зверь, рыча
Близ хижины лесной,
Да пурга, бешено стуча
В окно, как домовой.
С глухих лесов, с пустынных рек
Сбирая дань свою,
Окреп туземный человек
С природою в бою.
А вы?..

Княгиня

Пусть смерть мне суждена —
Мне нечего жалеть!..
Я еду! еду! я должна
Близ мужа умереть.

Губернатор

Да, вы умрёте, но сперва
Измучите того,
Чья безвозвратно голова
Погибла. Для него
Прошу: не ездите туда!
Сноснее одному,
Устав от тяжкого труда,
Притти в свою тюрьму,
Притти — и лечь на голый пол
И с чёрствым сухарём
Заснуть... а добрый сон пришёл —
И узник стал царём!

Летя мечтой к родным, к друзьям,
Увидя вас самих,
Проснётся он к дневным трудам
И бодр, и сердцем тих,
А с вами?.. с вами не знаять
Ему счастливых грёз,
В себе он будет сознавать
Причину ваших слёз.

Княгиня

Ах!.. Эти речи побережь
Вам лучше для других.
Всем вашим пыткам не извлечь
Слезы из глаз моих!
Покинув родину, друзей,
Любимого отца,
Приняв обет в душе моей
Исполнить до конца
Мой долг, — я слёз не принесу
В проклятую тюрьму —
Я гордость, гордость в нём спасу,
Я силы дам ему!
Презренье к нашим палачам,
Сознание правоты
Опорой верной будет нам.

Губернатор

Прекрасные мечты!
Но их достанет на пять дней.
Не век же вам грустить?
Поверьте совести моей,
Захочется вам жить.
Здесь чёрствый хлеб, тюрьма, позор,
Нужда и вечный гнёт,
А там балы, блестящий двор,
Свобода и почёт.
Как знать? Быть может, Бог судил —
Понравится другой,
Закон вас права не лишил...

Княгиня

Молчите!.. Боже мой!..

Губернатор

Да, откровенно говорю,
Вернитесь лучше в свет.

Княгиня

Благодарю, благодарю
За добрый ваш совет!
И прежде был там рай земной,
А нынче этот рай
Своей заботливой рукой
Расчистил Николай.
Там люди заживо гниют —
Ходячие гробы...
Что там найду я? Ханжество¹,
Поруганную честь,
Нахальной дряни торжество
И подленькую месть.
Нет, в этот вырубленный лес
Меня не заманят,
Где были дубы до небес,
А нынче пни торчат!
Вернуться? жить среди клевет,
Пустых и тёмных дел?..
Там места нет, там друга нет
Тому, кто раз прозрел!
Нет, нет, я видеть не хочу
Продажных и тупых,
Не покажусь я палачу
Свободных и святых.
Забуть того, кто нас любил,
Вернуться — всё простя?

Губернатор

Но он же вас не пощадил?
Подумайте, дитя:
О ком тоска? к кому любовь?

Княгиня

Молчите, генерал!

¹ Ханжество — от слова «ханжа» — лицемер, прикрывающийся добродетелью; ханжество — лицемерие.

Губернатор

Когда б не доблестная кровь
Текла в вас — я б молчал.
Но если рветесь вы вперёд,
Не веря ничему,
Быть может, гордость вас спасёт...
Достались вы ему
С богатством, с именем, с умом,
С доверчивой душой,
А он, не думая о том,
Что станется с женой,
Увлёкся призраком пустым
И — вот его судьба!..
И что ж?.. бежите вы за ним,
Как жалкая раба!

Княгиня

Нет! я не жалкая раба,
Я женщина, жена!
Пускай горька моя судьба —
Я буду ей верна!
О, если б он меня забыл
Для женщины другой,
В моей душе достало б сил
Не быть его рабой!
Но знаю: к родине любовь
Соперница моя,
И если б нужно было, вновь
Ему простила б я!..

* * *

Княгиня кончила... Молчал
Упрямый старичок.
«Ну, что ж? Велите, генерал,
Готовить мой возок?»
Не отвечая на вопрос,
Смотрел он долго в пол,
Потом в раздумье произнёс:
«До завтра», — и ушёл...

Назавтра тот же разговор,
Просил и убеждал,
Но получил опять отпор
Почтенный генерал.
Все убежденья истощив
И выбившись из сил,
Он долго, важен, молчалив,
По комнате ходил
И, наконец, сказал: «Быть так!
Вас не спасёшь, увы!..
Но знайте: сделав этот шаг,
Всего лишитесь вы!»

— Да что же мне ещё терять?

«За мужем поскакав,
Вы отречение подписать
Должны от ваших прав!»
Старик эффектно замолчал,
От этих страшных слов
Он, очевидно, пользы ждал.
Но был ответ таков:
«У вас седая голова,
А вы ещё дитя!
Вам наши кажутся права
Правами — не шутя.
Нет! ими я не дорожу,
Возьмите их скорей!
Где отречение? Подпишу!
И живо — лошадей!..»

Губернатор

Бумагу эту подписать!
Да что вы?.. Боже мой!
Ведь это значит нищей стать
И женщиной простой!
Всему вы скажете прости,
Что вам дано отцом,
Что по наследству перейти

Должно бы к вам потом!
Права имущества, права
Дворянства потерять!
Нет, вы подумайте сперва —
Зайду я к вам опять!..

* * *

Ушёл и не был целый день...
Когда спустилась тьма,
Княгиня, слабая как тень,
Пришла к нему сама.
Её не принял генерал:
Хворает тяжело...
Пять дней, покуда он хворал,
Мучительных прошло.
А на шестой пришёл он сам
И круто молвил ей:
«Я отпустить не вправе вам,
Княгиня, лошадей!
Вас по этапу поведут
С конвоем...»

Княгиня

Боже мой!
Но так ведь месяцы пройдут
В дороге?..

Губернатор

Да, весной
В Нерчинск придёте, если вас
Дорога не убьёт.
Навряд версты четыре в час
Закованный идёт;
Посередине дня — привал,
С закатом дня — ночлег,
А ураган в степи застал —
Закапывайся в снег!
Да-с, промедленьям нет числа,
Иной упал, ослаб...

Княгиня

Не хорошо я поняла —
Что значит ваш этап?

Губернатор

Под караулом казаков
С оружием в руках,
Этапом водим мы воров
И каторжных в цепях,
Они дорогою шалят,
Того гляди сбегут,
Так их канатом прикрутят
Друг к другу — и ведут.
Трудненок путь! Да вот-с каков:
Отправится пятьсот,
А до нерчинских рудников
И третий не дойдёт!
Они, как мухи, мрут в пути,
Особенно зимой...
И вам княгиня, так идти?..
Вернитесь-ка домой!

Княгиня

О нет! я этого ждала...
Но вы, но вы... злодей!..
Неделя целая прошла...
Нет сердца у людей!
Зачем бы разом не сказать?..
Уж шла бы я давно...
Велите ж партию собирать —
Иду! мне всё равно!..

* * *

«Нет, вы поедете!.. — вскричал
Нежданно старый генерал,
Закрыв рукой глаза —
Как я вас мучил... Боже мой!..
(Из-под руки на ус седой
Скатилась слеза.)

«Русские женщины». Встреча княгини Трубецкой с ссыльными.
Художник Д. Шмаинов

Простите! да, я мучил вас,
Но мучился и сам,
Но строгий я имел приказ
Преграды ставить вам!
И разве их не ставил я?
Я делал всё, что мог,

Перед царём душа моя
Чиста, свидетель Бог!
Осторожным жёстким сухарём
И жизнью взаперти,
Позором, ужасом, трудом
Этапного пути
Я вас старался напугать.
Не испугались вы!
И хоть бы мне не удержать
На плечах головы,
Я не могу, я не хочу
Тиранить больше вас...
Я вас в три дня туда домчу...

(отворяя дверь, кричит)

Эй! запрягать, сейчас!..

Размышляем о прочитанном

1. Прошло почти два столетия после восстания декабристов 1825 года. Как сегодня воспринимаем мы подвиг декабристов и их жён?
2. Каким вы представляли себе тяжкий путь жён декабристов в Сибирь? Какие чувства поэма Некрасова вызвала у вас? Постарайтесь сформулировать тему и идею этого произведения.
3. Найдите в тексте авторские определения «почтенного генерала». Как они характеризуют отношение поэта к этому литературному персонажу?
- 4★. Что говорит княгиня о светском обществе и своём долге? В чём пафос её доводов в разговоре с генералом и какие из них вам кажутся особенно убедительными? В чём их сила?
5. Как словарь героини Некрасова («я не жалкая раба», «гордость», «мой долг» и пр.) характеризует её? Что вы можете сказать об отношении автора к ней?

Учимся читать выразительно

Подготовьте к выразительному чтению начало поэмы до слов — «Гордись — я дочь твоя!» или к инсценированному чтению диалог княгини и генерала, подчеркнув силу духа, мужество, самоотверженность Трубецкой.

Творческое задание

Считаете ли вы поступок княгини Е. И. Трубецкой подвигом? Дайте развёрнутый письменный ответ на этот вопрос.

Прочитайте самостоятельно стихотворение Н. А. Некрасова.

Подумайте, в чём его главная мысль. Какие чувства вызывает оно у вас?

* * *

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашёл я на Сенную¹;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.

Ни звука из её груди,
Лишь бич свистал, играя...
И музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Н. А. Некрасов. «Русские женщины»

1. В первой части поэмы автор воссоздаёт картину прощания княгини Трубецкой с отцом. Старый граф молчит, поэт не говорит о его чувствах, но нам понятно состояние графа, мы догадываемся о его мыслях. Как поэту удалось показать переживания отца, провожающего дочь в страшные каторжные края? Как актриса помогает нам понять мысли и чувства графа?
2. Как вы считаете, почему княгиня в сцене прощания спокойна, непоколебимо уверена в верности выбранного решения? Может быть, период терзаний, сомнений уже пережит? Даёт ли основания для таких предположений своим чтением актриса?
3. Вторая часть поэмы — долгий, многодневный диалог губернатора и княгини. Актёру удалось создать психологически сложный образ старого генерала. В чём противоречивость ситуации, в которой оказался генерал? Долг или сострадание заставляют его отговаривать, убеждать княгиню вернуться?

¹ *Сенная* — рыночная площадь в Санкт-Петербурге.

4. Как актёр средствами художественного чтения сумел передать борьбу, развитие чувств, переживаемых генералом в ходе диалога с княгиней?
5. Подготовьте выразительное чтение фрагмента диалога губернатора и княгини Трубецкой. Постарайтесь при этом выразить ваше личное отношение к героям поэмы.

Размышления у парадного подъезда

Вот парадный подъезд. По торжественным
дням,

Одержимый холопским недугом,
Целый город с каким-то испугом
Подъезжает к заветным дверям;
Записав свое имя и званье,
Разъезжаются гости домой,
Так глубоко довольны собой,
Что подумашь — в том их призванье!
А в обычные дни этот пышный подъезд
Осаждают убогие лица:
Прожектёры, искатели мест,
И преклонный старик, и вдовица.
От него и к нему то и знай по утрам
Всё курьеры с бумагами скачут.
Возвращаясь, иной напевает «трам-трам»,
А иные просители плачут.

Раз я видел, сюда мужики подошли,
Деревенские русские люди,
Помолились на церковь и стали вдали,
Свесив русые головы к груди;
Показался швейцар. «Допусти», говорят
С выраженьем надежды и муки.
Он гостей оглядел: некрасивы на взгляд!
Загорелые лица и руки,
Армячишка худой на плечах,
По котомке на спинах согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах,
В самодельные лапти обутых
(Знать, брели-то долгонько они
Из каких-нибудь дальних губерний).

Кто-то крикнул швейцару: «Гони!
Наш не любит оборванной черни!»
И захлопнулась дверь. Постояв,
Развязали кошли пилигримы,
Но швейцар не пустил, скудной лепты

не взяв,

И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: «суди его бог!»
Разводя безнадёжно руками,
И, покуда я видеть их мог,
С непокрытыми шли головами...

А владелец роскошных палат
Еще сном был глубоким объят...
Ты, считающий жизнью завидною
Упоение лестью бесстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть ещё наслаждение:
Вороти их! в тебе их спасение!
Но счастливые глухи к добру...

Не страшат тебя громы небесные,
А земные ты держишь в руках,
И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах.

Что тебе эта скорбь вопиющая,
Что тебе этот бедный народ?
Вечным праздником быстро бегущая
Жизнь очнуться тебе не даёт.
И к чему? Щелкоперов забавою
Ты народное благо зовёшь;
Без него проживёшь ты со славою,
И со славой умрёшь!
Безмятежней аркадской идиллии
Закатятся преклонные дни:
Под пленительным небом Сицилии,
В благовонной древесной тени,
Созерцая, как солнце пурпурное
Погружается в море лазурное,
Полосами его золотя, —
Убаюканный ласковым пением

«Размышления у парадного подъезда». Художник А. Лебедев

Средиземной волны, — как дитя
Ты уснёшь, окружён попечением
Дорогой и любимой семьи
(Ждущей смерти твоей с нетерпением);
Привезут к нам останки твои,
Чтоб почтить похоронную тризною,

И сойдёшь ты в могилу... герой,
Втихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалой!..

Впрочем, что ж мы такую особу
Беспокою для мелких людей?
Не на них ли нам выместить злобу?
Безопасней... Ещё веселей
В чём-нибудь приискать утешенье...
Не беда, что потерпит мужик:
Так ведущее нас провиденье
Указало... да он же привык!
За заставой, в харчевне убогой
Всё пропьют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой,
И застонут... Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
Выдь на Волгу: чей стон раздаётся
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовётся —
То бурлаки идут бечевою!..
Волга! Волга! Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля, —
Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснёшься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуюсь закону,

Всё, что мог, ты уже совершил, —
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?..

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А. Я. ПАНАЕВОЙ

Стихотворение «Размышления у парадного подъезда» было написано Некрасовым, когда он находился в хандре. Он лежал тогда целый день на диване, почти ничего не ел и никого не принимал.

Накануне того дня, как было написано это стихотворение, я заметила Некрасову, что давно уже не было его стихотворений в «Современнике».

— У меня нет желания писать стихи для того, чтобы прочесть двум-трём лицам и спрятать их в ящик письменного стола... Да и такая пустота в голове: никакой мысли подходящей нет, чтобы написать что-нибудь.

На другое утро я встала рано и, подойдя к окну, заинтересовалась крестьянами, сидевшими на ступеньках лестницы парадного подъезда в доме, где жил министр государственных имуществ.

Была глубокая осень, утро было холодное и дождливое. По всем вероятностям, крестьяне желали подать какое-нибудь прошение и спозаранку явились к дому. Швейцар, выметая лестницу, прогнал их; они укрылись за выступом подъезда и переминались с ноги на ногу, прижавшись у стены и промокая на дожде.

Я пошла к Некрасову и рассказала ему о виденной мною сцене. Он подошёл к окну в тот момент, когда дворники дома и городской гнали крестьян прочь, толкая их в спину. Некрасов сжал губы и нервно пощипывал усы; потом быстро отошёл от окна и улегся опять на диване. Часа через два он прочёл мне стихотворение «У парадного подъезда».

Размышляем о прочитанном

Прочитайте стихотворение «Размышления у парадного подъезда», подготовьтесь к выразительному чтению текста наизусть, ответьте на вопросы.

1. Против кого направлен гнев поэта? Какие чувства хочет разбудить в читателе Некрасов?

- 2★. О сцене у парадного подъезда рассказала поэту А. Я. Панаева, его жена. Как вы думаете, только ли этот конкретный эпизод изображён поэтом? Подготовьте устный ответ, подкрепив его цитатами из текста и высказав свои суждения об иллюстрациях к стихотворению.

Совершенствуем свою речь

Как вы понимаете слова и строки стихотворения: *одержимый холотским недугом, заветным дверям, пышный подъезд, убаюканный ласковым пением*? Почему Некрасов много раз повторяет слова «стон», «стонет»? Что этим достигается?

Алексей Константинович ТОЛСТОЙ

1817—1875

Из троих Толстых, которых выдвинула русская литература, имя самого старшего из них — Алексея Константиновича Толстого — для широкого читателя остаётся наименее известным. И это при том, что, например, его знаменитая драма «Царь Фёдор Иоаннович» около ста лет не сходит со сцены, едва ли не половина его стихотворений звучит в музыке крупнейших композиторов (Чайковского, Мусоргского, Рахманинова).

Алексей Константинович Толстой родился в Петербурге, его мать была внучкой знаменитого гетмана Украины Кирилла Разумовского, отец, граф Константин Петрович, принадлежал к знаменитому роду Толстых. Ещё в детстве Алексея Константиновича поражали стихотворения знаменитых поэтов. По его словам, он «с шестилетнего возраста стал мараить бумагу и писать стихи». Художественное развитие его шло под руководством дяди, А. А. Перовского, псевдоним которого — Антоний Погорельский (им опубликованы «Лафертовская маковница», «Чёрная курица, или Подземные жители» и т. д.).

В 1827 году Толстой вместе с матерью впервые побывал в Германии, посетил Веймар, познакомился с Гёте. В 1831 году дядя везёт племянника в Италию.

Позднее А. К. Толстой напишет: «В очень короткое время я научился отличать прекрасное от посредственного, я выучил имена всех живописцев, всех скульпторов». Он свободно владел несколькими языками, работал в главном Московском архиве, в департаменте хозяйственных и счётных дел.

Началом литературной деятельности можно считать опубликованную в 1841 году в Петербурге повесть «Упырь», стихотворений своих он не печатал до 1854 года. Позднее появились

знаменитые стихи «Колокольчики мои...», «Средь шумного бала...», исторические баллады «Василий Шибанов», «Князь Михайло Репнин», началась работа над романом «Князь Серебряный». Перовский показывал стихи своего племянника Пушкину, Жуковскому. Современники одобряли литературные опыты молодого поэта.

Интерес Толстого к исторической эпохе Ивана Грозного, отражённой им в балладах, не случаен. Он считал, что она, эта эпоха, глубже всего отразила все отрицательные последствия, которыми сопровождался процесс централизации государственной власти на Руси.

В балладе «Василий Шибанов» деспотическое начало воплощено в образе Ивана Грозного. Грозный сокрушил последние остатки аристократической оппозиции.

В 50-е годы Толстой окончательно сложился как писатель, в круг его близких знакомых входят Гончаров, Тургенев, Фет, Аксаковы и др.

Толстой был прирождённым пейзажистом. Талант его виден во всех стихах. В лирике 50-х годов искусство Толстого-пейзажиста достигло высочайшего уровня.

Последние годы жизни Толстой проводит в своём имении в селе Красный Рог.

Лучшие его произведения этой поры — исторические баллады и поэмы. 28 сентября 1875 года поэт умер.

Известно, что каждая эпоха «прочитывает» литературное произведение по-своему. А. К. Толстой уже прошёл через несколько таких эпох.

При жизни он был одним из самых «спорных» писателей. Хвалили за мастерство, упрекали за скудность содержания, яростно спорили с ним по какому-нибудь актуальному общественно-политическому вопросу. После его смерти полтора десятилетия о нём почти не вспоминали. Потом пришло признание, широкое, устойчивое, прочное...

По Л. Емельянову

Размышляем о прочитанном

Прочитайте два произведения А. К. Толстого. Подумайте, к какому жанру их можно отнести? Обоснуйте свой ответ.

Василий Шибанов

Князь Курбский от царского гнева бежал,
С ним Васька Шибанов, стремянный.
Дороден был князь, конь измученный пал.
Как быть среди ночи туманной?
Но рабскую верность Шибанов храня,
Свое отдаёт воеводе коня:
«Скачи, князь, до вражьего стану,
Авось я пешой не отстану».

И князь доскакал. Под литовским шатром
Опальный сидит воевода,
Стоят в изумленье литовцы кругом,
Без шапок толпятся у входа,
Всяк русскому витязю честь воздаёт:
Недаром дивится литовский народ,
И ходят их головы кругом:
«Князь Курбский нам сделался другом».

Но князя не радует новая честь,
Исполнен он желчи и злобы;
Готовится Курбский царю перечесть
Души оскорблённой зазнобы¹:
«Что долго в себе я таю и ношу,
То всё я пространно к царю напишу,
Скажу напрямик, без изгиба,
За все его ласки спасибо».

И пишет боярин всю ночь напролёт,
Перо его местию дышит,
Прочтет, улыбнётся, и снова прочтёт,
И снова без отдыха пишет,
И злыми словами язвит он царя,
И вот уж, когда занялася заря,
Поспело ему на отраду
Послание, полное яду.

Но кто ж дерзновенные князя слова
Отвезть Иоанну возьмётся?

¹ *Зазнобы* — здесь: печали, огорчения.

Кому не любя на плечах голова,
Чье сердце в груди не сожмётся?
Невольно сомненья на князя нашли...
Вдруг входит Шибанов, в поту и в пыли:
«Князь, служба моя не нужна ли?
Вишь, наши меня не догнали!»

И в радости князь посылает раба,
Торопит его в нетерпенье:
«Ты телом здоров, и душа не слаба,
А вот и рубли в награжденье!»
Шибанов в ответ господину: «Добро!
Тебе здесь нужнее твоё серебро,
А я передам и за муки
Письмо твоё в царские руки».

Звон медный несётся, гудит над Москвой:
Царь в смиренной одежде трезвонит;
Зовёт ли обратно он прежний покой
Иль совесть навеки хоронит?
Но часто и мерно он в колокол бьёт,
И звону внимает московский народ,
И молится, полный боязни,
Чтоб день миновался без казни.

В ответ властелину гудят терема,
Звонит с ним и Вяземский лютый,
Звонит всей опрични¹ кромешная тьма,
И Васька Грязной, и Малюта,
И тут же, гордяся своею красой,
С девичьей улыбкой, с змеиной душой,
Любимец звонит Иоаннов,
Отверженный богом Басманов².

¹ *Опрична* (*опричина* — от слова «опричь» — кроме; отсюда их название «кромешники», «кромешная тьма») — введённая Иваном Грозным система сыска и наказания; особое войско телохранителей и карателей, которое обладало неограниченной властью в борьбе с «изменой», что привело к массовым казням ни в чём не повинных людей.

² А. И. Вяземский, В. Г. Грязной, Г. Л. Малюта (Скуратов-Бельский), А. Д. Басманов — наиболее известные опричники, фамилии которых сохранились в документах и преданиях того времени.

Царь кончил; на жезл опираясь, идет,
И с ним всех окольных¹ собранье.
Вдруг едет гонец, раздвигает народ,
Над шапкою держит посланье.
И спрянул с коня он поспешно долой,
К царю Иоанну подходит пешой
И молвит ему, не бледнея:
«От Курбского, князя Андрея!»

И очи царя загорелися вдруг:
«Ко мне? От злодея лихого?»
Читайте же, дьяки, читайте мне вслух
Посланье от слова до слова!
Подай сюда грамоту, дерзкий гонец!»
И в ногу Шибанова острый конец
Жезла своего он вонзает,
Налег на костыль — и внимает:

«Царю, прославляему древле от всех,
Но тонущу в сквернах обильных!
Ответствуй, безумный, каких ради грех
Побил еси добрых и сильных?
Ответствуй, не ими ль, среди тяжкой войны,
Без счёта твердыни врагов сражены?
Не их ли ты мужеством славен?
И кто им бысть верностью равен?»

Безумный! Иль мнишишь бессмертнее нас,
В небытную ересь² прельщённый?
Внимай же! Приидет возмездия час,
Писанием³ нам предречённый,
И аз, иже⁴ кровь в непрестанных боях
За тя, аки⁵ воду, лях⁶ и лях,
С тобой пред судьёю⁷ предстану!»
Так Курбский писал к Иоанну.

¹ *Окольные* — приближённые.

² *Ересь* — отступление от принятой веры; раскол или отщепенство, отступничество.

³ *Писание* — Священное Писание.

⁴ *Аз, иже...* — Я, который...

⁵ *За тя, аки* — за тебя, как...

⁶ *Лях* — лил (кровь).

⁷ *Судья* — здесь: Бог.

Шибанов молчал. Из пронзённой ноги
Кровь алым струилася током,
И царь на спокойное око слуги
Взирал испытующим оком.
Стоял неподвижно опричников ряд;
Был мрачен владыки загадочный взгляд,
Как будто исполнен печали;
И все в ожиданье молчали.

И молвил так царь: «Да, боярин твой прав,
И нет уж мне жизни отрадной,
Кровь добрых и сильных ногами поправ,
Я пёс недостойный и смрадный!
Гонец, ты не раб, но товарищ и друг,
И много, знать, верных у Курбского слуг,
Что выдал тебя за бесценок!
Ступай же с Малютой в застенок!»

Пытают и мучат гонца палачи,
Друг к другу приходят на смену:
«Товарищей Курбского ты уличи,
Открой их собачью измену!»
И царь вопрошает: «Ну что же гонец?
Назвал ли он вора друзей наконец?»
«Царь, слово его всё едино:
Он славит своего господина!»

День меркнет, приходит ночная пора,
Скрыпят у застенка ворота,
Заплечные входят опять мастера¹,
Опять зачалася работа.
«Ну что же, назвал ли злодеев гонец?»
«Царь, близок ему уж приходит конец,
Но слово его всё едино,
Он славит своего господина:

«О князь, ты, который предать меня мог
За сладостный миг укоризны,
О князь, я молю, да прости тебе Бог
Измену твою пред отчизной!

¹ *Заплечные... мастера* — палачи.

Услышь меня, Боже, в предсмертный мой час,
Язык мой немеет, и взор мой угас,
Но в сердце любовь и прощенье,
Помилуй мои прегрешенья!

Услышь меня, Боже, в предсмертный мой час,
Прости моего господина!
Язык мой немеет, и взор мой угас,
Но слово моё всё едино:
За грозного, Боже, царя я молюсь,
За нашу святую, великую Русь,
И твёрдо жду смерти желанной!»
Так умер Шибанов, стремянный.

Князь Михайло Репнин

Без отдыха пирует с дружиной удалой
Иван Васильич Грозный под матушкой-Москвой.

Ковшами золотыми столов блистает ряд,
Разгульные за ними опричники сидят.

С вечерни¹ льются вины на царские ковры,
Поют ему с полночи лихие гуслиары,

Поют потехи брани, дела былых времен,
И взятие Казани, и Астрахани плен.

Но голос прежней славы царя не веселит,
Подать себе личину² он кравчему³ велит:

«Да здравствуют тиуны⁴, опричники мои!
Вы ж громче бейте в струны, баяны-соловьи!

Себе личину, други, пусть каждый изберёт,
Я первый открываю весёлый хоровод,

¹ С вечерни — с вечерней церковной молитвы.

² Личина — маска.

³ Кравчий — боярин, ведавший царским столом, едой, винами и напитками, а также распорядитель стола; придворный чин XV—XVIII веков.

⁴ Тиуны — наименование должностных лиц; здесь: верные слуги.

За мной, мои тиуны, опричники мои!
Вы ж громче бейте в струны, баяны-соловьи!»

И все подъяли кубки. Не поднял лишь один;
Один не поднял кубка, Михайло князь Репнин.

«О царь! забыл ты Бога, свой сан ты, царь,
забыл!
Опричниной на горе престол свой окружил!

Рассыпь державным словом детей бесовских рать!
Тебе ли, властелину, здесь в машкаре¹ плясать!»

Но царь, нахмуря брови: «В уме ты, знать, ослаб
Или хмелён не в меру? Молчи, строптивый раб!

Не возражай ни слова и машкару надень —
Или клянусь, что прожил ты свой
последний день!»

Тут встал и поднял кубок Репнин,
правдивый князь:
«Опричина да сгинет! — он рёк, перекрестясь. —

Да здравствует во веки наш православный царь!
Да правит человеки, как правил ими встарь!

Да презрит, как измену, бесстыдной лести глас!
Личины ж не надену я в мой последний час!»

Он молвил и ногами личину растоптал;
Из рук его на землю звенящий кубок пал...

«Умри же, дерзновенный!» — царь вскрикнул,
разъярясь,
И пал, жезлом пронзенный, Репнин,
правдивый князь.

И вновь подъяты кубки, ковши опять звучат,
За длинными столами опричники шумят,

¹ Машкара (личина) — маска.

И смех их раздаётся, и пир опять кипит,
Но звон ковшей и кубков царя не веселит:

«Убил, убил напрасно я верного слугу,
Вкушать веселье ныне я боле не могу!»

Напрасно льются вины на царские ковры,
Поют царю напрасно лихие гусяры,

Поют потехи брани, дела былых времен,
И взятие Казани, и Астрахани плен.

ИЗ ВЫСКАЗЫВАНИЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО О М. Ю. ЛЕРМОНТОВЕ¹

Помните ли вы, господа, «раба Шибанова»? Раб Шибанов был раб князя Курбского, русского эмигранта 16-го столетия, писавшего всё к тому же царю Ивану свои оппозиционные и почти ругательные письма из-за границы, где он безопасно приютился.

Написав одно письмо, он призвал раба своего Шибанова и велел ему письмо снести в Москву и отдать царю лично. Так и сделал раб Шибанов. На Кремлёвской площади он остановил выходившего из собора царя, окружённого своими приспешниками, и подал ему послание своего господина, князя Курбского. Царь поднял жезл свой с острым наконечником, с размаху вонзил его в ногу Шибанова, опёрся на жезл и стал читать послание. Шибанов с проколотой ногою не шевельнулся. А царь, когда стал потом отвечать письмом князю Курбскому, написал, между прочим: «Устыдился раба твоего Шибанова». Это значило, что он сам устыдился «раба» Шибанова.

Этот образ русского «раба», должно быть, поразил душу Лермонтова. Его Калашников говорит царю без укора, без попрека за Кирибеевича, говорит он, зная про верную казнь, его ожидающую, говорит царю «всю правду истинную», что убил его любимца «вольной волею, а не нехотя».

¹ По кн.: Михаил Лермонтов: pro et contra. — СПб., 2002. — С. 246.

Размышляем о прочитанном

1. Что вы узнали об Алексее Константиновиче Толстом? Под чьим руководством шло его художественное развитие? Вспомните написанную для Алёши Толстого «Чёрную курицу...». Чему учил А. Погорьельский своего племянника этим произведением?
2. Какие произведения А. К. Толстого вам известны?
3. Вы прочитали два произведения А. К. Толстого. О чём они? Кто их главные герои?
4. Какие характеры героев раскрываются автором и что он хочет сказать о людях и времени, в которое происходят эти события?
5. В чём упрекает царя Ивана Грозного Курбский? Как вёл себя Шибанов под пытками? О чём он просит Бога?
6. Почему Репнин не поднял свой кубок? В чём он обвиняет Ивана Грозного? О чём жалеет царь?
7. Вы прочитали высказывания Ф. М. Достоевского о М. Ю. Лермонтове. Какое произведение поэта сравнивает Достоевский с балладой Толстого «Василий Шибанов»? На что обращает внимание Достоевский?
8. Какие сравнения, эпитеты встречаются в текстах баллад и что они подчёркивают?
- 9★. Какие жанровые признаки баллады вы можете отметить в прочитанных произведениях А. К. Толстого?

Учимся читать выразительно

Подготовьте выразительное чтение этих произведений, подчеркните при чтении повелительные интонации в словах царя Ивана Грозного, мужество в поступках и словах Шибанова и Репнина, их отношение к великой Руси и царю.

Михаил Евграфович САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

1826—1889

В каждом порядочном человеке русской земли Щедрин имеет глубокого почитателя.

Н. Г. Чернышевский

У Щедрина великолепный, чисто народный, меткий слог...

Л. Н. Толстой

В Тверской губернии, среди болот и лесов, раскинулось родовое поместье Салтыковых — село Спас-Угол. Здесь в 1826 году родился Михаил Евграфович — будущий великий писатель Н. Щедрин (такой псевдоним взял себе М. Е. Салтыков).

Его отец, Евграф Васильевич, принадлежал к старинному дворянскому роду. Однако материальное положение семьи было далеко не блестящим. Евграф Васильевич женился на Ольге Михайловне Забелиной, дочери московского купца. Она отличалась прямым и властным характером, практичностью, неуёмной энергией — качествами, которыми совсем не был наделён её муж. Бережливость, даже скопидомство безраздельно воцарились в доме Салтыковых.

«Я вырос на лоне крепостного права...» — вспоминал писатель впоследствии. Все ужасы крепостной действительности в самом неприглядном и обнажённом виде прошли перед глазами наблюдательного и впечатлительного мальчика. Он рано познакомился с жизнью и бытом деревни, со стремлениями и надеждами крестьян. «Не только всякого дворового я знал в лицо, но и всякого мужика. Я любил говорить, расспрашивать. Крепостное право, тяжёлое и грубое в своих формах, сблизало меня с подневольною массой».

Учёба началась очень рано. Первые познания во французском языке он приобрел ещё в четырёхлетнем возрасте, несколько позднее стал заниматься немецким языком. С русской грамотой познакомил его крепостной живописец Павел, затем учила старшая сестра Надежда. В возрасте 7—8 лет приистрастился к чте-

нию, которое стало неиссякаемым источником его быстро растущих знаний.

Затем Салтыков поступил в третий класс Московского дворянского института — бывшего университетского Благородного пансиона, из стен которого вышли В. Жуковский, А. Грибоедов, М. Лермонтов. В числе лучших учеников Салтыкова вскоре направили в Царскосельский лицей, где всё было проникнуто памятью об А. Пушкине. В лицее началась его литературная деятельность.

После выхода из лицея, весной 1845 года, начинается его служба в канцелярии Военного министерства, обострившая в нём чувство справедливости, мечту о социальном равенстве. Появляются первые повести — «Противоречия», «Запутанное дело».

В повести «Запутанное дело» власти усмотрели «вредное направление», и писатель был сослан в Вятку, где пробыл долгих восемь лет.

Вятская ссылка дала Салтыкову ясное представление о жизни широких слоёв простого народа. В своих последующих произведениях — повестях, сказках — Салтыков-Щедрин остается верным обездоленному народу.

Сказки Щедрина — произведения иносказательные¹. Сам писатель свою манеру писать называл «эзоповым языком», по имени древнего баснописца Эзопа.

В 1889 году Салтыков-Щедрин умер. «В лице его Россия лишилась лучшего, справедливого и энергичного защитника правды и свободы, борца против зла, которое он своим сильным умом и словом разил в самом корне...» — писали тифлисские рабочие в год его смерти.

По В. Н. Баскакову, С. А. Макашину

Проверьте себя

1. Как впечатления детства писателя отразились в его произведениях?
2. Почему Салтыков стал Щедриним? Об этом есть целый ряд версий². Одну из них изложил сын писателя К. М. Салтыков: «...Мало кому известно, отчего отец избрал себе псевдонимом фамилию „Щедрин“».

¹ *Иносказание* — выражение мысли путём намёков; выражение, содержащее скрытый смысл.

² *Версия* — рассказ, вариант толкований, объяснений.

Дело обстояло так. Ему, когда он состоял ещё на государственной службе, намекнули на то, что неудобно подписывать труды своей фамилией... Моя мать и предложила ему избрать псевдонимом что-либо подходящее к слову „щедрый“, т. к. он в своих писаниях был чрезвычайно щедр на всякого рода сарказмы¹.

Есть и другие объяснения. Этот псевдоним связывают со словом «щедрина» (след от оспы). Как бы вы объяснили смысл псевдонима писателя?

* * *

Никого не удивит имя известного писателя на книге, озаглавленной «Сказки». Народная сказка вдохновляла многих... Пушкин и Лермонтов, Перро и Андерсен сочиняли свои сказки, в которых мы чувствуем и отпечаток личности писателя, и тот родник народной фантазии, из которого он черпал свои мотивы.

Сказки Щедрина иносказательны, автор хочет, чтобы читатель это понимал.

Прочитайте сказку М. Е. Салтыкова-Щедрина «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил». Попробуйте определить, в чём своеобразие сказок писателя (в тематике, идее, художественных приёмах создателя образов).

Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил

Жили да были два генерала, и так как оба были легкомысленны, то в скором времени, по щучьему велению, по моему хотению, очутились на необитаемом острове.

Служили генералы всю жизнь в какой-то регистратуре, там родились, воспитались и состарились, следовательно, ничего не понимали. Даже слов никаких не знали, кроме: «Примите уверение в совершенном моём почтении и преданности».

Упразднили регистратуру за ненадобностью и выпустили генералов на волю. Оставшись за штатом, поселились они в Петербурге, в Подъяческой улице, на разных квартирах; имели каждый свою кухарку и получали пенсию. Только вдруг очутились на необитаемом острове, проснулись и видят: оба под одним одеялом лежат. Разумеется, сначала ничего не поняли и стали разговаривать, как будто ничего с ними не случилось.

¹ *Сарказм* — язвительная насмешка, ирония, едко-насмешливое замечание.

— Странный, ваше превосходительство, мне нынче сон снился, — сказал один генерал, — вижу, будто живу я на необитаемом острове...

Сказал это, да вдруг как вскочит! Вскочил и другой генерал.

— Господи! да что ж это такое? где мы? — воскликнули оба не своим голосом.

И стали друг друга ощупывать, точно ли не во сне, а наяву с ними случилась такая оказия. Однако, как ни старались уверить себя, что всё это не больше как сновидение, пришлось убедиться в печальной действительности.

Перед ними с одной стороны расстилалось море, с другой стороны лежал небольшой клочок земли, за которым стлалось всё то же безграничное море. Заплакали генералы в первый раз после того, как закрыли регистратуру.

Стали они друг друга рассматривать и увидели, что они в ночных рубашках, а на шеях у них висит по ордену.

— Теперь бы кофейку испить хорошо! — молвил один генерал, но вспомнил, какая с ним неслыханная штука случилась, и во второй раз заплакал.

— Что же мы будем, однако, делать? — продолжал он сквозь слёзы, — ежели теперича доклад написать — какая польза из этого выйдет?

— Вот что, — отвечал другой генерал, — подите вы, ваше превосходительство, на восток, а я пойду на запад, а к вечеру опять на этом месте сойдёмся; может быть, что-нибудь и найдём.

Стали искать, где восток и где запад. Вспомнили, как начальник однажды говорил: «Если хочешь сыскать восток, то встань глазами на север, и в правой руке получишь искомое». Начали искать севера, становились так и сяк, перепробовали все страны света, но так как всю жизнь служили в регистратуре, то ничего не нашли.

— Вот что, ваше превосходительство: вы пойдите направо, а я налево; этак-то лучше будет! — сказал один генерал, который, кроме регистратуры, служил ещё в школе военных кантонистов¹ учителем каллиграфии² и, следовательно, был поумнее.

¹ Школа военных кантонистов — низшая военная школа для солдатских детей.

² Каллиграфия — искусство красивого и чёткого письма.

Сказано — сделано. Пошёл один генерал направо и видит — растут деревья, а на деревьях всякие плоды. Хочет генерал достать хоть одно яблоко, да все так высоко висят, что надобно лезть. Попробовал полезть — ничего не вышло, только рубашку изорвал. Пришёл генерал к ручью, видит: рыба там, словно в садке на Фонтанке, так и кишит, и кишит.

«Вот кабы этакой-то рыбки да на Подьяческую!» — подумал генерал и даже в лице изменился от аппетита.

Зашёл генерал в лес — а там рябчики свищут, тетерева токуют, зайцы бегают.

— Господи! еды-то! еды-то! — сказал генерал, почувствовав, что его уже начинает тошнить.

Делать нечего, пришлось возвращаться на условленное место с пустыми руками. Приходит, а другой генерал уж дожидается.

— Ну что, ваше превосходительство, промыслил что-нибудь?

— Да вот нашёл старый номер «Московских ведомостей»¹ и больше ничего!

Легли опять спать генералы, да не спится им натошак. То беспокоит их мысль, кто за них будет пенсию получать, то припоминаются виденные днём плоды, рыбы, рябчики, тетерева, зайцы.

— Кто бы мог думать, ваше превосходительство, что человеческая пища, в первоначальном виде, летает, плавает и на деревьях растёт? — сказал один генерал.

— Да, — отвечал другой генерал, — признаться, я и до сих пор думал, что булки в том самом виде родятся, как их утром к кофею подают!

— Стало быть, если, например, кто хочет куропатку съесть, то должен сначала её изловить, убить, ощипать, изжарить... Только как всё это сделать?

— Как всё это сделать? — словно эхо, повторил другой генерал.

Замолчали и стали стараться заснуть; но голод решительно отгонял сон.

¹ «Московские ведомости» — московская газета. М. Е. Салтыков-Щедрин издается над её бессодержательностью и казённой восторженностью.

Рябчики, индейки, поросята так и мелькали перед глазами, сочные, слегка поджаренные, с огурцами, пиккулями и другим салатом.

— Теперь я бы, кажется, свой собственный сапог съел! — сказал один генерал.

— Хороши тоже перчатки бывают, когда долго ношены! — вздохнул другой генерал.

Вдруг оба генерала взглянули друг на друга: в глазах их светился зловещий огонь, зубы стучали, из груди вылетало глухое рычание. Они начали медленно подползать друг к другу и в одно мгновение ока остервенились. Полетели клочья, раздался визг и оханье; генерал, который был учителем каллиграфии, откусил у своего товарища орден и немедленно проглотил. Но вид текущей крови как будто образумил их.

— С нами крестная сила! — сказали они оба разом. — Ведь этак мы друг друга съедим! И как мы попали сюда! кто тот злодей, который над нами такую штуку сыграл!

— Надо, ваше превосходительство, каким-нибудь разговором развлечься, а то у нас тут убийство будет! — проговорил один генерал.

— Начинайте! — отвечал другой генерал.

— Как, например, думаете вы, отчего солнце прежде восходит, а потом заходит, а не наоборот?

— Станный вы человек, ваше превосходительство: но ведь и вы прежде встаёте, идёте в департамент, там пишите, а потом ложитесь спать?

— Но отчего же не допустить такую перестановку: сперва ложусь спать, вижу различные сновидения, а потом встаю?

— Гм... да... А я, признаться, как служил в департаменте, всегда так думал: «Вот теперь утро, а потом будет день, а потом подадут ужинать — и спать пора!»

Но упоминание об ужине обоих повергло в уныние и пресекло разговор в самом начале.

— Слышал я от одного доктора, что человек может долгое время своими собственными соками питаться, — начал опять один генерал.

— Как так?

— Да так-с. Собственные свои соки будто бы производят другие соки, эти, в свою очередь, ещё производят

«Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил». Художник М. Черемных

соки, и так далее, покуда, наконец, соки совсем не прекратятся...

— Тогда что ж?

— Тогда надобно пищу какую-нибудь принять...

— Тьфу!

Одним словом, о чём ни начинали генералы разговор, он постоянно сводился на воспоминание об еде, и это ещё более раздражало аппетит. Положили: разговоры прекратить и, вспомнив о найденном номере «Московских ведомостей», жадно принялись читать его.

«Вчера, — читал взволнованным голосом один генерал, — у почтенного начальника нашей древней столицы

был парадный обед. Стол сервирован был на сто персон с роскошью изумительною. Дары всех стран назначили себе как бы рандеву¹ на этом волшебном празднике. Тут была и «шекснинска стерлядь золотая»², и питомец лесов кавказских — фазан, и, столь редкая в нашем севере в феврале месяце, земляника...»

— Тыфу ты, господи! да неужто ж ваше превосходительство не может найти другого предмета? — воскликнул в отчаянии другой генерал и, взяв у товарища газету, прочёл следующее:

«Из Тулы пишут: вчерашнего числа, по случаю поимки в реке Упе осетра (происшествие, которого не запомнят даже старожилы, тем более что в осетре был опознан частный пристав³ Б.), был в здешнем клубе фестиваль⁴. Виновника торжества внесли на громадном деревянном блюде, обложенного огурчиками и держащего в пасти кусок зелени. Доктор П., бывший в тот же день дежурным старшиною, заботливо наблюдал, дабы все гости получили по куску. Подливка была самая разнообразная и даже почти прихотливая...»

— Позвольте, ваше превосходительство, и вы, кажется, не слишком осторожны в выборе чтения! — прервал первый генерал и, взяв, в свою очередь, газету, прочёл:

«Из Вятки пишут: один из здешних старожил изобрёл следующий оригинальный способ приготовления ухи: взяв живого налима, предварительно его высесть; когда же, от огорчения, печень его увеличится...»

Генералы поникли головами. Всё, на что бы они ни обратили взоры, — всё свидетельствовало об еде. Собственные их мысли злоумышляли против них, ибо как они ни старались отгонять представления о бифштексах, но представления эти пробивали себе путь насильственным образом.

И вдруг генерала, который был учителем каллиграфии, озарило вдохновение...

¹ Рандеву — свидание (фр.).

² «Шекснинска стерлядь золотая» — цитата из стихотворения Державина «Приглашение к обеду».

³ Частный пристав — начальник полицейского участка в городе.

⁴ Фестиваль — здесь: пиршество.

— А что, ваше превосходительство, — сказал он радостно, — если бы нам найти мужика?

— То есть как же... мужика?

— Ну да, простого мужика... какие обыкновенно бывают мужики! Он бы нам сейчас и булок бы подал, и рябчиков бы наловил, и рыбы!

— Гм... мужика... но где же его взять, этого мужика, когда его нет?

— Как нет мужика — мужик везде есть, стоит только поискать его! Наверное, он где-нибудь спрятался, от работы отлынивает!

Мысль эта до того ободрила генералов, что они вскопчили как встрёпанные и пустились отыскивать мужика.

Долго они бродили по острову без всякого успеха, но, наконец, острый запах мякинного хлеба и кислой овчины навёл их на след. Под деревом, брюхом кверху и подложив под голову кулак, спал громаднейший мужичина и самым нахальным образом уклонялся от работы. Негодованию генералов предела не было.

— Спишь, лежебок! — накинулись они на него, — небось и ухом не ведёшь, что тут два генерала вторые сутки с голода умирают! сейчас марш работать!

Встал мужичина: видит, что генералы строгие. Хотел было дать от них стречка, но они так и закоченели, вцепившись в него.

И зачал он перед ними действовать.

Полез сперва-наперво на дерево и нарвал генералам по десятку самых спелых яблоков, а себе взял одно, кислое. Потом покопался в земле — и добыл оттуда картофелину; потом взял два куска дерева, потёр их друг об дружку — и извлёк огонь. Потом из собственных волос сделал силок и поймал рябчика. Наконец, развёл огонь и напёк столько разной провизии, что генералам пришлось даже на мысль: «Не дать ли и тунеядцу частичку?»

Смотрели генералы на эти мужицкие старания, и сердца у них весело играли. Они уже забыли, что вчера чуть не умерли с голоду, а думали: «Вот как оно хорошо быть генералами — нигде не пропадёшь!»

— Довольны ли вы, господа генералы? — спрашивал между тем мужичина-лежебок.

«Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил». Художник Н. Муратов

— Довольны, любезный друг, видим твоё усердие! — отвечали генералы.

— Не позволите ли теперь отдохнуть?

— Отдохни, дружок, только своей прежде веревочку.

Набрал сейчас мужичина дикой конопля, размочил в воде, поколотил, помял — и к вечеру верёвка была готова. Эту верёвкою генералы привязали мужичину к дереву, чтоб не убёг.

Прошёл день, прошёл другой; мужичина до того изловчился, что стал даже в пригоршне суп варить. Сделались наши генералы весёлые, рыхлые, сытые, белые. Стали говорить, что вот они здесь на всём готовом живут,

а в Петербурге между тем пенсии ихние всё накапливаются да накапливаются.

— А как вы думаете, ваше превосходительство, в самом ли деле было вавилонское столпотворение¹, или это только так, одно иносказание? — говорит, бывало, один генерал другому, позавтракавши.

— Думаю, ваше превосходительство, что было в самом деле, потому что иначе как же объяснить, что на свете существуют разные языки!

— Стало быть, и потоп был?

— И потоп был, потому что в противном случае как же было бы объяснить существование допотопных зверей? Тем более, что в «Московских ведомостях» повествуют...

— А не почитать ли нам «Московских ведомостей»?

Сыщут номер, усядутся под тенью, прочтут от доски до доски, как ели в Москве, ели в Туле, ели в Пензе, ели в Рязани — и ничего, не тошнит!

* * *

Долго ли, коротко ли, однако генералы соскучились. Чаще и чаще стали они припоминать об оставленных ими в Петербурге кухарках и втихомолку даже поплакивали.

— Что-то теперь делается в Подьяческой, ваше превосходительство? — спрашивает один генерал другого.

— И не говорите, ваше превосходительство! всё сердце изныло! — отвечал другой генерал.

— Хорошо-то оно хорошо здесь — слова нет! а всё, знаете, как-то неловко барашку без ярочки! да и мундира тоже жалко!

— Ещё как жалко-то! Особливо, как четвёртого класса, так на одно шитьё посмотреть, голова закружится!²

И начали они нудить мужика: представь да представь их в Подьяческую! И что ж! оказалось, что мужик знает

¹ *Вавилонское столпотворение* — по библейской легенде, жители Древнего Вавилона попытались построить столб (башню) высотой до неба; в наказание за дерзкую попытку Бог «смешал» их языки, и строители перестали понимать друг друга.

² Чины делились на четырнадцать классов. Высшим был первый класс. Чин четвёртого класса в гражданской службе — действительный статский советник. Мундиры чиновников первых четырёх классов были украшены золотым шитьём.

даже Подьяческую, что он там был, мёд-пиво пил, по усам текло, в рот не попало!

— А ведь мы с Подьяческой генералы! — обрадовались генералы.

— А я, коли видели: висит человек снаружи дома, в ящике на верёвке, и стену краской мажет, или по крыше словно муха ходит — это он самый я и есть! — отвечал мужик.

И начал мужик на бобах разводить, как бы ему своих генералов порадовать за то, что они его, тунеядца, жаловали и мужицким его трудом не гнушались! И выстроил он корабль — не корабль, а такую посудину, чтоб можно было океан-море переплыть вплоть до самой Подьяческой.

— Ты смотри, однако, каналья, не утопи нас! — сказали генералы, увидев покачивавшуюся на волнах ладью.

— Будьте покойны, господа генералы, не впервой! — отвечал мужик и стал готовиться к отъезду.

Набрал мужик пуху лебяжьего мягкого и устлал им дно лодочки. Устлавши, уложил на дно генералов и, перекрестившись, поплыл. Сколько набрались страху генералы во время пути от бурь да от ветров разных, сколько они ругали мужичину за его тунеядство — этого ни пером описать, ни в сказке сказать. А мужик всё гребёт да гребёт, да кормит генералов селёдками.

Вот, наконец, и Нева-матушка, вот и Екатерининский славный канал, вот и Большая Подьяческая! Всплеснули кухарки руками, увидевши, какие у них генералы стали сытые, белые да весёлые! Напились генералы кофею, наелись сдобных булок и надели мундиры. Поехали они в казначейство и сколько тут денег загребли — того ни в сказке сказать, ни пером описать!

Однако и об мужике не забыли: выслали ему рюмку водки да пятак серебра: веселись, мужичина!

Размышляем о прочитанном

1. Какие чувства пробуждает у читателя сказка (осуждение, сочувствие, негодование, грусть)? Почему?
2. Чем интересны диалоги генералов и как они их характеризуют? Как меняется отношение генералов к мужику?

3. Чем отличается щедринский смех, направленный против генералов и мужика? Как автор относится к героям?
4. Художественные особенности каких народных сказок (волшебных, бытовых) чаще использует в своей сказке Салтыков-Щедрин (приведите примеры).
5. Какую роль в создании комических ситуаций играют гиперболы, гротеск? Приведите примеры использования названных художественных приёмов в сказке.

Литература и изобразительное искусство

Как писатель и художники-иллюстраторы, каждый своими средствами, высмеивают беспомощность и никчёмность генералов? Прочитайте приведённое ниже высказывание Салтыкова-Щедрина. Согласны ли вы с писателем?

«...Всякий честный человек, читая мои писания, непременно отождествляет мои чувства и мысли со своими. Это он так чувствует и мыслит, а мне только удалось сойтись с ним сердцами...»

Учимся читать выразительно

Подготовьте инсценированное чтение сказки, передав особый стиль произведения и выразив свои чувства по отношению к героям.

Читаем самостоятельно

Прочитайте самостоятельно ещё одну сказку М.Е. Салтыкова-Щедрина — «Дикий помещик». Подумайте, к каким сказкам можно её отнести — юмористическим или сатирическим. Объясните название сказки и скажите, встречаются ли в ней такие литературные приёмы, как гипербола или гротеск. Если да, то с какой целью вводит их автор? Приведите пример. Против каких пороков тогдашнего общества направлена сказка «Дикий помещик»?

Подготовьте художественный пересказ сказки или выразительное чтение текста, подчеркнув иронию автора.

Обогащаем свою речь

1. Какие слова «Повести...» напоминают народные сказки и в то же время как переосмысляются в ней? Например, где стоят и что значат в тексте слова «мёд-пиво пил, по усам текло, в рот не попало»?

Подберите синонимы к словам *служили, примите уверение, упразднили*. Подумайте, с какой целью эти слова используются писателем, что достигается благодаря введению их в текст сказки.

2. Найдите в тексте слова «тунеядец», «тунеядство» и подумайте, какое значение имеют они в каждом случае. Что подчеркивается автором с помощью этих слов?

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

М. Е. Салтыков-Щедрин. «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил»

1. Генералы по характеру службы и образу жизни так похожи, что отличить их друг от друга, казалось бы, невозможно, но актёр старается придать каждому из них хоть какую-нибудь индивидуальность. Как это удаётся сделать актёру? Как вы думаете, зачем это было необходимо сделать актёру, читающему текст сказки слушателям?
2. Какими средствами выразительного чтения актёр передаёт состояние генералов во время громкой читки «Московских ведомостей»?
3. Как преобразуется речь генералов, её тон, эмоциональная окрашенность, когда они, найдя мужика, начинают его отчитывать?
4. Сопоставьте «философские» разговоры голодных генералов с их рассуждениями после того, как мужик их накормил. Как актёр передаёт разницу в состоянии генералов во время голодного бедствования и в период сытого благополучия?
5. Какие глубинные мысли и чувства скрыты в, казалось бы, бесстрастном произнесении актёром слов: «Сколько они ругали мужичину за его тунеядство — этого ни пером описать, ни в сказке сказать. А мужик всё гребёт да гребёт, да кормит генералов слёдками»?
6. Подготовьте выразительное чтение сказки, постарайтесь при этом передать иронию автора, помня, что ирония — это скрытая насмешка.

НУЖЕН ЛИ НАМ ЩЕДРИН СЕГОДНЯ?

Известны многие писатели-сатирики, например в Англии — Дж. Свифт, Ч. Диккенс, во Франции — Ф. Рабле, Ж.-Б. Мольер, в России — Д. И. Фонвизин, А. С. Грибоедов, Н. В. Гоголь, М. Е. Салтыков-Щедрин. «Щедрин, — по справедливому замечанию Горького, — шёл в ногу с жизнью, ни на шаг не отставая от неё, он пристально смотрел в лицо ей и — горько проро-

чески хохотал над всеми и всем. Это не смех Гоголя, а нечто гораздо более оглушительно правдивое, более глубокое и могучее». «С кем боролся сатирик оружием смеха? Почему так боялись Щедрина власть имущие и так любили прогрессивные, демократически настроенные читатели? Каковы те свойства его личности... его творчества, благодаря которым он стал одним из величайших сатириков мира?» — задает нам вопросы литературовед Д. Николаев и размышляет: «Щедрин говорил, что он готов умереть на месте битвы. Его слова звучат как клятва, как завещание... Ничто не могло сломить его волю, его творческий дух... Поэтому и мешал он власть имущим. Поэтому и продолжали его травить. Поэтому и предпринимали разного рода действия, чтобы заставить его замолчать (арестовывали сотрудников журнала, вырезали из готовых книжек журнала по требованию цензуры сказки Щедрина)».

Исследователи подчёркивают, что Щедрин ненавидел самодовольных и равнодушных, он хорошо знал их психологию и мужественно боролся с ними. «Страшные... насилие и грубость, — скажет он, — страшно самодовольное ничтожество, которое ни о чём не хочет слышать, ничего не хочет знать, кроме самого себя. Иногда это ничтожество взбирается на высоту... Тогда действительно становится страшно за всё живущее и мыслящее». Пробудить в своих современниках мужество, гражданское достоинство — вот цель сатирика Щедрина. Сам писатель тревожился: «Не напрасно ли трудился я в течение сорока лет? Поймут ли её (сатиру) как следует? Принесет ли она какую-нибудь пользу?»

Размышляем о прочитанном

Подумаем и мы с вами над вопросами, которые мучили писателя: приносят ли пользу его произведения? Не напрасно ли он трудился? Нужен ли нам Салтыков-Щедрин сегодня?

Творческое задание

Нужна ли сатира обществу и каждому человеку? Чем страшно «самодовольное ничтожество»? В чём заключается общественная роль писателя-сатирика? Напишите сочинение-рассуждение на эту тему.

Литература и изобразительное искусство

- 1★. Рассмотрите иллюстрации. Так ли вы представляли себе эпизоды и героев, о которых рассказал Щедрин? На что обращают внимание читателей художники-иллюстраторы? Каковы (по вашим наблюдениям) приёмы создания комического, смешного в книжной графике?
2. Найдите в ресурсах Интернета другие иллюстрации к сказкам М. Е. Салтыкова-Щедрина. Подготовьте устный отзыв о них.

Лев Николаевич ТОЛСТОЙ

1828—1910

Ему было близко всё человечество. Но любил он, непобедимой любовью, свою Россию. Её душу понимал он, как никто; красоту её природы изображал с совершенством недостижимым.

В. Я. Брюсов

По рождению и воспитанию Лев Николаевич Толстой принадлежал к «высшей помещицкой знати России». Его отец, граф Н. И. Толстой, был участником Отечественной войны 1812 года, мать — урождённая княгиня Волконская.

Его предки были в родстве с Пушкиными, Трубецкими, Голицыными. Семейные предания, рассказы родных и близких о событиях 1812 и 1825 годов, жизнь в родовой усадьбе оказали на Толстого огромное влияние и оставили заметный след в его творчестве. «Без своей Ясной Поляны, — писал Толстой, — я трудно могу себе представить Россию и своё отношение к ней». Ясная Поляна была его колыбелью. Здесь проходила жизнь семьи, друзей и близких, здесь он видел, как живёт народ, здесь познакомился с народными песнями, сказками, легендами, былинами.

Первым произведением Толстого, появившимся в печати, была повесть «Детство», которую высоко оценил Н. Некрасов и напечатал в «Современнике». За «Детством» последовали повести «Отрочество», «Юность», составившие трилогию. В главном герое Николеньке Иртеньеве много автобиографических черт. Его детство, как и детство самого автора, протекает в дворянской усадьбе. Он умен, наблюдателен, обладает необычайно живым воображением, постоянно анализирует свои мысли и поступки. Душа Николеньки открыта всем впечатлениям жизни, но в детские годы дети ограничены узким кругом семьи и не выходят за пределы дворянской усадьбы. Николенька начинает замечать недостатки людей своего круга и приходит к мысли о необходимости исправить пороки людские, и прежде всего исправить самого себя. Но реальная жизнь то и дело разрушает его мечтания, и Нико-

ленька постепенно уступает дурному влиянию своей среды, с её тщеславием, лицемерием, презрением к незнатным людям, равнодушным, а чаще жестоким отношением к слугам и крепостным.

Автор «Детства» и «Отрочества» проявил себя глубоким и тонким мастером, психологом, критика отмечала его исключительную способность передавать тайные, сокровенные мысли и чувства человека.

В «Юности» показаны студенческие годы героя трилогии, его первый разлад с барской средой и стремление сблизиться со студентами, вышедшими из среды, близкой к народу.

Впоследствии Л. Н. Толстой открыл в Ясной Поляне школу для крестьянских детей, затем 20 начальных школ в окрестных деревнях, написал статьи по вопросам педагогики, создал «Книги для чтения», составил «Азбуку». Писатель обижался, что эта огромная работа была не замечена. «Меня, — писал он, — хвалили за всё, что я написал, но об одном, точно хорошо и полезном, что я сделал, об Азбуке и этих книжках, не сказано в печати ни единого неругательного слова... Но пусть попробует кто-нибудь написать такие же рассказы, то увидит, как трудно даются эти достоинства, состоящие только в том, чтобы было просто, ясно, не было бы ничего лишнего и фальшивого». Многие из рассказов для детей Толстого состоят всего из нескольких строк. А он их переделывал десятки раз, добиваясь предельной простоты и ясности. В течение всей своей жизни изучал произведения устного народного творчества — песни, сказки, былины, легенды, был уверен, что «песни, сказки, былины — всё простое — будут читать, пока будет русский язык».

Появление романов «Война и мир», «Анна Каренина» и других произведений Л. Н. Толстого вызвало большое количество отзывов, книг, статей. Известный русский критик В. В. Стасов писал: «Лев Толстой поднялся до такой высокой ноты, какой ещё никогда не брала русская литература...»

Имя Толстого ещё при жизни писателя приобрело всемирную известность. В наше время Толстой занимает одно из первых мест среди писателей всех стран и народов по числу переводов его произведений на иностранные языки. Своей жизнью и творчеством Толстой связал и соединил «два века» русской литературы. М. Горький сказал: «Не зная Толстого — нельзя считать себя знающим свою страну, нельзя считать себя культурным человеком».

По К. Н. Ломунову

Используя материалы сайта музея, подготовьте устное сообщение на тему «Толстой и Ясная Поляна».

«В СЕРЕДИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ...»

В один из октябрьских дней 1852 года, во время своей ссылки прочитал Тургенев в журнале «Современник» повесть Льва Толстого «Детство» — первое произведение Толстого, появившееся в печати.

Тургенев сразу же написал Некрасову, редактору этой повести: «Ты прав — это талант надежный... Пиши к нему — и понукай его писать. Скажи ему, если это может его заинтересовать, — что я его приветствую, кланяюсь и рукоплещу ему».

Так состоялось заочное знакомство Тургенева и Толстого — в тот первый месяц тургеневской ссылки: знакомство, которое вскоре — когда писатели встретились — перешло в дружбу. Она не была безоблачной, доставила обоим писателям не только радость, но и огорчения, однако ни тот ни другой никогда, ни за что не отказались бы от неё в ту пору, в середине 50-х годов.

Тургенев был к тому времени автором «Записок охотника», рассказа «Муму», ряда повестей, пьес, стихотворений; Толстой — повестей «Детство», «Отрочество», кавказских и севастопольских рассказов.

Знаменитые произведения! Ими зачитывались современники писателей. Мы тоже набираемся ума и получаем огромное наслаждение, читая эти рассказы и повести... Поразмышлять над ними (пусть даже над некоторыми) и одновременно представить жизнь их создателей в ту пору — значит сделать попытку проникновения в мир Тургенева и Толстого...

Как ни различны оба писателя, они близки друг другу по силе своей любви к простому русскому человеку и русской природе, по любви к родному языку и вере в великое будущее своего народа. Эта нерасторжимость подтверждается тем, что мы знаем о начале дружбы Толстого и Тургенева; тем, наконец, что их родные места — Ясная Поляна и Спасское-Лутовино-

во — находятся совсем рядом, и это небольшое расстояние между ними заставляет нас с каким-то особенным отрядным, волнующим чувством сближать имена Тургенева и Толстого.

И. Ф. Смольников

Детство

(Главы из повести)

Маман

Матушка сидела в гостиной и разливала чай; одной рукой она придерживала чайник, другою — кран самовара, из которого вода текла через верх чайника на поднос. Но хотя она смотрела пристально, она не замечала этого, не замечала и того, что мы вошли.

Так много возникает воспоминаний прошедшего, когда стараешься воскресить в воображении черты любимого существа, что сквозь эти воспоминания, как сквозь слёзы, смутно видишь их. Это слёзы воображения. Когда я стараюсь вспомнить матушку такую, какою она была в это время, мне представляются только её карие глаза, выражающие всегда одинаковую доброту и любовь, родинка на шее, немного ниже того места, где вьются маленькие волосики, шитый белый воротничок, нежная сухая рука, которая так часто меня ласкала и которую я так часто целовал; но общее выражение ускользает от меня.

Налево от дивана стоял старый английский рояль; перед роялем сидела черномазенькая моя сестрица Любочка и розовенькими, только что вымытыми холодной водой пальчиками с заметным напряжением разыгрывала этюды Clementi. Ей было одиннадцать лет; она ходила в коротеньком холстинковом платье, в беленьких, обшитых кружевом панталончиках и октавы могла брать только *arpeggio*¹. Подле неё вполупорот сидела Марья Ивановна в чепце с розовыми лентами, в голубой кацавейке и с красным сердитым лицом, которое приняло ещё более строгое выражение, как только вошёл Карл Иванович. Она грозно посмотрела на него и, не отвечая на его

¹ *Арпеджио* — звуки аккорда, следующие один за другим.

поклон, продолжала, топая ногой, считать: «Un, deux, trois, un, deux, trois»¹ ещё громче и повелительнее, чем прежде.

Карл Иваныч, не обращая на это ровно никакого внимания, по своему обыкновению, с немецким приветствием подошёл прямо к ручке матушки. Она опомнилась, тряхнула головкой, как будто желая этим движением отогнать грустные мысли, подала руку Карлу Иванычу и поцеловала его в морщинистый висок, в то время как он целовал её руку:

— Ich danke, lieber² Карл Иваныч, — и, продолжая говорить по-немецки, она спросила:

— Хорошо ли спали дети?

Карл Иваныч был глух на одно ухо, а теперь от шума за роялем вовсе ничего не слышал. Он нагнулся ближе к дивану, опёрся одной рукой о стол, стоя на одной ноге, и с улыбкой, которая тогда мне казалась верхом утончённости, приподнял шапочку над головой и сказал:

— Вы меня извините, Наталья Николаевна?

Карл Иваныч, чтобы не простудить своей голой головы, никогда не снимал красной шапочки, но всякий раз, входя в гостиную, спрашивал на это позволения.

— Наденьте, Карл Иваныч... Я вас спрашиваю, хорошо ли спали дети? — сказала татап, подвинувшись к нему и довольно громко.

Но он опять ничего не слышал, прикрыл лысину красной шапочкой и ещё милее улыбался.

— Пойдите на минутку, Мими, — сказала татап Марье Ивановне с улыбкой, — ничего не слышно.

Когда матушка улыбалась, как ни хорошо было её лицо, оно делалось несравненно лучше, и кругом всё как будто веселело. Если бы в тяжёлые минуты жизни я хоть мельком мог видеть эту улыбку, я бы не знал, что такое горе. Мне кажется, что в одной улыбке состоит то, что называют красотою лица: если улыбка прибавляет прелести лицу, то лицо прекрасно; если она не изменяет его, то оно обыкновенно; если она портит его, то оно дурно.

¹ «Раз, два, три, раз, два, три» (фр.).

² Благодарю, милый (нем.).

Поздоровавшись со мною, татап взяла обеими руками мою голову и откинула её назад, потом посмотрела пристально на меня и сказала:

— Ты плакал сегодня?

Я не отвечал. Она поцеловала меня в глаза и по-немецки спросила:

— О чём ты плакал?

Когда она разговаривала с нами дружески, она всегда говорила на этом языке, который знала в совершенстве.

— Это я во сне плакал, татап, — сказал я, припоминая со всеми подробностями выдуманый сон и невольно содрогаясь при этой мысли.

Карл Иваныч подтвердил мои слова, но умолчал о сне. Поговорив ещё о погоде, — разговор, в котором приняла участие и Мими, — татап положила на поднос шесть кусочков сахара для некоторых почётных слуг, встала и подошла к пьальцам, которые стояли у окна.

— Ну, ступайте теперь к папá, дети, да скажите ему, чтобы он непременно ко мне зашёл, прежде чем пойдёт на гумно.

Музыка, считанье и грозные взгляды опять начались, а мы пошли к папа. Пройдя комнату, удержавшую ещё от времен дедушки название *официантской*, мы вошли в кабинет.

Что за человек был мой отец?

Он был человек прошлого века и имел общий молодёжи того века неуловимый характер рыцарства, предприимчивости, самоуверенности, любезности и разгула. На людей нынешнего века он смотрел презрительно, и взгляд этот происходил столько же от врождённой гордости, сколько от тайной досады за то, что в наш век он не мог иметь ни того влияния, ни тех успехов, которые имел в свой. Две главные страсти его в жизни были карты и женщины; он выиграл в продолжение своей жизни несколько миллионов и имел связи с бесчисленным числом женщин всех сословий.

Большой статный рост, странная, маленькими шажками походка, привычка подергивать плечом, маленькие, всегда улыбающиеся глазки, большой орлиный нос, не-

правильные губы, которые как-то неловко, но приятно складывались, недостаток в произношении — прищёпывание, и большая во всю голову лысина: вот наружность моего отца, с тех пор как я его помню, — наружность, с которой он умел не только прослыть и быть человеком *à bonnes fortunes*¹, но нравиться всем без исключения — людям всех сословий и состояний, в особенности же тем, которым хотел нравиться.

Он умел взять верх в отношениях со всяким. Не быв никогда человеком *очень большого света*, он всегда вошел с людьми этого круга, и так, что был уважаем. Он знал ту крайнюю меру гордости и самонадеянности, которая, не оскорбляя других, возвышала его в мнении света. Он был оригинален, но не всегда, а употреблял оригинальность как средство, заменяющее в иных случаях светскость или богатство. Ничто на свете не могло возбудить в нём чувства удивления: в каком бы он ни был блестящем положении, — казалось, он для него был рождён. Он так хорошо умел скрывать от других и удалять от себя известную всем тёмную, наполненную мелкими досадами и огорчениями сторону жизни, что нельзя было не завидовать ему. Он был знаток всех вещей, доставляющих удобства и наслаждения, и умел пользоваться ими. Конёк его был блестящие связи, которые он имел частью по родству моей матери, частью по своим товарищам молодости, на которых он в душе сердился за то, что они далеко ушли в чинах, а он навсегда остался отставным поручиком гвардии. Он, как и все бывшие военные, не умел одеваться по-модному; но зато он одевался оригинально и изящно. Всегда очень широкое и лёгкое платье, прекрасное бельё, большие отвороченные манжеты и воротнички... Впрочем, всё шло к его большому росту, сильному сложению, лысой голове и спокойным, самоуверенным движениям. Он был чувствителен и даже слезлив. Часто, читая вслух, когда он доходил до патетического места, голос его начинал дрожать, слёзы показывались, и он с досадой оставлял книгу. Он любил музыку, пел, аккомпанируя себе на фортепьяно, романсы приятеля своего А..., цыганские

¹ удачливым (фр.).

песни и некоторые мотивы из опер; но учёной музыки не любил и, не обращая внимания на общее мнение, откровенно говорил, что сонаты Бетховена нагоняют на него сон и скуку и что он не знает лучше ничего, как «Не будите меня молоду», как её певала Семёнова, и «Не одна», как певала цыганка Танюша. Его натура была одна из тех, которым для хорошего дела необходима публика. И то только он считал хорошим, что называла хорошим публика. Бог знает, были ли у него какие-нибудь нравственные убеждения? Жизнь его была так полна увлечениями всякого рода, что ему некогда было составлять себе их, да он и был так счастлив в жизни, что не видел в том необходимости.

В старости у него образовался постоянный взгляд на вещи и неизменные правила, — но единственно на основании практическом: те поступки и образ жизни, которые доставляли ему счастье или удовольствия, он считал хорошими и находил, что так всегда и всем поступать должно. Он говорил очень увлекательно, и эта способность, мне кажется, усиливала гибкость его правил: он в состоянии был тот же поступок рассказать как самую милую шалость и как низкую подлость.

Классы

Карл Иваныч был очень не в духе. Это было заметно по его сдвинутым бровям и по тому, как он швырнул свой сюртук в комод, и как сердито подпоясался, и как сильно черкнул ногтем по книге диалогов, чтобы означить то место, до которого мы должны были вытвердить. Володя учился порядочно; я же так был расстроен, что решительно ничего не мог делать. Долго бессмысленно смотрел я в книгу диалогов, но от слёз, набравшихся мне в глаза при мысли о предстоящей разлуке, не мог читать; когда же пришло время говорить их Карлу Иванычу, который, зажмурившись, слушал меня (это был дурной признак), именно на том месте, где один говорит: «Wo kommen Sie her?»¹, а другой отвечает: «Ich komme vom Kaffee-Hause»², я не мог более удерживать слёз и от рыданий не мог про-

¹ «Откуда вы идёте?» (нем.)

² «Я иду из кафе» (нем.).

изнести: «Haben Sie die Zeitung nicht gelesen?»¹. Когда дошло дело до чистописания, я от слёз, падавших на бумагу, наделал таких клякс, как будто писал водой на обёрточной бумаге.

Карл Иваныч рассердился, поставил меня на колени, твердил, что это упрямство, кукольная комедия (это было любимое его слово), угрожал линейкой и требовал, чтобы я просил прощенья, тогда как я от слёз не мог слова вымолвить; наконец, должно быть, чувствуя свою несправедливость, он ушёл в комнату Николая и хлопнул дверью.

Из классной слышен был разговор в комнате дядьки.
— Ты слышал, Николай, что дети едут в Москву? — сказал Карл Иваныч, входя в комнату.

— Как же-с, слышал.
Должно быть, Николай хотел встать, потому что Карл Иваныч сказал: «Сиди, Николай!» — и вслед за этим затворил дверь. Я вышел из угла и подошёл к двери подслушивать.

— Сколько ни делай добра людям, как ни будь привязан, видно, благодарности нельзя ожидать, Николай? — говорил Карл Иваныч с чувством.

Николай, сидя у окна за сапожной работой, утвердительно кивнул головой.

— Я двенадцать лет живу в этом доме и могу сказать перед Богом, Николай, — продолжал Карл Иваныч, поднимая глаза и табакерку к потолку, — что я их любил и занимался ими больше, чем ежели бы это были мои собственные дети. Ты помнишь, Николай, когда у Володеньки была горячка, помнишь, как я девять дней, не смыкая глаз, сидел у его постели. Да! тогда я был добрый, милый Карл Иваныч, тогда я был нужен; а теперь, — прибавил он, иронически улыбаясь, — теперь *дети большие стали*; им надо *серьёзно учиться*. Точно они здесь не учатся, Николай?

— Как же ещё учиться, кажется, — сказал Николай, положив шило и протягивая обеими руками дратвы.

— Да, теперь я не нужен стал, меня и надо прогнать; а где обещания? где благодарность? Наталью Николаевну

¹ «Вы не читали газеты?» (нем.)

я уважаю и люблю, Николай, — сказал он, прикладывая руку к груди, — да что она?.. её воля в этом доме всё равно, что вот это, — при этом он с выразительным жестом кинул на пол обрезок кожи. — Я знаю, чьи это штуки и отчего я стал ненужен: оттого, что я не льщу и не по-такаю во всём, как *иные люди*. Я привык всегда и перед всеми говорить правду, — сказал он гордо. — Бог с ними! Оттого, что меня не будет, они не разбогатеют, а я, Бог милостив, найду себе кусок хлеба... не так ли, Николай?

Николай поднял голову и посмотрел на Карла Ивановича так, как будто желая удостовериться, действительно ли может он найти кусок хлеба, — но ничего не сказал.

Много и долго говорил в этом духе Карл Иванович: говорил о том, как лучше умели ценить его заслуги у какого-то генерала, где он прежде жил (мне очень больно было это слышать), говорил о Саксонии, о своих родителях, о друге своём портном Schönheit и т. д., и т. д.

Я сочувствовал его горю, и мне больно было, что отец и Карл Иванович, которых я почти одинаково любил, не поняли друг друга; я опять отправился в угол, сел на пятки и рассуждал о том, как бы восстановить между ними согласие.

Вернувшись в классную, Карл Иванович велел мне встать и приготовить тетрадь для писания под диктовку. Когда всё было готово, он величественно опустился в своё кресло и голосом, который, казалось, выходил из какой-то глубины, начал диктовать следующее: «Von al-len Leiden-schaf-ten die grau-samste ist... haben Sie geschrieben?»¹. Здесь он остановился, медленно понюхал табак и продолжал с новой силой: «Die grausamste ist die Un-dank-barkeit... Ein grosses U»². В ожидании продолжения, написав последнее слово, я посмотрел на него.

— Punctum³, — сказал он с едва заметной улыбкой и сделал знак, чтобы мы подали ему тетради.

Несколько раз, с различными интонациями и с выражением величайшего удовольствия, прочёл он это изречение, выражавшее его задушевную мысль; потом задал

¹ «Из всех пороков самый тяжкий... написали?» (нем.)

² «Самый тяжкий есть Неблагодарность... С большой буквы» (нем.).

³ Точка (лат.).

нам урок из истории и сел у окна. Лицо его не было угрюмо, как прежде; оно выражало довольство человека, достойно отмстившего за нанесённую ему обиду.

Было без четверти час; но Карл Иваныч, казалось, и не думал о том, чтобы отпустить нас: он то и дело задавал новые уроки. Скука и аппетит увеличивались в одинаковой мере. Я с сильным нетерпением следил за всеми признаками, доказывавшими близость обеда. Вот дворовая женщина с мочалкой идёт мыть тарелки, вот слышно, как шумят посудой в буфете, раздвигают стол и ставят стулья, вот и Мими с Любочкой и Катенькой (Катенька — двенадцатилетняя дочь Мими) идут из сада: но не видать Фоки — дворецкого Фоки, который всегда приходит и объявляет, что кушать готово. Тогда только можно будет бросить книги и, не обращая внимания на Карла Иваныча, бежать вниз.

Вот слышны шаги по лестнице; но это не Фока! Я изучил его походку и всегда узнаю скрип его сапогов. Дверь отворилась, и в ней показалась фигура, мне совершенно незнакомая.

Размышляем о прочитанном

1. О чём тревожится Карл Иваныч? Как проявилась его обида во время урока и как воспринимает услышанное Николенька? Каково авторское отношение к учителю? Подтвердите свой ответ цитатами из текста повести.
2. Какими представляются вам герои этой небольшой главы «Классы» (из повести Л. Н. Толстого «Детство»)? Как характеризуют героя раздумья о Карле Иваныче и об отце? Подготовьте развёрнутый устный ответ на этот вопрос.

Наталья Савишна

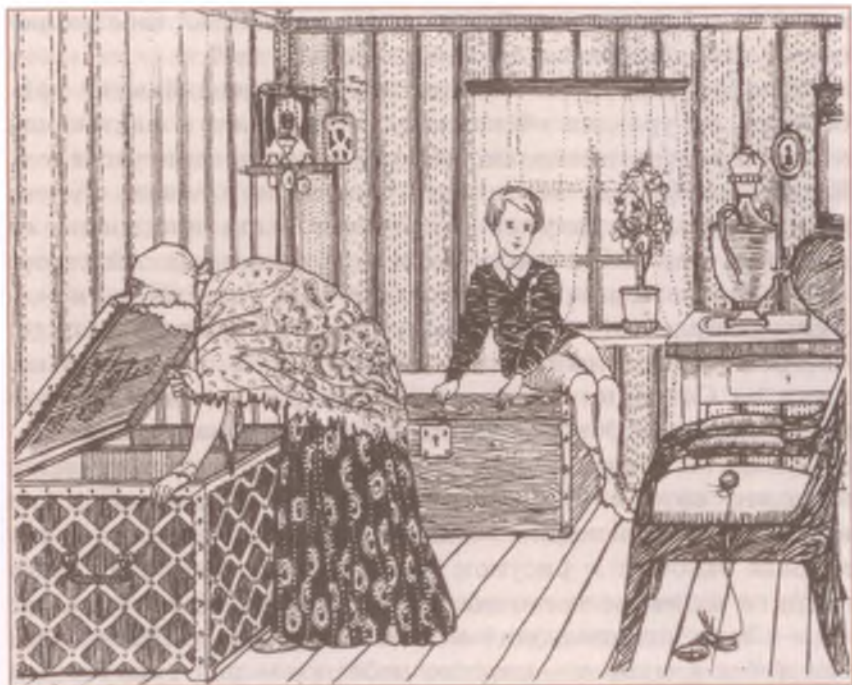
В половине прошлого столетия по дворам села Хабаровки бегала в затрапезном платье босоногая, но весёлая, толстая и краснощёкая девка *Наташка*. По заслугам и просьбе отца её, кларнетиста Саввы, дед мой взял её в верх — находится в числе женской прислуги бабушки. Горничная *Наташка* отличалась в этой должности кротостью нрава и усердием. Когда родилась матушка и по-

надобилась няня, эту обязанность возложили на *Наташку*. И на этом новом поприще она заслужила похвалы и награды за свою деятельность, верность и привязанность к молодой госпоже. Но напудренная голова и чулки с пряжками молодого бойкого официанта пленили её грубое, но любящее сердце. Она даже сама решилась идти к дедушке просить позволения выйти за *Фоку* замуж. Дедушка принял её желание за неблагодарность, прогневался и сослал бедную Наталью в наказание на скотный двор в степную деревню. Через шесть месяцев, однако, так как никто не мог заменить Наталью, она была возвращена в двор и в прежнюю должность. Возвратившись в затрапезке из изгнания, она явилась к дедушке, упала ему в ноги и просила возвратить ей милость, ласку и забыть ту дурь, которая на неё нашла было и которая, она клялась, уже больше не возвратится. И действительно, она сдержала своё слово.

С тех пор *Наташка* сделалась *Натальей Савишной* и надела чепец; весь запас любви, который в ней хранился, она перенесла на барышню свою.

Когда подле матушки заменила её гувернантка, она получила ключи от кладовой, и ей на руки сданы были бельё и вся провизия. Новые обязанности эти она исполняла с тем же усердием и любовью. Она вся жила в барском добре, во всём видела трату, порчу, расхищение и всеми средствами старалась противодействовать.

Когда *татап* вышла замуж, желая чем-нибудь отблагодарить *Наталью Савишну* за её двадцатилетние труды и привязанность, она позвала её к себе и, выразив в самых лестных словах всю свою к ней признательность и любовь, вручила ей лист гербовой бумаги, на котором была написана вольная *Наталье Савишне*, и сказала, что, несмотря на то, будет ли она или нет продолжать служить в нашем доме, она всегда будет получать ежегодную пенсию в триста рублей. *Наталья Савишна* молча выслушала всё это, потом, взяв в руки документ, злобно взглянула на него, пробормотала что-то сквозь зубы и выбежала из комнаты, хлопнув дверью. Не понимая причины такого странного поступка, *татап* немного погодя вошла в комнату *Натальи Савишны*. Она сидела с заплаканными глазами на сундуке, перебирая пальцами

«Детство». Художник А. Вестфален

носовой платок, и пристально смотрела на валявшиеся на полу перед ней клочки изорванной вольной.

— Что с вами, голубушка Наталья Савишна? — спросила мама, взяв её за руку.

— Ничего, матушка, — отвечала она, — должно быть, я вам чем-нибудь противна, что вы меня со двора гоните... Что ж, я пойду.

Она вырвала свою руку и, едва удерживаясь от слёз, хотела уйти из комнаты. Мама удержала её, обняла, и они обе расплакались.

С тех пор, как я себя помню, помню я и Наталью Савишну, её любовь и ласки; но теперь только умею ценить их, — тогда же мне и в голову не приходило, какое редкое, чудесное создание была эта старушка. Она не только никогда не говорила, но и не думала, кажется, о себе: вся жизнь её была любовь и самопожертвование. Я так привык к её бескорыстной, нежной любви к нам, что и не вообразал, чтобы это могло быть иначе, нисколь-

ко не был благодарен ей и никогда не задавал себе вопросов: а что, счастлива ли она? довольна ли?

Бывало, под предлогом необходимой надобности, прибежишь от урока в её комнату, усядешься и начинаешь мечтать вслух, нисколько не стесняясь её присутствием. Всегда она бывала чем-нибудь занята: или вязала чулок, или рылась в сундуках, которыми была наполнена её комната, или записывала бельё и, слушая всякий вздор, который я говорил, «как, когда я буду генералом, я женюсь на чудесной красавице, куплю себе рыжую лошадь, построю стеклянный дом и выпишу родных Карла Ивана из Саксонии» и т. д., она приговаривала «Да, мой батюшка, да». Обыкновенно, когда я вставал и собирался уходить, она отворяла голубой сундук, на крышке которого снутри — как теперь помню — были наклеены крашеное изображение какого-то гусара, картинка с помадной баночки и рисунок Володи, — вынимала из этого сундука куренье, зажигала его и, помахивая, говаривала:

— Это, батюшка, ещё очаковское куренье. Когда ваш покойник дедушка — царство небесное — под турку ходили, так оттуда ещё привезли. Вот уж последний кусочек остался, — прибавляла она со вздохом.

В сундуках, которыми была наполнена её комната, было решительно всё. Что бы ни понадобилось, обыкновенно говаривали: «Надо спросить у Натальи Савишны», и действительно, порывшись немного, она находила требуемый предмет и говаривала: «Вот и хорошо, что припрятала». В сундуках этих были тысячи таких предметов, о которых никто в доме, кроме неё, не знал и не заботился.

Один раз я на неё рассердился. Вот как это было. За обедом, наливая себе квасу, я уронил графин и облил скатерть.

— Позовите-ка Наталью Савишну, чтобы она порадовалась на своего любимчика, — сказала татап.

Наталья Савишна вошла и, увидав лужу, которую я сделал, покачала головой; потом татап сказала ей что-то на ухо, и она, погрозившись на меня, вышла.

После обеда я в самом весёлом расположении духа, припрыгивая, отправился в залу, как вдруг из-за двери выскочила Наталья Савишна с скатертью в руке, поймала

меня и, несмотря на отчаянное сопротивление с моей стороны, начала тереть меня мокрым по лицу, приговаривая: «Не пачкай скатертей, не пачкай скатертей!» Меня так это обидело, что я разревелся от злости.

«Как! — говорил я сам себе, прохаживаясь по зале и захлёбываясь от слёз, — Наталья Савишна, просто *Наталья*, говорит мне *ты* и ещё бьёт меня по лицу мокрой скатертью, как дворового мальчишку. Нет, это ужасно!»

Когда Наталья Савишна увидела, что я распустил слюни, она тотчас же убежала, а я, продолжая прохаживаться, рассуждал о том, как бы отплатить дерзкой Наталье за нанесённое мне оскорбление.

Через несколько минут Наталья Савишна вернулась, робко подошла ко мне и начала увещевать:

— Полноте, мой батюшка, не плачьте... простите меня дуру... я виновата... уж вы меня простите, мой голубчик... вот вам.

Она вынула из-под платка корнет, сделанный из красной бумаги, в котором были две карамельки и одна винная ягода, и дрожащей рукой подала его мне. У меня не доставало сил взглянуть в лицо доброй старушке; я, отвернувшись, принял подарок, и слёзы потекли ещё обильнее, но уже не от злости, а от любви и стыда.

Детство

Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений.

Набегавшись досыта, сидишь, бывало, за чайным столом, на своём высоком креслице; уже поздно, давно выпил свою чашку молока с сахаром, сон смыкает глаза, но не трогаешься с места, сидишь и слушаешь. И как не слушать? Маман говорит с кем-нибудь, и звуки голоса её так сладки, так приветливы. Одни звуки эти так много говорят моему сердцу! Отуманенными дремотой глазами я пристально смотрю на её лицо, и вдруг она сделалась вся маленькая, маленькая — лицо её не больше пуговки; но оно мне всё так же ясно видно: вижу, как она взглянула на меня и как улыбнулась. Мне нравится видеть её такой крошечной. Я прищуриваю глаза ещё больше,

и она делается не больше тех мальчиков, которые бывают в зрачках; но я пошевелился — и очарование разрушилось; я суживаю глаза, поворачиваюсь, всячески стараюсь возобновить его, но напрасно.

Я встаю, с ногами забираюсь и уютно укладываюсь на кресло.

— Ты опять заснешь, Николенька, — говорит мне мама, — ты бы лучше шёл наверх.

— Я не хочу спать, мамаша, — ответишь ей, и неясные, но сладкие грёзы наполняют воображение, здоровый детский сон смыкает веки, и через минуту забудешься и спишь до тех пор, пока не разбудят. Чувствуешь, бывало, впросонках, что чья-то нежная рука трогает тебя; по одному прикосновению узнаёшь её и ещё во сне невольно схватишь эту руку и крепко, крепко прижмешь её к губам.

Все уже разошлись; одна свеча горит в гостиной; мама сказала, что она сама разбудит меня; это она присела на кресло, на котором я сплю, своей чудесной нежной ручкой провела по моим волосам, и над ухом моим звучит милый знакомый голос:

— Вставай, моя душечка: пора идти спать.

Ничьи равнодушные взоры не стесняют её: она не боится излить на меня всю свою нежность и любовь. Я не шевелюсь, но ещё крепче целую её руку.

— Вставай же, мой ангел.

Она другой рукой берёт меня за шею, и пальчики её быстро шевелятся и щекотят меня. В комнате тихо, полутемно; нервы мои возбуждены щекоткой и пробуждением; мамаша сидит подле самого меня; она трогает меня; я слышу её запах и голос. Все это заставляет меня вскочить, обвить руками её шею, прижать голову к её груди и, задыхаясь, сказать:

— Ах, милая, милая мамаша, как я тебя люблю!

Она улыбается своей грустной, очаровательной улыбкой, берёт обеими руками мою голову, целует меня в лоб и кладет к себе на колени.

— Так ты меня очень любишь? — Она молчит с минуту, потом говорит: — Смотри, всегда люби меня, никогда не забывай. Если не будет твоей мамаша, ты не забудешь её? не забудешь, Николенька?

Она ещё нежнее целует меня.

— Полно! и не говори этого, голубчик мой, душечка моя! — вскрикиваю я, целуя её колени, и слёзы ручьями льются из моих глаз, — слёзы любви и восторга.

После этого, как, бывало, придёшь наверх и станешь перед иконами, в своём ваточном халатце, какое чудесное чувство испытываешь, говоря: «Спаси, Господи, папеньку и маменьку». Повторяя молитвы, которые в первый раз лепетали детские уста мои за любимой матерью, любовь к ней и любовь к Богу как-то странно сливались в одно чувство.

После молитвы завернёшься, бывало, в одеяльце; на душе легко, светло и отрадно; одни мечты гонят другие, — но о чём они? они неуловимы, но исполнены чистой любовью и надеждами на светлое счастье. Вспомнишь, бывало, о Карле Ивановиче и его горькой участи — единственном человеке, которого я знал несчастливым, — и так жалко станет, так полюбишь его, что слёзы потекут из глаз, и думаешь: «Дай Бог ему счастья, дай мне возможность помочь ему, облегчить его горе; я всем готов для него пожертвовать». Потом любимую фарфоровую игрушку — зайчика или собачку — уткнёшь в угол пуховой подушки и любишься, как хорошо, тепло и уютно ей там лежать. Ещё помолитесь о том, чтобы дал Бог счастья всем, чтобы все были довольны и чтобы завтра была хорошая погода для гулянья, повернёшься на другой бок, мысли и мечты перепутаются, смешаются, и уснёшь тихо, спокойно, ещё с мокрым от слёз лицом.

Вернутся ли когда-нибудь та свежесть, беззаботность, потребность любви и сила веры, которыми обладаешь в детстве? Какое время может быть лучше того, когда две лучшие добродетели — невинная весёлость и беспредельная потребность любви — были единственными побуждениями в жизни?

Где те горячие молитвы? где лучший дар — те чистые слёзы умиления? Прилетал ангел-утешитель, с улыбкой утирал слёзы эти и навевал сладкие грёзы неиспорченному детскому воображению.

Неужели жизнь оставила такие тяжёлые следы в моём сердце, что навеки отошли от меня слёзы и восторги эти? Неужели остались одни воспоминания?

Размышляем о прочитанном

1. Какой представляется матушка герою повести «Детство»? Когда её лицо становилось ещё лучше? Каким был отец и что было характерно для него (отношения его с другими людьми, особенности его одежды, отношение к музыке, книгам, умение говорить)?
2. Кажется ли вам характер Натали Савишны интересным? Почему она решила не брать вольную? Одобряете ли вы её решение? Почему?
3. Как проявляются характеры героев в случае со скатертью и на чьей стороне вы в этой ситуации? Какие совершаются ошибки главным героем и видит ли он их сам?
4. Толстой спрашивает: «Вернутся ли когда-нибудь та свежесть, беззаботность, потребность любви и сила веры, которыми обладаешь в детстве? Какое время может быть лучше того, когда две лучшие добродетели — невинная весёлость и беспредельная потребность любви были единственными побуждениями в жизни?.. Неужели жизнь оставила такие тяжёлые следы в моём сердце, что навеки отошли от меня слёзы и восторги эти?» Что беспокоит Л. Н. Толстого, когда он думает о детстве? Подготовьте развёрнутый ответ на этот вопрос.

Творческое задание

Особенностью характера героя повести «Детство» является то, что он постоянно думает о проявлении своих чувств и часто бывает, по выражению И. Смольникова, «беспощадным к самому себе». Подумайте, всегда ли вы критически оцениваете свои поступки и чувства. Бываете ли вы при этом беспощадными к самим себе? Расскажите об одном из таких случаев.

Литература и изобразительное искусство

Рассмотрите иллюстрации. Такой ли вы представляете себе обстановку, быт? Какими бы вы нарисовали героев прочитанных вами глав из «Детства»? Каким настроением пронизаны иллюстрации? Почему они больше напоминают светлое воспоминание, а не реальную зарисовку?

Совершенствуем свою речь

Объясните слова: *привязанность, самопожертвование, сочувствие, согласие*. Опишите дом вашего раннего детства, свои отношения со взрослыми, которые вас радовали или огорчали, введите в рассказ слова, которые вы объяснили.

Редко можно найти среди европейских и, в частности, русских писателей соперника Толстому в упорном труде над своими произведениями. Толстой массу напечатал, но во много раз он больше написал, почти всегда предваряя окончательный текст длинной цепью черновых набросков... Десятки и сотни листов, исписанные для складывавшихся «Детства», «Войны и мира» и т. д., им забраковывались, и работа начиналась сызнова... «Страшная вещь — наша работа. Кроме нас никто этого не знает...» — писал он Фёту.

И далее в дневниках: «Выразить словами то, что понимаешь, так, чтобы другие поняли тебя, как ты сам, — дело самое трудное, и всегда чувствуешь, что далеко, далеко не достиг того, что должно и можно».

«Нужно писать начерно, не обдумывая места и правильности выражения мыслей. Второй раз переписывать, исключая всё лишнее и давая настоящее место каждой мысли. Третий раз переписывать, обрабатывая правильность выражений». Переделка написанного Толстым, как правило, производилась не два раза, как намечено в дневниковой записи, а гораздо больше...

Написанное и исправленное переписывалось обычно не самим Толстым, а его близкими и знакомыми. По мере роста славы Толстого количество переписчиков увеличивалось; с начала 1900-х годов в Ясной Поляне появилась пишущая машинка, облегчившая и вместе с тем умножившая количество копий, непрестанно исправлявшихся Толстым...

Работал Толстой обычно с утра до обеда. «Утром голова особенно свежа», — писал он. Работа Толстого, как правило, была регулярна и систематична... «Я думаю, что каждый большой художник должен создавать и свои формы. Если содержание художественных произведений может быть бесконечно разнообразно, то также и их форма». И далее Толстой перечисляет лучшие произведения русской литературы (в том числе своё «Детство»).

Н. К. Гудзий

Размышляем о прочитанном

1. Передайте коротко смысл текстов И. Ф. Смольникова «В середине XIX столетия...» и Н. К. Гудзиев «Как работал Толстой».

2. В ресурсах Интернета найдите репродукции портретов Л. Н. Толстого, выполненные разными художниками. Что стремились подчеркнуть в облике писателя живописцы, графики?

Обогащаем свою речь

1. Выберите из приведённых отрывков повести размышления героя. Подумайте, какие мысли его тревожат, как помогает самосовершенствованию его «беспощадность к самому себе».
2. Подготовьте диалог с одноклассником о героях Л. Н. Толстого.
3. Объясните значение слов и словосочетаний, введите их в собственную речь: *возникают воспоминания, воскресить в воображении, утончённость, прелесть, самоуверенность, досада, огорчение.*

Антон Павлович ЧЕХОВ

1860—1904

...Никто не понимал так ясно и тонко, как Антон Чехов, трагизм мелочей жизни, никто до него не умел так беспощадно правдиво нарисовать людям позорную и тоскливую картину их жизни.

М. Горький

Антон Павлович Чехов родился в городе Таганроге. Его дед — крепостной, откупившийся на волю. Отец — мещанин, владевший бакалейной лавкой. «Антон Павлович только издали видел счастливых детей, но сам никогда не переживал счастливого, беззаботного и жизнерадостного детства, о котором было бы приятно вспомнить, пересматривая прошлое. Семейный уклад сложился для писателя так неудачно, что он не имел возможности ни побегать, ни порезвиться, ни пошалить. На это не хватало времени, потому что всё своё свободное время он должен был проводить в лавке. Кроме того, на всём лежал отцовский запрет; бегать нельзя было потому, что „сапоги побьёшь“; шалить запрещалось оттого, что „балуются только уличные мальчишки“; играть с товарищами — пустая и вредная забава: „товарищи бог знает чему научат...“» — вспоминал брат писателя Александр Павлович Чехов.

Скудная торговля отца не покрывала расходов большой семьи, он разорился, принуждён был объявить себя банкротом, вскоре переехал в Москву. А. П. Чехову, учившемуся с 1868 года в гимназии, пришлось с 6 класса вести самостоятельную жизнь, зарабатывая деньги уроками. В гимназии пишет юмористические сценки, очерки, пьесы. В 1879 году он поступил на медицинский факультет Московского университета, который закончил в 1884 году. С 1880 года его произведения начинают появляться в печати под псевдонимом Антоша Чехонте¹.

¹ Антоша Чехонте — псевдоним писателя. Вот как он появился: преподаватель Закона Божьего таганрогской гимназии Покровский любил переназначать фамилии учеников. Антона Чехова он называл Антоша Чехонте.

Короткая жизнь писателя — всего 44 года — целиком была наполнена работой. В 1884 году вышла из печати его первая книга рассказов. Неподдельное веселье, остроумие, сжатость и силу изображения отметят современники в произведениях писателя. «После выхода в свет „Пёстрых рассказов“ (это вторая книга, изданная в 1887 году) имя Антона Павловича Чехова сразу стало известным...» — вспоминал В. Г. Короленко.

В 1892 году Чехов покупает имение Мелихово под Москвой. Здесь он наблюдает жизнь крестьян и ведёт среди них большую общественную работу (в качестве врача, попечителя школы). «Если я литератор, то мне нужно жить среди народа, а не на Малой Дмитровке», — пишет он в эти годы. Быстро развивающийся туберкулёзный процесс заставил писателя поселиться в Ялте. В 1904 году он уехал лечиться в Германию, где и умер.

Неустанно поиски писателя — это рассказы, водевили, объявления и рекламы, театральные рецензии и пьесы, анекдоты и подписи к рисункам, сценки и очерки. Он сам шутовски признавался: «Кроме стихов и доносов, я всё перепробовал». В творчестве раннего Чехова преобладает юмор.

Писатель избегает отступлений, его рассказы всегда кратки. Он говорил: «В маленьких рассказах лучше недосказать, чем пересказать». Чехов равнодушен к внешней детали. Так, например, перемены внутреннего состояния полицейского надзирателя Очумелова в рассказе «Хамелеон» показываются им посредством такой внешней детали, как приказание то снять, то надеть на него пальто.

Искрящийся юмор, громкий смех, сопутствующий ранним произведениям Чехова, всё чаще сменяется постановкой наиболее важных нравственных вопросов.

Новаторство Чехова проявилось в умении просто, точно и предельно кратко изображать правду обыденной жизни, так что за смешными мелочами быта, за анекдотическими ситуациями раскрывался глубокий смысл...

А. И. Ревякин

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ЧЕХОВЕ

Бесчисленны высказывания писателей о Чехове. Приведём некоторые из них и постараемся понять, что ценили в его творчестве профессиональные литераторы.

...Благодаря своей искренности Чехов создал новые, совершенно новые, по-моему, для всего мира формы писания, подобных которым я не встречал нигде. Его язык удивителен. Я помню, что когда я первый раз начал читать Чехова, то сначала он показался мне каким-то странным, как бы нескладным. Но как только я вчитался, так этот язык и захватил меня...

Л. Н. Толстой

...А. П. [Чехов] делился со мной наблюдениями над своим творческим процессом. Меня особенно поразило то, что он подчас, заканчивая абзац или главу, особенно старательно подбирает последние слова по их звучанию, ища как бы музыкального завершения предложения.

Г. И. Россолимо

Прост, точен и скуп на слова был он даже в обыденной жизни. Словом он чрезвычайно дорожил. <...> Писателя в его речи не чувствовалось, сравнения, эпитеты он употреблял редко, а если и употреблял, то чаще всего обыденные, и никогда не щеголял ими, никогда не наслаждался своим удачно сказанным словом.

И. А. Бунин

* * *

Он был гостеприимен... Хлебосольство у него доходило до страсти. Стоило ему поселиться в деревне, и он тотчас же приглашал к себе кучу гостей. Многим это могло показаться безумием: человек только что выбился из многолетней нужды, ему приходится таким тяжким трудом содержать всю семью — и мать, и брата, и сестру, и отца, — у него нет ни гроша на завтрашний день, а он весь свой дом, сверху донизу, набивает гостями, и кормит их, и развлекает, и лечит!

Звал он к себе всегда весело, бравурно, игриво, затейливо, словно отражая в самом стиле своих приглашений атмосферу молодого веселья, которая окружала его...

«Не ненавижу Вас за то, что Ваш успех мешает Вам приехать ко мне», — писал он одному из приятелей.

«Какие муки мы должны будем придумать для Вас, если Вы к нам не приедете?»...

Изобилие кипящих в нём творческих сил поражало всякого, с кем он в то время встречался...

— Знаете, как я пишу свои маленькие рассказы? — сказал он Короленко, когда тот только что познакомился с ним. — Вот.

Он оглянул стол, взял в руки первую попавшуюся на глаза вещь — это оказалась пепельница, — поставил её передо мной и сказал:

— Хотите — завтра будет рассказ... Заглавие «Пепельница»...

Всех изумляла тогда именно эта свобода и лёгкость, с которой бьющая в нём через край могучая энергия творчества воплощалась в несметное множество бесконечно разнообразных рассказов... С самой ранней юности — лет десять, двенадцать подряд Чехов работал, как фабрика, не зная ни минуты простоя, выбрасывая горы продукции... он создавал их без натуги, чуть не ежедневно, один за другим: и «Орден», и «Хирургию», и «Канитель», и «Лошадиную фамилию», и мириады других произведений, и в каждом из них... живёт его неумолкающий хохот.

К. И. Чуковский

Проверьте себя

1. Как сочеталась литературная деятельность Чехова с его врачебной практикой, общественной деятельностью?
2. Каким человеком предстаёт перед нами Чехов, какие особенности его творческой манеры отмечают в своих воспоминаниях писатели?

Совершенствуем свою речь

Используя воспоминания современников, материалы словарей «Русские писатели XIX века», подготовьте устное сообщение о жизни писателя.

Хамелеон¹

Через базарную площадь идёт полицейский надзиратель Очумелов в новой шинели и с узелком в руке. За ним шагает рыжий городской² с решетом, доверху наполнен-

¹ *Хамелеон* — порода ящериц, быстро меняющих цвет кожи в зависимости от окружающей среды.

² *Городовой* — нижний чин полицейской охраны в городе.

ным конфискованным¹ крыжовником. Кругом тишина... На площади ни души... Открытые двери лавок и кабаков глядят на свет Божий уныло, как голодные пасти; около них нет даже нищих.

— Так ты кусаться, окаянная? — слышит вдруг Очумелов. — Ребята, не пуцай её! Нынче не велено кусаться! Держи! А...а!

Слышен собачий визг. Очумелов глядит в сторону и видит: из дровяного склада купца Пичугина, прыгая на трёх ногах и оглядываясь, бежит собака. За ней гонится человек в ситцевой крахмальной рубаше и расстёгнутой жилетке. Он бежит за ней и, подавшись туловищем вперёд, падает на землю и хватается собаку за задние лапы. Слышен вторично собачий визг и крик: «Не пуцай!» Из лавок высовываются сонные физиономии, и скоро около дровяного склада, словно из земли выросши, собирается толпа.

— Никак беспорядок, ваше благородие!.. — говорит городской.

Очумелов делает полуоборот налево и шагает к сборищу. Около самых ворот склада, видит он, стоит вышеописанный человек в расстёгнутой жилетке и, подняв вверх правую руку, показывает толпе окровавленный палец. На полупьяном лице его как бы написано: «Ужо я сорву с тебя, шельма!», да и самый палец имеет вид знамения победы. В этом человеке Очумелов узнаёт золотых дел мастера Хрюкина. В центре толпы, растопырив передние ноги и дрожа всем телом, сидит на земле сам виновник скандала — белый борзой щенок с острой мордой и жёлтым пятном на спине. В слезящихся глазах его выражение тоски и ужаса.

— По какому это случаю тут? — спрашивает Очумелов, врезываясь в толпу. — Почему тут? Это ты зачем палец?.. Кто кричал?

— Иду я, ваше благородие, никого не трогаю... — начинает Хрюкин, кашляя в кулак. — Насчёт дров с Митрий Митричем, — и вдруг эта подлая ни с того ни с сего за палец... Вы меня извините, я человек, который работающий... Работа у меня мелкая. Пуцай мне заплатят,

¹ Конфискованный — от конфисковать; здесь: отобрать, отнять.

потому — я этим пальцем, может, неделю не пошевели-ну... Этого, ваше благородие, и в законе нет, чтоб от твари терпеть... Ежели каждый будет кусаться, то лучше и не жить на свете...

— Гм!.. Хорошо... — говорит Очумелов строго, кашляя и шевеля бровями. — Хорошо... Чья собака? Я этого так не оставляю. Я покажу вам, как собак распускать! Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям! Как оштрафуют его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу Кузькину мать!.. Елдырин, — обращается надзиратель к городовому, — узнай, чья это собака, и составляй протокол! А собаку истребить надо. Немедля! Она, наверное, бешеная... Чья это собака, спрашиваю?

— Это, кажись, генерала Жигалова! — говорит кто-то из толпы.

— Генерала Жигалова? Гм!.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто... Ужас как жарко! Должно полагать, перед дождём... Одного только я не понимаю: как она могла тебя укусить? — обращается Очумелов к Хрюкину. — Нешто она достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровила! Ты, должно быть, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб соврать. Ты ведь... известный народ! Знаю вас, чертей!

— Он, ваше благородие, сигаркой ей в харю для смеха, а она — не будь дура, и тяпни... Вздорный человек, ваше благородие!

— Врёшь, кривой! Не видал, так, стало быть, зачем врать? Их благородие умный господин и понимают, ежели кто врёт, а кто по совести, как перед Богом... А ежели я вру, так пушай мировой¹ рассудит. У него в законе сказано... Нынче все равны... У меня у самого брат в жандармах... ежели хотите знать...

— Не рассуждать!

— Нет, это не генеральская... — глубокомысленно замечает городовой. — У генерала таких нет. У него всё больше легавые...

¹ *Мировой* — судья, разбиравший единолично мелкие дела, устанавливавший мир между спорящими сторонами.

— Ты это верно знаешь?

— Верно, ваше благородие...

— Я и сам знаю. У генерала собаки дорогие, породистые, а эта — чёрт знает что! Ни шерсти, ни вида... подлость одна только... И этакую собаку держать?! Где же у вас ум? Попадись этакая собака в Петербурге или Москве, то знаете, что было бы? Там не посмотрели бы в закон, а моментально — не дыши! Ты, Хрюкин, пострадал и дела этого так не оставляй... Нужно проучить! Пора...

— А может быть, и генеральская... — думает вслух городской. — На морде у ней не написано... Намедни во дворе у него такую видел.

— Вестимо, генеральская! — говорит голос из толпы.

— Гм!.. Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто... Что-то ветром подуло... Знобит... Ты отведёшь её к генералу и спросишь там. Скажешь, что я нашёл и прислал... И скажи, чтобы её не выпускали на улицу... Она, может быть, дорогая, а ежели каждый свинья будет ей в нос сигаркой тыкать, то долго ли испортить. Собака — нежная тварь... А ты, болван, опусти руку! Нечего свой дурацкий палец выставлять! Сам виноват!..

— Повар генеральский идёт, его спросим... Эй, Прохор! Поди-ка, милый, сюда! Погляди на собаку... Ваша?

— Выдумал! Эдаких у нас отродясь не бывало!

— И спрашивать тут долго нечего, — говорит Очумелов. — Она бродячая! Нечего тут долго разговаривать... Ежели сказал, что бродячая, стало быть, и бродячая... Истребить, вот и всё.

— Это не наша, — продолжает Прохор. — Это генералова брата, что наместись приехал. Наш не охотник до борзых. Брат ихний охоч...

— Да разве братец ихний приехали? Владимир Иваныч? — спрашивает Очумелов, и всё лицо его заливается улыбкой умиления. — Ишь ты, Господи! А я и не знал! Погостить приехали?

— В гости...

— Ишь ты, Господи... Соскучились по братце... А я ведь и не знал! Так это ихняя собачка? Очень рад... Возьми её... Собачонка ничего себе... Шустрая такая...

Цап этого за палец! Ха-ха-ха... Ну, чего дрожишь? Ррр... Рр... Сердится, шельма... цуцук этакий...

Прохор зовёт собаку и идёт с ней от дровяного склада... Толпа хохочет над Хрюкиным.

— Я ещё доберусь до тебя! — грозит ему Очумелов и, запахиваясь в шинель, продолжает свой путь по базарной площади.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

А. П. Чехов. «Хамелеон»

1. Прислушайтесь к тому, как актёр читает начало рассказа — описание шестивя полицейского надзирателя Очумелова через базарную площадь. Какими средствами выразительного чтения актёр передаёт отношение автора к герою рассказа?
2. По ходу разбирательства Очумелов просит городского то снять с него пальто, то снова надеть. Его бросает то в жар, то в холод. Почему? Какую сложную внутреннюю работу мысли пытается показать актёр, произнося слова про пальто, жару, холод?
3. Обратите внимание на то, как резкий и категоричный тон актёра в словах «Ежели сказал, что бродячая, стало быть, и бродячая... Истребить, вот и всё» сменяется на умильно-сладостное: «Так это ихняя собачка? Очень рад... Возьми её... Собачонка ничего себе... Шустрая такая...» Как называется приём резкого противопоставления в художественном произведении? Какими средствами актёр достигает противопоставления в художественном чтении (смена интонаций, противоположная эмоциональная окраска, смена силы звучания, повышение или понижение силы звука и т. д.)?⁶
4. Подготовьте чтение рассказа по ролям. Помните при этом, что чтение текста от автора не должно быть бесстрастным, оно выражает отношение писателя к героям произведения.

Размышляем о прочитанном

1. Какие эпизоды, диалоги, поступки героев показались вам смешными, какие — горестными, грустными? Вспомните, как зовут чеховских героев и помогают ли их имена лучше понять их характеры?
2. Расскажите, как движется полицейский надзиратель Очумелов, и подумайте, как относится автор к герою, судя по этому описанию.

Какие обороты речи полицейского надзирателя кажутся вам смешными?

3. В зависимости от чего меняется отношение Очумелова к Хрюкину и как выражается это в словах, интонации, жестах?
4. Почему рассказ назван «Хамелеон»? Кого из героев можно назвать хамелеоном и какие детали текста (художественные детали) помогают понять это? Что вы могли бы сказать об Очумелове, Хрюкине, толпе на основании прочитанного рассказа?
5. Как с помощью речи героев определяется их характер?

Прочитайте самостоятельно рассказ А. П. Чехова «Злоумышленник». Подумайте, над чем смеётся автор и что его огорчает.

Злоумышленник

Перед судебным следователем стоит маленький, чрезвычайно тощий мужичонко в пестрядинной рубахе и латаных портах. Его обросшее волосами и изъеденное рябинами лицо и глаза, едва видные из-за густых, нависших бровей, имеют выражение угрюмой суровости. На голове целая шапка давно уже нечёсанных, путаных волос, что придаёт ему ещё большую, паучью суровость. Он бос.

— Денис Григорьев! — начинает следователь. — Подойди поближе и отвечай на мои вопросы. Седьмого числа сего июля железнодорожный сторож Иван Семёнов Акинфов, проходя утром по линии, на 141-й версте, застал тебя за отвинчиванием гайки, коей рельсы прикрепляются к шпалам. Вот она, эта гайка!.. С каковою гайкой он и задержал тебя. Так ли это было?

— Чаво?

— Так ли всё это было, как объясняет Акинфов?

— Знамо, было.

— Хорошо; ну, а для чего ты отвинчивал гайку?

— Чаво?

— Ты это своё «чаво» брось, а отвечай на вопрос: для чего ты отвинчивал гайку?

— Коли б не нужна была, не отвинчивал бы, — хрипит Денис, косясь на потолок.

— Для чего же тебе понадобилась эта гайка?

— Гайка-то? Мы из гаек грузила делаем...

— Кто это — мы?

— Мы, народ... Климовские мужики то есть.

— Послушай, братец, не прикидывайся ты мне идиотом, а говори толком. Нечего тут про грузила врать!

— Отродясь не врал, а тут вру... — бормочет Денис, мигая глазами. — Да нешто, ваше благородие, можно без грузила? Ежели ты живца или выполозка на крючок сажаешь, то нешто он пойдёт ко дну без грузила? Вру... — усмешается Денис. — Чёрт ли в нём, в живце-то, ежели поверху плавать будет? Окунь, щука, налим завсегда на донную идёт, а которая ежели поверху плавает, то ту разве только шилишпёр схватит, да и то редко... В нашей реке не живёт шилишпёр... Эта рыба простор любит.

— Для чего ты мне про шилишпёра рассказываешь?

— Чаво? Да ведь вы сами спрашиваете! У нас и господа так ловят. Самый последний мальчишка не станет тебе без грузила ловить. Конечно, который непонимающий, ну, тот и без грузила пойдёт ловить. Дураку закон не писан...

— Так ты говоришь, что ты отвинтил эту гайку для того, чтобы сделать из неё грузило?

— А то что же? Не в бабки же играть!

— Но для грузила ты мог взять свинец, пулю... гвоздик какой-нибудь...

— Свинец на дороге не найдёшь, купить надо, а гвоздик не годится. Лучше гайки не найтить... И тяжёлая, и дыра есть.

— Дураком каким прикидывается! Точно вчера родился или с неба упал. Разве ты не понимаешь, глупая голова, к чему ведёт это отвинчивание? Не догляди сторож, так ведь поезд мог бы сойти с рельсов, людей бы убило! Ты людей убил бы!

— Избави Господи, ваше благородие! Зачем убивать? Нешто мы некрещёные или злодеи какие? Слава те Господи, господин хороший, век свой прожили и не токмо что убивать, но и мыслей таких в голове не было... Спаси и помилуй, Царица Небесная... Что вы-с!

— А отчего, по-твоему, происходят крушения поездов? Отвинти две-три гайки, вот тебе и крушение!

Денис усмешается и недоверчиво щурит на следователя глаза.

— Ну! Уж сколько лет всей деревней гайки отвинчиваем и хранил Господь, а тут крушение... людей убил... Ежели б я рельсу унёс или, положим, бревно поперёк

«Злоумышленник». Художник В. Пономарёв

ейного пути положил, ну, тогда, пожалуй, своротило бы поезд, а то... тьфу! гайка!

— Да пойми же, гайками прикрепляется рельса к шпалам!

— Это мы понимаем... Мы ведь не все отвинчиваем... оставляем... Не без ума делаем... понимаем...

Денис зевает и крестит рот.

— В прошлом году здесь сошёл поезд с рельсов, — говорит следователь. — Теперь понятно почему...

— Чего изволите?

— Теперь, говорю, понятно, отчего в прошлом году сошёл поезд с рельсов... Я понимаю!

— На то вы и образованные, чтобы понимать, милостивцы наши... Господь знал, кому понятие давал... Вы вот и рассудили, как и что, а сторож тот же мужик, без всякого понятия, хватает за шиворот и тащит... Ты рассуди, а потом и тащи! Сказано — мужик, мужицкий и

ум... Запишите также, ваше благородие, что он меня два раза по зубам ударил и в груди.

— Когда у тебя делали обыск, то нашли ещё одну гайку... Эту в каком месте ты отвинтил и когда?

— Это вы про ту гайку, что под красным сундучком лежала?

— Не знаю, где она у тебя лежала, но только нашли её. Когда ты её отвинтил?

— Я её не отвинчивал, её мне Игнашка, Семёна кривого сын, дал. Это я про ту, что под сундучком, а ту, что на дворе в саях, мы вместе с Митрофаном вывинтили.

— С каким Митрофаном?

— С Митрофаном Петровым... Нешто не слышали? Невода у нас делает и господам продаёт. Ему много этих самых гаек требуется. На каждый невод, почитай, штук десять...

— Послушай... 1081 статья Уложения о наказаниях говорит, что за всякое с умыслом учинённое повреждение железной дороги, когда оно может подвергнуть опасности следующий по сей дороге транспорт и виновный знал, что последствием сего должно быть несчастье... понимаешь? знал! А ты не мог не знать, к чему ведёт это отвинчивание... он приговаривается к ссылке в каторжные работы.

— Конечно, вы лучше знаете... Мы люди тёмные... нешто мы понимаем?

— Всё ты понимаешь! Это ты врешь, прикидываешься!

— Зачем врать? Спросите на деревне, коли не верите... Без грузила только уклеюк ловят, а на что хуже пескаря, да и тот не пойдёт тебе без грузила.

— Ты ещё про шилишпёра расскажи! — улыбается следователь.

— Шилишпёр у нас не водится... Пуцаем леску без грузила поверх воды на бабочку, идёт голавль, да и то редко.

— Ну, молчи...

Наступает молчание. Денис переминается с ноги на ногу, глядит на стол с зелёным сукном и усиленно мигает глазами, словно видит перед собой не сукно, а солнце. Следователь быстро пишет.

— Мне идтить? — спрашивает Денис после некоторого молчания.

— Нет. Я должен взять тебя под стражу и отослать в тюрьму.

Денис перестаёт мигать и, приподняв свои густые брови, вопросительно глядит на чиновника.

— То есть как же в тюрьму? Ваше благородие! Мне некогда, мне надо на ярмарку; с Егора три рубля за сало получить...

— Молчи, не мешай.

— В тюрьму... Было б за что, пошёл бы, а то так... здорово живёшь... За что? И не крал, кажись, и не дрался... А ежели вы насчёт недоимки сомневаетесь, ваше благородие, то не верьте старосте... Вы господина неременного члена спросите... Креста на нём нет, на старосте-то...

— Молчи!

— Я и так молчу... — бормочет Денис. — А что староста набрехал в учёт, это я хоть под присягой... Нас три брата: Кузьма Григорьев, стало быть, Егор Григорьев и я, Денис Григорьев...

— Ты мне мешаешь... Эй, Семён! — кричит следователь. — Увести его!

— Нас три брата, — бормочет Денис, когда два дюжих солдата берут и ведут его из камеры. — Брат за брата не ответчик... Кузьма не платит, а ты, Денис, отвечай... Судьи! Помер покойник барин-генерал, царство небесное, а то показал бы он вам, судьям... Надо судить умеючи, не зря... Хоть и высеки, но чтоб за дело, по совести...

Учимся читать выразительно

Подготовьте выразительное чтение по ролям, подчеркнув смешное и горестное в рассказе «Злоумышленник».

Проект

- ★ Подготовьте с одноклассниками сценарий фильма «Злоумышленник». (Последовательность кадров, смена крупных планов и общих планов, диалогов и деталей интерьера и т. п.)

В очерке М. Горького «А. П. Чехов» приводится сцена разговора Чехова с юристом. Прочитайте этот эпизод.

«Другой раз я застал у него молодого, красивенького товарища прокурора¹. Он стоял перед Чеховым и, потряхивая кудрявой головой, бойко говорил:

— Рассказом „Злоумышленник“ вы, Антон Павлович, ставите передо мной крайне сложный вопрос. Если я признаю в Денисе Григорьеве наличность злой воли, действовавшей сознательно, я должен, без оговорок, упечь Дениса в тюрьму, как этого требуют интересы общества. Но он дикарь, он не сознавал преступности деяния, мне его жалко! Если же я не отнесусь к нему как к субъекту, действовавшему без разума, и поддамся чувству сострадания, чем я гарантирую общество, что Денис вновь не отвинтит гайки на рельсах и не устроит крушения? Вот вопрос! Как же быть?

Он замолчал, откинул корпус назад и уставился в лицо Антону Павловичу испытующим взглядом. Мундирчик на нём был новенький, и пуговицы на груди блестели так же самоуверенно и тупо, как глазки на чистеньком личике юного ревнителя правосудия.

— Если бы я был судьёй, — серьёзно сказал Антон Павлович, — я бы оправдал Дениса...

— На каком основании?

— Я сказал бы ему: „Ты, Денис, ещё не созрел до типа сознательного преступника, ступай — и дозрей!“

Юрист засмеялся, но тотчас же вновь стал торжественно серьёзен и продолжал:

— Нет, уважаемый Антон Павлович, — вопрос, поставленный вами, может быть разрешён только в интересах общества, жизнь и собственность которого я призван охранять. Денис — дикарь, да, но он — преступник, — вот истина!

— Вам нравится граммофон? — вдруг ласково спросил Антон Павлович.

— О да! Очень! Изумительное изобретение! — живо отозвался юноша.

— А я терпеть не могу граммофонов! — грустно сознался Антон Павлович.

¹ *Товарищ прокурора* — заместитель прокурора.

— Почему?

— Да они же говорят и поют, ничего не чувствуя. И всё у них карикатурно выходит, мёртво...»

Размышляем о прочитанном

1. Почему не совпали точки зрения юриста и писателя? Как Горький и Чехов отнеслись к товарищу прокурора?
2. Как вы думаете, что должно измениться в обществе, чтобы поступок Дениса был невозможен? Подготовьте развёрнутое устное рассуждение на эту тему.
3. Какие эпизоды из сказок, повестей, прочитанных вами в классе и дома, вызвали у вас весёлый, добродушный смех? Против чего были направлены эти «весёлые стрелы смеха»? Чем близки нам рассказы Чехова сегодня?
4. Объясните, какую роль выполняет смех в художественных произведениях, включённых в ваш учебник. Отвечая на этот вопрос, внимательно перечитайте в справочнике по теории литературы раздел, посвящённый сатире и юмору.

Творческое задание

Из записных книжек А. П. Чехова... Прочитайте, объясните, как вы понимаете эти записи.

«Почва такая хорошая, что если посадить в землю оглоблю, то через год вырастет тарантас».

«Лучше от дураков погибнуть, чем принять от них похвалу».

Можно ли отнести последнее высказывание к известным вам литературным героям? Если да, то к кому? Подготовьте развёрнутый устный ответ на этот вопрос.

Литература и другие виды искусства

1. Какие произведения Чехова вы видели в театре и в кино? Какие из них показались вам наиболее интересными?
2. Используя ресурсы Интернета, найдите иллюстрации к рассказам «Хамелеон», «Злоумышленник». Какие из них вернее, по вашему мнению, передают характеры героев?

Читаем самостоятельно

Прочитайте самостоятельно рассказы А. П. Чехова «Тоска» и «Размазня». Подумайте, о чём эти повествования, что высмеивает автор в своих героях и кому сочувствует.

Творческое задание

Напишите читательский отзыв об одном из самостоятельно прочитанных рассказов А. П. Чехова.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

А. П. Чехов. «Злоумышленник»

1. С каким чувством актёр читает описание внешности Дениса Григорьева? Как вы считаете, совпадает ли отношение актёра к герою рассказа с авторским?
2. Почему на первый вопрос следователя так естественно прозвучало недоумённое «чаво?» крестьянина? Каким образом актёру удалось подчеркнуть то обстоятельство, что герои рассказа говорят на разных языках, но понимают друг друга?
3. Следователь уверен в том, что мужик прикидывается дураком. Согласен ли со следователем автор? Какими средствами художественного чтения актёр усиливает позицию автора?
4. Каково отношение автора к следователю?

Помогло ли вам чтение актёра понять, как автор относится к героям рассказа?

«КРАЙ ТЫ МОЙ, РОДИМЫЙ КРАЙ...»

СТИХОТВОРЕНИЯ О РОДНОЙ ПРИРОДЕ

Познакомьтесь со стихотворениями русских поэтов о родной природе, подумайте, каким настроением проникнуто каждое из них.

«Исторически сложилось так, что Россия оставалась в XIX веке крестьянской страной. Большинство её населения жило в деревнях и сёлах, занималось земледелием и было самым бедным, самым обездоленным классом, — пишет литературовед В. Коровин в предисловии к книге „Поэзия сельской жизни“. — Неурожаи несли с собой голод, болезни и гибель целых губерний (областей), вызывали стихийные бунты, подавляемые правительством. И всё-таки духовная жизнь народа никогда не замирала. Защитниками интересов крестьян стали писатели — В. Белинский, М. Салтыков-Щедрин, Н. Некрасов. Крестьянскую Россию, её заботы, самую душу крестьянина хорошо понимали А. Пушкин и И. Тургенев, М. Лермонтов и Лев Толстой, А. Кольцов и А. Чехов.

Русские писатели, показывая жизнь народа, крестьянскую нужду, тоску мужика по счастливой доле, раскрывали и неисчерпаемые внутренние силы народа, душевное здоровье, бодрость духа, жажду воли и „привычку к труду благородную“.

В поэзии издавна осень, зима, весна и лето означают нечто большее, чем обычные времена года. Они связаны с пробуж-

дением и расцветом жизненных сил, настроениями радости и веселья, грусти и печали.

Родная природа привлекала поэтов своей скромной простотой. В ней нет показной красоты, она полна спокойствия и раздолья, степенности и величия. Чувство любви к родной земле для русского поэта — это вера в народ и его возможности».

Проверьте себя

1. Вспомните, в каких стихотворных и прозаических произведениях вы встречали описания природы и какую роль они выполняли.
2. Прочитайте помещённые в разделе стихотворения. Подумайте, какие настроения авторы сообщают нам.
3. Выучите наизусть стихотворения, которые наиболее близки вашим настроениям.

В. А. Жуковский

Приход весны

Зелень нивы, рощи лепет,
В небе жаворонка трепет,
Тёплый дождь, сверканье вод, —
Вас назвавши, что прибавить?
Чем иным тебя прославить,
Жизнь души, весны приход?

А. К. Толстой

* * *

Край ты мой, родимый край,
Конский бег на воле,
В небе крик орлиных стай,
Волчий голос в поле!

Гой ты, родина моя!
Гой ты, бор дремучий!
Свист полночный соловья,
Ветер, степь да тучи!

Благовест

Среди дубравы
Блестит крестами
Храм пятиглавый
С колоколами.

Их звон призывный
Через могилы
Гудит так дивно
И так уныло!

К себе он тянет
Неодолимо,
Зовёт и манит
Он в край родимый,

В край благодатный,
Забытый мною, —
И, непонятной
Томим тоскою,

Молюсь и каюсь я,
И плачу снова,
И отрекаюсь я
От дела злого;

Далёко странствуя
Мечтой чудесною,
Через пространства я
Лечу небесные,

И сердце радостно
Дрожит и тает,
Пока звон благостный
Не замирает...

* * *

Замолкнул гром, шуметь гроза устала,
Светлеют небеса;
Меж чёрных туч приветно засияла
Лазури полоса.

Ещё дрожат цветы, полны водою
И пылью золотой.
О, не топчи их с новою враждою
Презрительной пятой.

«У ворот монастыря». Художник А. Саврасов

И. А. Бунин

Родина

Под небом мертвенно-свинцовым
Угрюмо меркнет зимний день,
И нет конца лесам сосновым,
И далеко до деревень.

Один туман молочно-синий,
Как чья-то кроткая печаль,
Над этой снежною пустыней
Смягчает сумрачную даль.

Проверьте себя

1. Какие краски используют поэты и художники для описания природы, создавая эмоциональный настрой произведения?
2. Прочитайте и другие стихотворения, в которых воспевается красота родного края. Подготовьте их к конкурсному чтению, предварив небольшим рассказом об авторе.

Совершенствуем свою речь

Прочитайте и объясните пословицы, используйте их в своей речи: «Без первой ласточки весна не обходится», «Бывает год, что на день семь погод», «Весна даёт цветы, а осень — плоды», «В зимний холод всякий молод», «Лето собирает, а зима поедает», «Лето работает на зиму, а зима — на лето». По одной из пословиц подготовьте устное или письменное сочинение.

Творческое задание

Подготовьте подробный читательский отзыв на одно из пейзажных стихотворений русских поэтов, обращая особое внимание на эмоциональное содержание и художественные средства, которыми оно выражено (ритм, рифма, звучание слов, эпитеты, сравнения, метафоры и т. п.).

А. С. Пушкин

Московская квартира Пушкина на Арбате

23 января 1831 года А. С. Пушкин приезжает в Москву и снимает в центре, на Арбате, квартиру из пяти комнат. Прежде, приезжая в Москву, поэт останавливался у друзей или в гостиницах. Но теперь, накануне свадьбы, он решил обосноваться в древней столице более основательно. Сохранился документ, подтверждающий этот факт: «...нанял я, Пушкин, собственный г-на Хитрово дом... каменный двухэтажный с антресолями и к оному принадлежащими людскими службами...» В этот дом накануне свадьбы, 17 февраля, Пушкин пригласил друзей на мальчишник — прощание с холостой жизнью. Были поэты П. А. Вяземский, Е. А. Баратынский, Н. М. Языков, Д. В. Давыдов,

Московская квартира А. С. Пушкина на Арбате

брат Пушкина Лев Сергеевич. В арбатской квартире молодые принимали гостей в день свадьбы.

В доме на Арбате поэт читал друзьям неопубликованные произведения. Под сводами дома звучали строфы восьмой главы «Евгения Онегина», «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», стихотворения, споры о написанном и задуманном.

Сейчас в этом доме мемориальный отдел Государственного музея А. С. Пушкина «Квартира А. С. Пушкина на Арбате». На первом этаже здания 8 залов музейной экспозиции, где представлены книги, журналы, газеты 30-х годов XIX века, портреты и рукописи известных литераторов, живших или часто бывавших в Москве в те годы. Второй этаж — пушкинские комнаты, в которых воссоздан интерьер начала 30-х годов XIX века, — мемориальная часть музея.

Сайт музея: <http://museipushkina.narod.ru/arbat.html>

Дом станционного смотрителя, деревня Выра Гатчинского района Ленинградской области

В пушкинские времена через деревню Выра проходил тракт, связывающий Петербург с южными губерниями России. Выра была третьей станцией после столицы, где проезжающие отдыхали и меняли лошадей. Множество раз поэт проезжал через Выру, останавливаясь на почтовой станции, — здесь пролегла его дорога в южную ссылку, через Выру он ездил в Михайловское, по этой же дороге было суждено отправиться ему в последний путь из Петербурга в Святогорский монастырь.

Специалисты предполагают, что прототипом пушкинского Самсона Вырина стал Тимофей Садовский, служивший станционным смотрителем в Выре в 1823—1835 годах.

В 1972 году в Выре был открыт музей «Дом станционного смотрителя», первый в нашей стране музей литературного героя. В экспозиции музея воссоздана «чистая половина для господ путешественников», в красном углу — стол смотрителя. На столе рядом со старинным подсвечником и гусиным пером копия подорожной, в которой сообщается, что «коллежский секретарь Александр Пушкин отправлен по надобностям службы к главному попечителю южного края России генерал-лейтенанту Инзову...», документ, которым поэт был направлен в южную ссылку. Одно из помещений музея — комната Дуни, типичная для того времени светёлка: сундук для приданого, предметы девичьего

Дом станционного смотрителя, деревня Выра
Гатчинского района Ленинградской области

рукоделия, интерьер начала XIX века. Значительную часть музейного комплекса занимает экспозиция «Русская почта XIX века».

Сайт музея: www.spbpskov.ru/vyra.html

А. К. Толстой

Село Красный Рог Почепского района Брянской области

Поэт, драматург, прозаик Алексей Константинович Толстой родился в Петербурге в 1817 году. Но вскоре после его рождения мать Анна Алексеевна Толстая увезла сына в имение своего брата Алексея Алексеевича Перовского (известного современным читателям под псевдонимом Антоний Погорельский). Именно Красный Рог Алексей Толстой считал своей истинной родиной, так он вспоминал усадьбу дяди и речку Рожок, протекающую неподалёку:

Бор сосновый в стране одинокий стоит;
В нём ручей меж деревьев бежит и журчит.
Я люблю тот ручей, я люблю ту страну.
Я люблю в том лесу вспоминать старину.

Об отношении писателя к Красному Рогу свидетельствует тот факт, что первую свою опубликованную повесть он под-писал псевдонимом *Краснорогский*. Уйдя в отставку с государственной службы, А. К. Толстой поселился в имении Красный Рог, которое досталось ему в наследство после смерти дяди, посвящая своё время и силы литературному творчеству. Здесь был написан знаменитый роман «Князь Серебряный», стихо-творения, вошедшие в золотой фонд русской поэзии, многие из которых были положены на музыку и стали популярными романсами.

Центральное здание усадьбы — охотничий дом был построен прадедом поэта, последним гетманом Украины графом К. Г. Ра-зумовским по проекту прославленного архитектора Б. Растрелли. Но в 1942 году, во время фашистской оккупации здание сгоре-ло. В начале 90-х годов прошлого века здание было восстано-влено, в наши дни в нём располагается основная экспозиция литературно-мемориального музея Алексея Константиновича Тол-стого. Рядом с охотничьим домом находится скромный флигель, в котором жил и работал писатель в 60—70-е годы XIX века. В наши дни здесь расположена мемориальная часть музея.

Сайт музея: www.museum.ru/M1793

Музей А. К. Толстого. Село Красный Рог Почепского района
Брянской области

Л. Н. Толстой

Музей-усадьба в Хамовниках

Москва, ул. Толстого, дом 21

Дом-музей был открыт в 1921 г. В этом доме Л. Н. Толстой жил с 1882 по 1901 год. В доме сохранилась подлинная обстановка середины 1890-х годов. В кабинете писателя художники Н. Н. Ге и И. Е. Репин писали с него портреты. Главная комната в доме — кабинет писателя — угловая, маленькая, с низким потолком. Пол затынут серым солдатским сукном, приглушающим звуки. Мебель обтянута клеёнкой, столь искусно сделанной, что обивка кажется кожаной. Между окнами и дверью — знаменитый письменный стол с барьерчиком-решёткой.

Из ста произведений, созданных писателем в Москве, шестьдесят написаны в этом доме. Здесь бывали Горький и Чехов, Короленко и Островский. Широкий круг знакомых, друзей собирался в большой гостиной на втором этаже, там мы видим шахматы (Толстой любил играть в шахматы). В углу рояль, на котором играли Рубинштейн, Рахманинов, Римский-Корсаков.

Сайт музея: www.tolstoymuseum.ru

Музей Л. Н. Толстого. Москва, ул. Толстого, д. 21

А. П. Чехов

Дом-музей А. П. Чехова

Москва, Садово-Кудринская ул., дом 6

В этом доме писатель жил с 1886 по 1890 год. Дом этот он называл «домом-комодом», так как два тяжёлых эркера и высокая шатровая крыша делали его похожим на старинный комод. Он писал: «Живу в Кудрине... в доме Корнеева, похожем на комод. Цвет дома либеральный, т. е. красный». На двери табличка: «Докторъ А. П. Чехов».

Здесь мы видим фотографию школы, построенной на средства Чехова в Мелихове, фотографию писателя с артистами Художественного театра. В этом доме А. П. Чехов написал сто рассказов, повесть «Степь», пьесу «Иванов», водевили «Медведь», «Свадьба». В эти годы вышел сборник «В сумерки», за который он был удостоен Пушкинской премии Академии наук.

Наибольший интерес представляют мемориальные комнаты первого этажа (кабинет, спальня писателя, комната его младшего брата Михаила, картины Левитана, рисунки его сестры Марии и брата Михаила). В этом доме у него созрело решение ехать на Сахалин. Результатом поездки стала книга «Остров Сахалин».

Сайт музея: www.museum.ru/M309

Дом-музей А. П. Чехова.
Москва, ул. Садовая-
Кудринская, д. 6

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Читайте не торопясь</i>	3
<i>Проверьте себя</i>	5
<i>Знакомимся с новым учебником</i>	—
<i>Обогащаем свою речь</i>	6
<i>Творческое задание</i>	—

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

<i>Предания</i>	7
<i>Проверьте себя</i>	8
<i>Обогащаем свою речь</i>	—
<i>Воцарение Ивана Грозного</i>	—
<i>Сороки-ведьмы</i>	9
<i>Пётр и плотник</i>	—
<i>Размышляем о прочитанном</i>	10
<i>Будьте внимательны к слову</i>	—
<i>Фонохрестоматия. Предание. «Пётр и плотник»</i>	—
<i>Былины</i>	11
<i>Проверьте себя</i>	15
<i>О собирании, исполнении, значении былин</i>	—
<i>В лаборатории народного творчества</i>	17
<i>Вольга и Микула Селянович</i>	—
<i>Размышляем о прочитанном</i>	23
<i>Учимся читать выразительно</i>	—
<i>Проект</i>	—
<i>Совершенствуем свою речь</i>	—
<i>Фонохрестоматия. Былины. «Вольга и Микула Селянович»</i>	24
<i>Садко</i>	—
<i>Размышляем о прочитанном</i>	35
<i>Учимся читать выразительно</i>	36
<i>Читаем самостоятельно</i>	—
<i>Учимся читать выразительно</i>	—
<i>Устное народное творчество, живопись, музыка</i>	—
<i>Проект</i>	37
<i>Карело-финский эпос «Калевала»</i>	38
<i>Размышляем о прочитанном</i>	45
<i>Творческое задание</i>	—
<i>Литература и изобразительное искусство</i>	—
<i>Песнь о Роланде (Перевод Ю. Корнеева)</i>	48
<i>Размышляем о прочитанном</i>	59

Пословицы и поговорки	60
Пословицы	61
Поговорки	62
<i>Проверьте себя</i>	—
<i>Творческое задание</i>	—
<i>Мудрость народов</i>	—
<i>Обогащаем свою речь</i>	63
<i>Размышляем о прочитанном</i>	67
<i>Творческое задание</i>	—
<i>Обогащаем свою речь</i>	68
<i>Творческое задание</i>	—
<i>Проект</i>	—

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

<i>О «Повести временных лет»</i>	70
Из похвалы князю Ярославу и книгам	71
<i>Проверьте себя</i>	—
Из «Поучения» Владимира Мономаха	72
<i>Размышляем о прочитанном</i>	73
<i>Творческое задание</i>	—
Повесть о Петре и Февронии Муромских	—
<i>Размышляем о прочитанном</i>	82
<i>Обогащаем свою речь</i>	—
<i>Творческое задание</i>	—
<i>Фонохрестоматия. «Повесть временных лет».</i> <i>«Повесть о Петре и Февронии Муромских»</i>	83

ИЗ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА

М. В. Ломоносов	84
<i>Проверьте себя</i>	86
К статуе Петра Великого	—
Ода на день восшествия на всероссийский престол Её Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года (<i>отрывок</i>)	—
<i>Размышляем о прочитанном</i>	87
<i>Обогащаем свою речь</i>	—
<i>Учимся читать выразительно</i>	—
<i>Творческое задание</i>	88
<i>Фонохрестоматия. М. В. Ломоносов. «Ода...»</i>	—
Г. Р. Державин	89
<i>Проверьте себя</i>	90
Признание	—
На птичку	91

<i>Последние стихи Державина</i>	
«Река времён в своём стремленьи...»	91
<i>Проверьте себя</i>	—
<i>Творческое задание</i>	—
<i>Обогащаем свою речь</i>	92
<i>Творческое задание</i>	—
<i>Фонохрестоматия. Г. Р. Державин. «Признание»</i>	—

ИЗ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА

<i>А. С. Пушкин</i>	93
<i>Проверьте себя</i>	95
<i>В творческой лаборатории Пушкина</i>	—
<i>Творческое задание</i>	96
<i>Литература и изобразительное искусство</i>	—
<i>Учимся читать выразительно</i>	97
<i>Обогащаем свою речь</i>	—
<i>Литература и изобразительное искусство</i>	—
<i>Медный всадник (отрывок)</i>	98
<i>Размышляем о прочитанном</i>	100
<i>Учимся читать выразительно</i>	—
<i>Фонохрестоматия. А. С. Пушкин. «Медный всадник»</i>	—
<i>Литература и изобразительное искусство</i>	101
<i>О летописном источнике исторической баллады</i> <i>А. С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге»</i>	102
<i>Песнь о вещем Олеге</i>	103
<i>Размышляем о прочитанном</i>	107
<i>Творческое задание</i>	—
<i>Обогащаем свою речь</i>	—
<i>Литература и другие виды искусства</i>	108
<i>Учимся читать выразительно</i>	—
<i>Фонохрестоматия. А. С. Пушкин. «Песнь о вещем Олеге»</i>	—
<i>Пушкин-драматург</i>	109
<i>Борис Годунов (отрывок)</i>	111
<i>Размышляем о прочитанном</i>	118
<i>Творческое задание (опыт литературоведческого исследования)</i>	—
<i>Обогащаем свою речь</i>	119
<i>Творческое задание</i>	—
<i>Литература и изобразительное искусство</i>	—
<i>О «Повестях покойного Ивана Петровича Белкина»</i>	—
<i>Творческое задание</i>	120
<i>Станционный смотритель</i>	121
<i>Размышляем о прочитанном</i>	134
<i>Учимся читать выразительно</i>	135
<i>Литература и изобразительное искусство</i>	—

Проект	135
Фонохрестоматия. А. С. Пушкин. «Станционный смотритель»	—
М. Ю. Лермонтов	137
<i>Как работал Лермонтов</i>	140
Проверьте себя	141
Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова	—
Размышляем о прочитанном	158
Творческое задание	—
Учимся читать выразительно	159
Фонохрестоматия. М. Ю. Лермонтов. «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»	—
Читатели Лермонтова о своих впечатлениях	160
Молитва	162
Фонохрестоматия. М. Ю. Лермонтов. «Молитва»	163
Ангел	—
Фонохрестоматия. М. Ю. Лермонтов. «Ангел»	164
«Когда волнуется желтеющая нива...»	—
Фонохрестоматия. М. Ю. Лермонтов. «Когда волнуется желтеющая нива...»	165
Размышляем о прочитанном	—
Творческое задание	—
Учимся читать выразительно	—
Литература и другие виды искусства	166
Обогащаем свою речь	—
Литература и изобразительное искусство	—
Проект	—
Н. В. Гоголь	167
<i>Как работал Гоголь</i>	169
Проверьте себя	170
Тарас Бульба (в сокращении)	—
Размышляем о прочитанном	236
Учимся читать выразительно	—
Обогащаем свою речь	237
Творческое задание	—
Литература и другие виды искусства	—
Проект	—
И. С. Тургенев	238
« <i>Вся моя биография в моих сочинениях...</i> »	239
Совершенствуем свою речь	240
Бирюк	—
Размышляем о прочитанном	249

Совершенствуем свою речь	249
Творческое задание	—
Фонохрестоматия. И. С. Тургенев. «Бирюк»	250
Стихотворения в прозе	—
Русский язык	251
Близнецы	—
Два богача	—
Размышляем о прочитанном	252
Учимся читать выразительно	—
Творческое задание	—
Фонохрестоматия. И. С. Тургенев. «Русский язык».	
«Близнецы». «Два богача»	—
В творческой лаборатории Тургенева	253
Размышляем о прочитанном	—
Совершенствуем свою речь	—
Н. А. Некрасов	254
Творческое задание	255
О поэме «Русские женщины»	—
Русские женщины. Княгиня Трубецкая	256
Размышляем о прочитанном	271
Учимся читать выразительно	—
Творческое задание	272
«Вчерашний день, часу в шестом...»	—
Фонохрестоматия. Н. А. Некрасов. «Русские женщины»	—
Размышления у парадного подъезда	273
Из воспоминаний А. Я. Панаевой	277
Размышляем о прочитанном	—
Совершенствуем свою речь	278
А. К. Толстой	279
Размышляем о прочитанном	280
Василий Шибанов	281
Князь Михайло Репнин	285
Из высказываний Ф. М. Достоевского	
о М. Ю. Лермонтове	287
Размышляем о прочитанном	288
Учимся читать выразительно	—
М. Е. Салтыков-Щедрин	289
Проверьте себя	290
Повесть о том, как один мужик двух генералов	
прокормил	291
Размышляем о прочитанном	300
Литература и изобразительное искусство	301
Учимся читать выразительно	—

Читаем самостоятельно.....	301
Обогащаем свою речь	—
Фонохрестоматия. М. Е. Салтыков-Щедрин. «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил»	302
Нужен ли нам Щедрин сегодня?	—
Размышляем о прочитанном	303
Творческое задание	—
Литература и изобразительное искусство	304
Л. Н. Толстой	305
Совершенствуем свою речь	307
«В середине XIX столетия...»	—
Детство (главы из повести)	308
Размышляем о прочитанном	315
Размышляем о прочитанном	322
Творческое задание	—
Литература и изобразительное искусство	—
Совершенствуем свою речь	—
Как работал Толстой	323
Размышляем о прочитанном	—
Обогащаем свою речь	324
А. П. Чехов	325
Из воспоминаний о Чехове	326
Проверьте себя	328
Совершенствуем свою речь	—
Хамелеон.....	—
Фонохрестоматия. А. П. Чехов. «Хамелеон»	332
Размышляем о прочитанном	—
Злоумышленник.....	333
Учимся читать выразительно.....	337
Проект	—
Литература и жизнь.....	338
Размышляем о прочитанном	339
Творческое задание	—
Литература и другие виды искусства.....	—
Читаем самостоятельно.....	—
Творческое задание	340
Фонохрестоматия. А. П. Чехов. «Злоумышленник»	—

«КРАЙ ТЫ МОЙ, РОДИМЫЙ КРАЙ...»

Стихотворения о родной природе	341
Проверьте себя	342
В. А. Жуковский. Приход весны	—

А. К. Толстой. «Край ты мой, родимый край...»	342
Благовест	343
«Замолкнул гром, шуметь гроза устала...»	—
И. А. Бунин. Родина	345
Проверьте себя	—
Совершенствуем свою речь	—
Творческое задание	—

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕСТА РОССИИ

А. С. Пушкин	
<i>Московская квартира Пушкина на Арбате</i>	346
<i>Дом станционного смотрителя, деревня Выра</i> <i>Гатчинского района Ленинградской области</i>	347
А. К. Толстой	
<i>Село Красный Рог Почепского района Брянской</i> <i>области</i>	348
Л. Н. Толстой	
<i>Музей-усадьба в Хамовниках. Москва, ул. Толстого,</i> <i>дом 21</i>	350
А. П. Чехов	
<i>Дом-музей А. П. Чехова. Москва, Садово-Кудрин-</i> <i>ская ул., дом 6</i>	351

Учебное издание

Коровина Вера Яновна
Журавлев Виктор Петрович
Коровин Валентин Иванович

ЛИТЕРАТУРА

7 класс

Учебник для общеобразовательных организаций

В двух частях

ЧАСТЬ 1

Центр гуманитарного образования
Редакция русского языка и литературы
Зав. редакцией *С. И. Красовская*
Ответственный за выпуск *Т. А. Неретина*
Редакторы *Е. И. Правоторова, Е. П. Прокина*
Художественный редактор *А. П. Присекина*
Художник *Ю. В. Христинч*
Техническое редактирование
и компьютерная вёрстка *Е. В. Саватеева*
Корректор *С. В. Васильева*

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93—953000. Изд. лиц. Серия ИД № 05824 от 12.09.01. Подписано в печать 17.12.15. Формат 60 × 90^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура SchoolBookSanPin. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 18,31 + 0,44 форз. Доп. тираж 30 000 экз. Заказ № 3840.

Акционерное общество «Издательство «Просвещение».
127521, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Отпечатано по заказу АО «ПолиграфТрейд» в филиале
«Тверской полиграфический комбинат детской литературы»

ОАО «Издательство «Высшая школа».

170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

Тел.: +7(4822) 44-85-98. Факс: +7(4822) 44-61-51.

* * *

Святая тишина убогих деревень,
Где труженик, задавленный невзгодой,
Молился небесам, чтоб новый, лучший день
Над ним взошел — великий день свободы.

Вас понял я тогда; и сердцу так близка
Вдруг стала песнь моей страны родимой —
Звучала ль в песне той глубокая тоска,
Иль слышался разгул неудержимый.

Отчизна! не пленишь ничем ты чуждый взор...
Но ты мила красотой своей суровой
Тому, кто сам рвался на волю и простор,
Чей дух носил гнетущие оковы...

А. Н. Плещеев

*А. К. Саврасов, «Печёрский монастырь
близ Нижнего Новгорода»*

ISBN 978-5-09-037554-2

9 785090 375542

ЛИТЕРАТУРА

Учебно-методический комплект по литературе под редакцией В. Я. Коровиной для 7 класса:

• Рабочая программа. Литература. Предметная линия учебников под редакцией **В. Я. Коровиной**. 5–9 классы

• **В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин.**

Литература. 7 класс. Учебник для общеобразовательных организаций в 2 частях

• **Р. Г. Ахмадулина.** Литература. 7 класс. Рабочая тетрадь. В 2 частях

• **В. Я. Коровина.** «Читаем, думаем, спорим...». Дидактические материалы по литературе. 7 класс

• **Н. В. Беляева.** Уроки литературы в 7 классе. Поурочные разработки

• **Н. В. Беляева.** Литература. 5–9 классы. Проверочные работы

Дополнительные материалы к учебнику размещены в электронном каталоге издательства «Просвещение» на интернет-ресурсе www.prosv.ru

ПРОСВЕЩЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО